

Игорь Пронин

ПИРАТЫ

ОХОТА НА ДЕЛЬФИНА

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

«Аргументы и Факты»
Москва, 2013

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

*Книга издана при поддержке
деловой газеты ВЗГЛЯД, ДНИ.РУ, RUSSIA.RU*

Пронин, И.
П81 Пираты. Охота на дельфина / Игорь Пронин — М. : Из-
дательство «Этногенез», 2013. — 352 с.

1650 год. Расцвет пиратства в морях Нового Света. Неизученные земли, неотмеченные на картах острова, древние сокровища и морские чудовища — часть обыденной, повседневной жизни Берегового братства, возникшего в заморских колониях. Эти люди жили среди легенд, которые сами же и сочиняли, и частью которых становились. Где сказка становится былью, а выдумка — неотвратимым будущим? Почему все знают, когда вернется на Тортугу корабль, о котором толком ничего не известно? Авантурист Диего Альonso, столкнувшись с этой тайной, бросил все и пересек океан, чтобы встретиться с пережившей необычайные приключения командой и капитаном Кристин Ван Дер Вельде. Но не только он искал этой встречи.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
П81

ISBN 978-5-906338-02-0

© Рыков К., 2013
© Пронин И., 2013
© Издательство «Этногенез», 2013

ЭТНОГЕНЕЗ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПАЗЛ

ТАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО. ЗНАКОМЬТЕСЬ — это «Этногенез». С полным правом этот проект называется самым грандиозным в истории литературы! Каждая его книга — отдельная увлекательная история, каждая серия — новый поворот сюжета. Вас ждут затерянные миры и их секреты, захватывающие приключения, путешествия во времени и пространстве — в настоящее, прошлое, будущее. С каждой прочитанной историей у вас появляется возможность самим складывать, словно мозаику или пазл, удивительную вселенную «Этногенеза».

ЧТО ТАКОЕ «ЭТНОГЕНЕЗ»?

Почему, по убеждению Артура Кларка, ма-
гия и технология неотличимы?

Почему человек начал искать пути к дости-
жению будущего, лишь обретя прошлое?

Какими путями осуществляется развитие
человечества, какие средства используются?

Как удается простому кочевнику покорить
полмира, а никому неизвестному лейтенанту-
артиллеристу стать императором и кумиром
миллионов?

Нищий художник-неудачник вдруг откры-
вает в себе дар убеждения необычайной силы
и взмывает к вершинам власти. Но этот дар
направлен во зло, и что сумеют противопоста-
вить ему те, кого новый вершитель судеб обре-
кает на смерть?

Откуда приходят в наш мир воины, поли-
тики, ученые, художники, писатели, которым
суждено не просто оставить след в истории,
а изменить ее ход? Жестокие диктаторы, без-
удержные авантюристы, фанатичные террори-
сты и гениальные философы — чем отличают-
ся они от обычных людей?

Возможно ли разгадать тайну их «сверхспо-
собностей» — феноменальную память, необы-
чайную выносливость, выдающуюся силу, а по-
рой и просто откровенно мистические свойства?

Известный историк-этнограф Лев Гумилев
в поисках ответов на эти вопросы разработал

теорию пассионарности, основу которой составляет идея об избыточной биохимической энергетике тех, кому суждено перевернуть мир.

Литературный сериал «Этногенез» продолжает и развивает идеи выдающихся ученых А. Кларка и Л. Гумилева. «Этногенез» — это оригинальная версия эволюции человечества, и лучшие современные авторы-фантасты представляют на суд читателей свои романы-объяснения.

Все книги проекта связаны между собой. Собранные воедино, они раскрывают перед читателем захватывающую картину человеческой истории. Как зародилась разумная жизнь, как она развивалась и есть ли у нее шанс на выживание — об этом и рассказывает «Этногенез».

Почему проект «Этногенез» — это не просто интересные книги и качественная литература?

Мы любим нашу историю. На страницах книг по новому оживают такие выдающиеся люди как Чапаев, Иван Грозный и многие другие. Надеемся, что частица нашего интереса к мировой истории, благодаря ее живому изложению, передастся и вам.

Мы пишем о вечных ценностях, но современным языком. По отзывам наших читателей, книги проекта читаются ими на одном дыхании. Некоторые из них даже говорят о том, что наши книги вновь вернули им интерес

к чтению после долгого перерыва. Возможно читатели слишком добры к нам в оценке нашего труда, но нам приятно думать, что хоть отчасти это так.

И наконец, проект «Этногенез» — живой сериал: сюжеты и их герои рождаются практически на ваших глазах. Литературная мозаика складывается именно сейчас, когда вы читаете эти строки. Для авторов и создателей сериала очень важно мнение читателей — мы стараемся работать, чтобы вам было интересно.

Читайте, верьте, участвуйте!

ПРОЛОГ

1650 год, западное побережье Кубы

Карибские штормы коварны. Они не так могучи, как океанские, не делятся неделями и не поднимают волн, накрывающих корабль вместе с мачтами. Но они налетают совершенно неожиданно и гонят парусники к крохотным островкам, не отмеченным ни на каких картах, а то и просто к скрытым водой отмелям. Таких в Карибском море сколько угодно, и наивен капитан, который полагает, что знает эти воды. Старые моряки утверждают, что острова иногда вырастают за одну ночь и так же запросто пропадают на следующую. В этом может убедиться каждый, всего лишь сравнив старые и новые карты — как мало они похожи друг на друга! Лишь штормы, коварные карибские штормы знают, где суши, где мель, а где глубина, и гонят корабли на смерть. И корабли, вдруг с размаху налетев килем на скалы или просто сев на

мель и оказавшись беззащитными под ударами невысоких, но упорных волн, погибают. В предсмертном скрипе бортов порой слышится горестное недоумение: я пересек океан! Я видел штормы пострашнее этого! Я прошел через все и доставил команду, груз и пассажиров почти до самой Гаваны, столицы Карибов, почему же именно тут ждала меня такая бесславная гибель?! Страшно ругаются тогда капитаны, и молнии с небес вторят им, но сделать ничего нельзя. Не спасти корабль, не спасти груз, остается лишь попытаться спасти людей. Шторму это не нравится, он старается помешать спустить шлюпку, торопится изломать мачты и реи, оборвать такелаж, чтобы море вместе с кораблем получило и команду. Но если люди действуют слаженно, то надежда на спасение есть. Удивительно, но у шлюпки в такой шторм больше шансов уцелеть, чем у корабля.

Убедившись, что эту щепку на мель не посадить и на подводные скалы не забросить, шторм начинает скучать, а потом уходит искать другую добычу. Люди вычерпывают воду и спят, привалившись друг к другу, пока капитан рассматривает мокрые, расползающиеся под руками карты и думает, куда же держать курс. Обычно ему ничего не приходит в голову, потому что куда ни посмотри — море, а где после шторма оказалась шлюпка, совершенно

неясно. И тогда за дело берется карibbeanское солнце. Хорошо еще, если в суете и ужасе нашелся матрос с холодной головой и успел бросить в шлюпку бочонок с пресной водой. Тогда первые сутки проходят сравнительно спокойно. И, может быть, покажется на горизонте парус, а марсовый заметит шлюпку, с которой ему бешено размахивают привязанной к веслу рубахой. Это удача, которой в южных морях ничуть не меньше, чем штормов, солнца, золота и крови. Даже если спасенные окажутся в цепких пиратских лапах, их ждет вполне сносное существование в трюме до ближайшей плантации. Там они будут трудиться в ожидании, пока за них заплатят выкуп. Если такой надежды нет — будут работать, пока не оплатят свою свободу. В этом случае кормят хуже, следят строже, и, прямо скажем, мало кто смог сам себя выкупить. Увы, таков закон: спасенный становится собственностью команды. Закон блудет все Береговое Братство, а мнение европейских законников из колониальных столиц на островах мало кого заботит. В конце концов, раб может убежать, и если проявит достаточную ловкость — уйдет и от пуль, и от собак, и от аллигаторов, что поджидают его в болотистых лесах, — то заслужит всеобщее уважение.

Команде и пассажирам голландского парусника, который шторм бросил на нежданную мель совсем

недалеко от Гаваны, повезло еще больше. Их спасли не пираты и даже не какой-нибудь капитан, чтуший законы Берегового Братства (а это все равно, что пират), а ловцы жемчуга, что бесстрашно пересекали морскую гладь на своих больших, длинных каноэ. Собственно, даже не спасли, а указали путь к ближайшему берегу. Почти спасенные налегли на весла шлюпки и на рассвете следующего дня увидели пустынный берег. Еще через несколько часов, донельзя усталые и голодные, они отыскали крохотную рыбацкую деревушку, разноцветное население которой поделилось с ними своей обычной пищей: креветками. Но самым главным приобретением, конечно же, был крохотный ручеек, из которого каждый наконец-то вволю напился. Дальше все прилегли отдохнуть на берегу, а потом понемногу собрались и длинной вереницей ушли к Гаване. Остался лишь один — полный, можно даже сказать, толстенький бородатый мужчина в красивых сапогах с пряжками, который продолжал мирно посапывать, время от времени смешно всхрапывая.

Надо отметить, что всхрапывал он лишь тогда, когда мальчишки зажимали ему нос. Проделав эту шутку сотню раз и так и не разбудив странного господина, мальчишки принялись тыкать в него палками. Но даже и эта жестокая забава не сразу

привела в чувство усталого толстячка. Наконец он все же очнулся, с некоторым удивлением посмотрел на клоняющееся к западу солнце и сладко потянулся.

— Простите, мсье, а как называется это местечко? — спросил он у босоногих шалунов по-французски, но добился лишь взрыва хохота. Он пошарил по земле рукой, видимо в поисках шляпы, не нашел и задумчиво поскреб редкую шевелюру, а потом повторил вопрос на английском и испанском: — Как называется ваша деревня?

Надо полагать, ему и в голову не приходило, что иногда местечко не называется никак. Хотя бы потому, что никому никогда не нужно туда попасть. Крякнув, бородач поднялся и осмотрелся. Отсутствие товарищей по несчастью его не столько расстроило, сколько удивило. Используя все три языка, он попытался выведать у мальчишек, куда же подевались капитан и команда. Спустя не меньше получаса, когда сорванцы устали хохотать над его выговором, вожак наконец ответил ему по-испански. Тут уж толстячку пришлось постараться, чтобы разобрать необычно произносимые слова.

— Ваш капитан, сеньор, пешком ушел к Гаване, искать себе новый корабль! — заявил белобрысый, дочерна загорелый паренек. — И пусть меня скормят акулам, если он его получит. Команда во всем винит его, а если учесть, что он утопил груз

из Кастилии... Я бы на его месте подался к буканьерам или нанялся на первый попавшийся корабль, хоть бы и простым матросом. Я именно так однажды и сделаю, сеньор! Я уплыву отсюда, и пусть бродячие псы сожрут каждого, кто думает иначе! А потом мы отправимся грабить рудники, захватим там корабль, и я стану капитаном!

С вожаком немедленно заспорил один из его товарищей, крепкий курчавый мулат. Предметом спора, насколько понял бородач, была капитанская должность, потому что мулат тоже претендовал на нее после ограбления испанских рудников и захвата корабля. Спор плавно перешел в драку, и к заморскому гостю интерес временно был потерян. Горестно вздыхая, оставшийся один в незнакомой стране путник побродил вокруг в поисках шляпы и камзола, который он повесил на ветки куста после некоторой чистки, прежде чем уснуть. Камзола не было, и что-то подсказывало ему, что спрашивать о его судьбе не имеет смысла. Между тем от деревни, представлявшей из себя десяток грубо сколоченных хижин, приближался высокий, широкоплечий босой мужчина с весьма зверским выражением лица.

— Приветствую вас, сеньор! — как можно дружелюбнее обратился к нему толстячок. — Мое имя — Никола Фламель, я являюсь подданным французской

короны. Не угодно ли вам будет сообщить мне, достойный сеньор, где я нахожусь?

«Достойный сеньор», сдвинув на затылок старую соломенную шляпу, сверху вниз рассматривал Фламеля. В глазах его светилось нескрываемое презрение, кулаки были сжаты, а плечи чуть подергивались, будто бы сеньор размышлял, с какой руки лучше врезать гостю в ухо. Думалось ему с трудом, и сеньор не сдержал тяжелого вздоха, при этом обдав Фламеля таким перегаром, что француз отшатнулся.

— Ну хорошо, — печально кивнул Фламель, — хорошо. Капитан и команда меня бросили, прихватив камзол и все, что было в карманах. А деревня эта, видимо, никак не называется. Жизнь ведь на этом не кончается, верно? Скажите хоть, могу ли я рассчитывать на скромный завтрак? Я обещаю, что расплачусь, как только доберусь до губернатора.

Верзила снова вздохнул, вынудив Фламеля отступить еще на шаг.

— Вы мне не доверяете? — печально предположил он. — Что ж, тогда знайте: я мог бы добыть золото вот прямо сейчас. Однако, сеньор, мне понадобится хотя бы немного красной ртути. Не подскажете ли, где я могу ее одолжить?

К молчаливому собеседнику Фламеля подошли еще двое: трясущийся старик с лицом, густо

покрытым оспинами, и молодой парень с обломком весла в руке. Оба смотрели на сапоги француза, совершенно игнорируя его слова.

— Или хотя бы обычной ртути... — совсем тихо произнес Фламель. — Я понимаю. Раз так, пойду хотя бы умоюсь.

Он снял сапоги, засучил грязные штаны и отправился к ручью. Старик и юноша молча посмотрели на верзилу. Тот проводил Фламеля почти благоговейным взглядом и отчетливо произнес:

— Дурачок!

— Сомнительно мне это, Каспаро! — заговорил старик. Во рту его виднелось лишь несколько зубов. — По всему видать, образованный. Смотри, какие ноги белые! Глаза режет. Из благородных он.

— Дурачок, — упрямо повторил Каспаро.

— И правда, дед, — поддержал его молодой, — какой же он благородный, если его тут бросили? Такой никому не нужен, потому что идиот.

Каспаро взял один сапог и с восхищением рассмотрел пряжки. Его огромная лапища, привыкшая к свободе, отчаянно сопротивлялась, когда хозяин вколачивал ее внутрь, но Каспаро был упрям и все же натянул обновку.

— Пойду покажу Маргарите! — сообщил он товарищам и захромал к хижинам со вторым сапогом в руке. — А этого не трогайте, он дурачок!

Старик сплюнул на песок и отправился вслед за Каспаро. Парень еще постоял минуту, рассматривая замечательно белые ноги Фламеля. Но потом и он, рассеянно выронив оружие, пошел к хижинам, лениво загребая песок ногами. Там, среди пыльных огородов и шумных женщин, тощих кур и драных рыбакских сетей, лениво протекала его жизнь. Все могло измениться в один миг, как часто случается на Карибах. Может, спрятавшимся от непогоды охотникам-буканьерам понадобился бы человек взамен погибшего товарища, а может, по побережью прошел бы слух об удачливом капитане, срочно набирающем команду... Каждый рыбак мог покинуть деревню в любой момент, и ему даже не приходилось собираться. Но, как правило, долгими месяцами не происходило ровным счетом ничего, а до Гаваны, столицы Вест-Индии, казалось так далеко... Безымянная деревушка, как и многие такие же, дремала в ожидании чуда.

Фламель закончил плескаться и, морщась от боли в подошвах, вернулся на горячий песок. Внимательный наблюдатель отметил бы, что отсутствие сапог «дурачка» ничуть не удивило. Более того, борода его была будто бы нарочно смешно всклокочена, а губы словно репетировали глупую улыбку.

— Что ж, мсье Никола, крепкий сон всегда был и твоей силой, и твоей слабостью, — пробормотал

он сквозь зубы. — Однако кто же мог предположить кораблекрушение? Мне сказали, что капитан совершенно надежен и уже в третий раз идет к Гаване. Теперь все потеряно, средств нет. Да что средства, во всей Вест-Индии, скорее всего, нет даже капли красной ртути! Ах, если бы поскорее найти орихалк...

Вздохнув, француз отправился бродить по деревушке — ничего иного не оставалось, потому что уже наступал вечер. Он прошел мимо равнодушных женщин, сидевших на каких-то ящиках, мимо старого седого негра, сосредоточенно мастерившего что-то из обрывка паруса, и решительно ни в ком не вызвал ни малейшего интереса. Это Фламеля даже успокоило, но не успел он облегченно вздохнуть, как оказался атакован стаей бродячих псов. Во всех странах мира собаки не любят чужаков, такова собачья природа: все вокруг, по их мнению, должно оставаться привычным и незыблемым, жизнь должна идти своим чередом, и каждый должен заниматься своим делом. Любые перемены тревожат и нервируют собак. Безоружный Фламель, испуганно озираясь, медленно отступал перед наседавшим на него вожаком, больше всего опасаясь за свои беззащитные ноги. Но помощь не заставила себя долго ждать: на лай примчались мальчишки и отогнали собак, что-то крича им на

своем чудном диалекте. Француз сумел разобрать лишь что-то вроде «дурачок Фламель».

— Поздравляю вас с новым титулом, мсье! — проворчал он, возвращаясь к ручью. — По-всякому вас величали... И жуликом, и даже убийцей, но дурачком — в первый раз!

Когда стемнело, кто-то разжег костер на берегу. Скучающий Фламель осторожно подошел и обнаружил у огня почти все мужское население деревушки, включая мальчишек и даже псов. Он осторожно присел с краю, и в ноздри ему ударил запах варившихся в старом котелке креветок. Французу эта еда не нравилась, он не находил в ней ни утонченности, ни хоть какого-то вкуса, но не мог отрицать определенной питательности. Тем более, его желудок после перенесенных бедствий явно утонченностью не интересовался и требовательно урчал, как голодный кот.

И все же попрошайничать не годилось. Фламелю пришлось сесть и терпеливо ждать возможности присоединиться к трапезе.

У костра говорили о новостях. Удивительным образом все, что происходило в Карибском море, становилось немедленно известно в самых отдаленных уголках. Правда, стремительно переносясь от острова к острову и от колонии к колонии, новости по пути обрастили удивительными

и разнообразными подробностями. Оттого случай, произошедший с капитаном Гомешем в Панаме, на Эспаньоле пересказывали так, что очевидец решил бы, что речь идет о совершенно другой истории. Иначе это сказание звучало на Барбадосе, совсем по-другому — на Тортуге, а во Флориде и имя капитана сменилось на Ван Дер Вельде. Таким образом, каждое приключение пиратских капитанов, этих эпических героев Карибов, порождало целую серию легенд. Но каждая такая сказка была основана на событии вполне реальном, это знали все и поэтому ни капли не сомневались в искренности рассказчика.

Несведущий в подобных особенностях жизни Вест-Индии, мсье Фламель весь превратился в слух. Он был далеко не глуп, несмотря на новое прозвище, и понимал, что отныне сам — часть Карибов, и, возможно, надолго. А раз так, не следует отмахиваться даже от самых диких слухов, потому что любое знание ценно и порой даже какая-нибудь мелочь может поправить положение и вернуть все, что потеряно.

— Морской дьявол прибрал их всех, — между тем заканчивал какую-то историю пожилой негр с пепельно-седыми волосами. — И брал он их не спеша, по одному. Сначала боцман пошел проверить вахту и исчез. Потом матрос Джек отправился к штурвалу, а там — никого! Он скорее выровнял

курс, но больше ничего не успел сделать, потому что дьявол забрал и его. И так до тех пор, пока не остался один капитан Красный Чарли. Чарли понял, что ему не уцелеть, и решил припрятать тот бриллиант, что взял из короны индейского бога.

— Зачем? — меланхолично спросил его тот парень, что недавно пришел к Фламелю с обломком весла.

— Чтобы хотя бы он не достался дьяволу, зачем еще? — усмехнулся негр. — Красный Чарли больше никак не мог ему насолить.

— А какой смысл солить, если дьявол все равно забрал его душу? — не унимался скептик. — Дьявол всегда получает, что хочет.

— Не всегда! — заспорил Каспаро. — Ван Дер Вельде обманывал дьявола! И капитан Тич тоже обманывал!

— Чарли решил спрятать бриллиант, потому что уж таков он был, Красный Чарли, — перебил его негр, чтобы не потерять инициативу. — Всегда норовил кому-то насолить, пусть даже и не себе в выгоду. И вот он взял этот камень и затолкал его в подзорную трубу, прямо внутрь. Когда дьявол пришел — а он уже не скрывался, потому что больше никого не корабле не осталось! — Чарли сам сорвал с шеи крест и попросился к нему на службу. Уж таков он был, Красный Чарли. Дьявол

рассмеялся, и тогда Чарли выпалил в него из обоих пистолетов, что всегда держал под рукой. А когда дым в каюте рассеялся, не было уже ни Чарли, ни морского дьявола. Только и подзорной трубы тоже не было. Когда корабль нашли у берегов Панамы, то специально посланный человек от губернатора перерыл там все. Но трубы не было!

Фламелю, по натуре естествоиспытателю и логику, очень хотелось спросить: кто мог рассказать эту историю, если дьявол забрал всех, и откуда известно о бриллианте в подзорной трубе, если ее не нашли? И при чем тут вообще губернатор? Но он молчал и так же молча прослушал еще две подобные же истории — жуткие и совершенно бездоказательные. В частности, он узнал чрезвычайно интересную версию гибели португальского военного корабля. Эта трагедия стала новостью в Мадриде прямо накануне его отъезда, но в салонах и понятия не имели, какую роль в крушении сыграли два индейских колдуна и заколдованная жемчужина, которую португальцы отобрали у призрака пирата Тича, на свою беду.

В разговорах наконец наступила пауза: на широкие пальмовые листы стали раскладывать креветки. Псы ринулись было ближе к огню, получили нещадных пинков по бокам и отступили в тень без возражений: надо полагать, это было ежевечерним ритуалом, и собаки принимали его, как и все

привычное. Воспользовавшись тишиной, Фламель решился заговорить.

— Здесь упоминали имя капитана Ван Дер Вельде, — сказал он, прокашлявшись. — Мне тоже доводилось слышать кое-что о нем и его корабле «Ла Навидад».

— Все мы слышали о «Ла Навидад», а многие и своими глазами видели! — презрительно заметил тот старик, что постоянно слегка трялся. — Вот тут он проплывал, прямо напротив этого места, и пусть чайки выклюют мои глаза, если это не так! Энрике, да налей же мне немного того пойла, что ты принес, но прячешь за спиной!

— Это не пойло, а настоящий ром! — проворчал Энрике. — И я не понимаю, почему я должен тебе наливать — у Каспаро тоже кое-что имеется! Вот и пей его отраву, ее на тебя не жалко.

— Это мы еще посмотрим, у кого отрава, а у кого ром! — возмутился Каспаро, но не перестал жевать креветки. — Я поговорю с тобой об этом, не будь моя мать из Кастилии!

Насчет происхождения матери Каспаро тут же прозвучало несколько суждений разного рода. Фламель, боясь, что вот-вот начнется драка, повысил голос:

— А слышали ли вы о том, как «Ла Навидад» ушел с Тортуги на север? Сразу после того, как капитан

Ван Дер Вельде обчистил тамошнего губернатора? Говорят, что с ним также отправился капитан Гомеш.

— Гомеш был помощником Ван Дер Вельде, но перед уходом с Тортуги у него уже был свой корабль, — согласился седой негр. — Оба они лихие капитаны, но старый Ван Дер Вельде, конечно, удачливее Гомеша.

Удача — вот имя настоящей богини Карибских морей. Ни знания, ни опыт, ни даже справедливость не могут сделать капитана магнитом, к которому потянутся лучшие моряки. Зато удача искупает любые недостатки, и к самым кровавым и буйным капитанам шли охотники разбогатеть в одночасье. Шли, хотя часто гибли от руки тех, кого сами же выбрали себе в начальники.

— Ван Дер Вельде, возможно, схватил за хвост большую удачу, когда уходил на север! — воодушевленно продолжил Фламель. — Посудите сами, сеньоры: что там, на севере? Суровые, холодные моря, никаких караванов с золотом или хотя бы серебром. Если он отправился туда, то, надо полагать, его манило нечто необычайное.

— Клады! — уверенно сказал Каспаро. — Пираты иногда прячут награбленное добро подальше, чтобы уж наверняка никто не нашел, даже случайно.

— Может быть, и клады, — кивнул Фламель и вдруг обнаружил перед собой пальмовый лист с десятком креветок. — Спасибо. Но я слышал удивительное! Я слышал, что «Ла Навидад» вернется через полгода после того, как ушел с Тортуги! Вернется с грузом золота! Как такое может быть? Я хочу сказать: как люди могут знать, когда «Ла Навидад» вернется? Полагаю, не обошлось без колдовства, и я слышал это... от одной старой индианки.

— Мошенница твоя индианка! — буркнул трясящийся старик, который уже сидел со стаканом. — Не полгода, а семь месяцев, так сказывают. И за эти семь месяцев «Ла Навидад» успеет обойти весь мир. Когда он вернется, дно будет полностью в ракушках, а ведь все знают: в феврале Ван Дер Вельде чистил днище «Ла Навидад» на островке к востоку от Кубы.

— Все знают! — поддержали его и люди закивали. — Скоро уже он вернется.

Фламель в растерянности набил рот безвкусным, жестковатым мясом «морского мусора», как он именовал про себя угощенье. Вот так сюрприз! Он знал кое-что, но как, оттуда могли эти полуидиокари получить те же самые сведения?

— А еще говорят, что Ван Дер Вельде не вернется на Карибы, — добавил седой негр и протянул

стакан, в который ему тут же наплескали то ли рома, то ли отравы. — «Ла Навидад» будет вести другой капитан.

— С ним уходила его дочь, юная Кристин Ван Дер Вельде, — рассеянно заметил Фламель. — Вероятно, она и приведет корабль назад.

— Девчонка?! — негр обвел взглядом товарищей, и те хрипло, громко расхохотались. — Девчонка не будет капитаном! Нет, говорят на островах, что «Ла Навидад» приведет на Тортугу молодой капитан. Он будет хорош собой и уже хорошо известен в тавернах. Потому что он не уходил с Ван Дер Вельде и Гомешем на север.

С сомнением поводив бровями, Фламель продолжил жевать. История, которая показалась ему так похожей на правду, обросла глупыми выдумками. Оставалось только предположить, что все, что говорилось у костра, — сочиненная на островах сказка, странным образом совпавшая с известной Фламелю реальностью. Остаток вечера он промолчал, все сильнее кивая породистым носом, а когда костер догорел, уснул. Француз любил и умел хорошо поспать.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТАВЕРНА МАДМУАЗЕЛЬ МОНМОРАНСИ

Вест-Индия переживала период подлинного расцвета. Индейское золото, в огромных количествах вывозимое в Испанию конкистадорами, давно уже закончилось, а слухи о вновь обнаруженных «эльдорадо» раз за разом не подтверждались. Но чем тверже становилась уверенность людей здравомыслящих, что эра легких и огромных богатств безвозвратно ушла, тем легче верили сказкам люди романтические, ждущие чуда, а таких среди молодежи всегда большинство. Корабли привозили все новых и новых искателей приключений, но на смену отчаянным иdalго пришли не менее отчаянные выходцы из простонародья. Эти стояли на земле покрепче. Разобравшись в ситуации, они часто предпочитали не отправляться в рискованные экспедиции в наполненную индейскими стрелами сельву, а открыть таверну или завести плантацию.

Они были готовы трудиться, и их повседневный труд повсюду создавал уголки цивилизации, которые возникали и исчезали так же непредсказуемо, как и острова на картах мореплавателей.

Десять лет назад какой-то предпримчивый, но не слишком дальновидный каталонец решил завести к югу от Гаваны табачную плантацию. Разрешение от губернатора он получил, и совсем недорого, вот только место выбрал плохое, да и в табаке не разбирался совершенно. После пары лет бесплодных трудов он услышал от ловцов жемчуга о приставшем неподалеку корабле, нуждавшемся в починке. Недолго думая, попросился на него матросом и, по слухам, теперь пиратствовал где-то у бразильского побережья. Оставшийся после него дом не пустовал — его освоили сперва охотники, а потом и рыбаки. Появился еще один дом, потом другой. Люди приходили непонятно откуда, по каким-то причинам задерживались, и каждый из них хоть что-то, да строил или хотя бы покупал. Наконец появилось нечто вроде поселка под странным названием «Где раньше была плантация того каталонца». Бухта показалась однажды удобной капитану Красному Чарли, он заглянул в нее по каким-то своим пиратским надобностям и наткнулся на поселение. Не разобравшись, с чем имеет дело, Чарли высадил десант и сгоряча перебил едва ли

не половину жителей. Поняв, что никакой добычи, кроме разве что копченого мяса, он тут не получит, капитан раскаялся и, как часто поступают подобные ему люди, решил стереть поселок из памяти, а заодно и с лица земли. Поселок был сожжен, жители разбрелись. В донесении преследовавшего Красного Чарли капитана военного фрегата трагедия была отмечена как одно из злодеяний пирата.

В Гаване отчего-то решили, что табачная плантация — а там по-прежнему считали поселок плантацией — должна быть возрождена. С этой целью был прислан другой фрегат, солдаты с которого соорудили нечто вроде причала и кое-как построили казарму и склад. Руководитель экспедиции пытался найти хозяина, но не обнаружил даже самой плантации. Он, может быть, и сообщил бы об этом факте, но был не в ладах с неким гаванским чином, в дочь которого был безнадежно влюблен. Экспедиция вяло возрождала непонятно что, ее руководитель пребывал в романтической задумчивости, солдаты и матросы скитались по берегу... Ничего удивительного в том, что сама собой как-то появилась таверна. У таверны была хозяйка, знайная особа с оливковой кожей, называвшая себя мадмуазель Монморанси. У мадмуазель имелось несколько подруг, живших при таверне, и солдаты туда зачастили. Прослышав о заведении,

зашел туда и их несчастный командир, да и провел с мадмуазель Монморанси целый месяц. Поговаривали даже, что дело идет к свадьбе и хорошо бы построить церковь. Люди — и откуда они только взялись? — на каждом углу затевали споры, как именно должна называться церковь и в честь какого святого. Но пока они спорили, дверь таверны однажды распахнулась, и из нее вышел предполагаемый жених. Он вдохнул свежего воздуха, покачнулся с непривычки и мутным взором обвел своеевольно разросшийся городок. Все ждали каких-то новостей, но вместо этого испанец обернулся к таверне.

— Да гори ты в аду! — крикнул он. — Гори в аду, змеиное отродье! И пусть меня распнут в Японии, если я еще хоть раз подойду к тебе до тех пор, пока ты не сдохнешь и не начнешь вонять как тысяча вонючих болот, полных вонючих болотных дьяволов!

После этого родоначальник городка нетвердой поступью прошествовал по главной улице, громко шлепая сапогами по навозу, и удалился вглубь острова. Больше его никто не видел. Но поговаривали, что несостоявшийся сеньор Монморанси навербовал на восточном побережье всякого сброва и на каноэ отправился с ними грабить серебряные рудники куда-то в Венесуэлу. Так или иначе, городок, никому не нужный, но странным образом

понемногу богатеющий, продолжил свое существование. Ушел фрегат, увозя печальных солдат, но у причала появились другие корабли. Охотники приносили копченое мясо, которое всегда пригодится любому капитану, бухта позволяла переждать шторм, а если добавить к этому чистую пресную воду из трех ручьев и таверну мадмуазель Монморанси, то станет понятно, что поселок не пустовал. Называться он стал Санта-Лючия. Вероятнее всего, имя досталось ему от церкви, так и не построенной к несостоявшейся свадьбе.

Таверна мадмуазель Монморанси дважды горела, но каждый раз отстраивалась, становясь еще просторнее. На втором этаже по-прежнему обитали ее «девочки», однако им места не хватало, и за таверной постепенно возник целый квартал хлипких домиков, где «девочки» принимали своих многочисленных гостей и растили еще более многочисленных детей.

Именно с этой стороны к таверне подходили двое. Им приходилось смотреть под ноги, чтобы не вляпаться во что-нибудь пахучее, но разговору это не мешало.

— Все никак не спрошу вас... Как вам Вест-Индия, аббат? Не слишком жарко?

— Я из Арагона, — ответил тот, кого назвали аббатом, обходя большую лужу. — У нас бывает

жарко. Мне скорее запомнился шторм, во время которого мы все промокли и замерзли. Что, другой дороги к этой вашей таверне нет?

Аббат вовсе не был одет в сутану, да и вообще на священнослужителя совершенно не походил, хотя и выглядел скромно. На нем были крепкие парусиновые штаны и простой, но добротный камзол. Наряд дополняли неброская черная шляпа без украшений, широкий пояс с заткнутым за него пистолетом, слегка уже запачкавшиеся высокие сапоги и короткая шпага с широким клинком. Его собеседник, напротив, блестал по всем понятиям карибской моды. Каждая деталь его туалета была украшена если не пряжкой, то ленточкой, а шляпа едва виднелась под множеством перьев. Особую гордость владельца составлял эфес абордажной сабли, прицепленной к поясу. Весь украшенный блестящими на солнце драгоценными камнями, с золотыми вставками, он явно немало стоил. Аббат покосился на спутника, вооруженного целым арсеналом, и подумал про себя, что в предместьях Мадрида ему бы это не помогло. Но в Вест-Индии золото, по всей видимости, ценилось куда дешевле. Аббат не знал, что берегла капитана О'Лири исключительно его слава. Самый отчаянный разбойник побоится напасть на того, кто славится своей удачей.

— Другие дороги длиннее, — пояснил капитан. — Кроме того, я подумал, что вы, возможно, истосковались по женскому обществу.

— Что?!

Аббат остановился и изумленно посмотрел сначала на собеседника, а потом на пару местных красоток, сидевших на крыльце. Они, раскрыв рты, разглядывали красавца-капитана, при этом продолжая укачивать младенцев. Аббату бросилось в глаза, что эти мадонны Нового Света, одна белая, другая черная, но обе одинаково грязные, постоянно шевелили пальцами ног, отгоняя от них назойливых мух.

— Какое еще женское общество, Джеймс? Вы сказали, у нас в полдень встреча!

— Они подождали бы, — пожал плечами О'Лири и поправил пояс, красуясь перед дамами. — Сейчас в Санта-Лючии ничего не происходит, они нась хоть до завтра будут ждать.

— Я привык думать, что стоящие люди без дела не сидят. В Испании работодатель ищет хороших специалистов, они нарасхват.

— У нас тоже, — согласился капитан. — Но бывают времена, когда ничего не происходит. Очень хорошо, что сейчас такое время. Никто не собирает команды, никто не принес вестей о городе в сельве, никто не сколачивает шайку, чтобы грабить

богатые дома... Именно по этой причине я и сам без работы. Вот если бы не тот голландец, что по-наделал мне дыр ниже ватерлинии, если бы у меня был корабль...

Эту историю аббат слышал уже раз десять. Больше всего его удивляло, как ирландец исхитряется ее вывернуть. В сущности, все было просто: в море пирату посчастливилось встретить одиночное торговое судно. На предложение остановиться и сдаться под гарантию сохранения жизни всем на борту, сделанное по всем правилам пиратской куртуазности, голландец ответил своеобразно — спустил часть парусов и развернулся бортом. Едва преследователи поняли, что это означает, как последовал первый залп. И удача изменила О'Лири: ядра торговца случайно сбили бизань-мачту, которая повалилась на грот и запутала такелаж. Потерявший управление пират и думать забыл о добыче, позволяя голландцам следовать дальше. Но те зашли сбоку и, пользуясь суматохой, дали второй залп, который изрешетил борт возле самой воды. После этого торговец отправился по своим делам, наверное, не сообразив, что корабль морских разбойников обречен. Оставив судно, горе-пираты три дня добирались до суши на двух шлюпках. Аббату было совершенно ясно, что капитану просто-напросто не повезло. Но ирландец рассуждал

иначе. Он считал, что голландцы могли перебить их всех, но не догадались сделать этого, а значит, удача была на его стороне. Кроме того, не успели пираты вытащить шлюпки на берег, как из-за мыса вышли два военных корабля. Получасом раньше, и песенка О'Лири, разыскиваемого пятью государствами, была бы спета! Но удача опять была с ним. И это аббат еще принял бы легко, но его просто выводило из себя простодушие слушателей. Где бы ни рассказывал Джеймс историю своей неудачи — везде его славили и пили за капитанское счастье. Впрочем, аббат считал себя человеком циничным и потому не только никогда не спорил, но еще и нанял пирата на службу. Человек, который даже катастрофу превращает в удачу, пусть только и на словах, должен чего-то стоить в Вест-Индии.

— Что ж, не хотите — как хотите, Диего! — ирландец чуть ускорил шаг. — Считайте, что я хотел проверить, что вы за аббат. И знаете, никакой вы не аббат, амиго.

— Я был аббатом, — мрачно сказал арагонец. — Недолго, но был, и впредь мне не хотелось бы, чтобы вы подвергали мои слова сомнению. Я к этому не привык.

— Точно ли? — Джеймс не обратил на серьезность тона аббата ни малейшего внимания. — Вы слишком молоды для такого сана, Диего. Вам,

я думаю, и тридцати еще нет. То есть в Вест-Индии, имея удачу, вы могли бы уже и папой римским стать, простите мне такое святотатство. Но там, в Европе... Не буду спорить с вами, но уж позвольте мне вам не верить. Вот когда вы упомянули вскользь, что вас разыскивает сама святая инквизиция, я вам сразу поверил. Это для такого человека, как вы, в порядке вещей.

— Такого человека, как я?

— Ну да, — беззаботно кивнул молодой капитан. — Прибыл под чужим именем, сразу пошел искать парней поотчаяннее, деньги имеете, и явно не от богатых родителей... Я не первого такого встречаю. И мне все равно, как на самом деле вас зовут, каким вы там были «аббатом», все равно! Меня интересует наше с вами общее будущее, а на прошлое наплевать.

Аббат подавил вздох. Для разговора с О'Лири он придумал себе целую историю, как раз такую, чтобы романтичный и циничный одновременно, но не слишком умный преступник в нее поверил и увлекся. Лишь два пункта этой истории соответствовали действительности: он и правда несколько месяцев был аббатом, и его действительно звали Диего Алонсо. Если быть точнее: Алонсо-Галеано, но вторую часть своей фамилии арагонец предпочитал пока не разглашать — Гавана близко, а там

могут слишком много знать о его противоречиях с испанскими законами. А вот сказка о преследованиях святой инквизицией была выдумана специально для Джеймса, на ходу. Тот, как выяснилось в разговоре, отрекся от католицизма и терпеть не мог все с ним связанное, даром что ирландец. Впрочем, в быту Джеймс богоборчеством не занимался, предпочитая пить, якшаться с портовыми девками и время от времени богохульствовать, что никак не выделяло его из среды берегового братства, как они себя именовали.

Вскоре спутники вошли в таверну мадмуазель Монморанси. По слухам раннего времени здесь было немноголюдно, лишь несколько подозрительного вида сеньоров проводили свою сиесту, потягивая что-то из стаканов. Но в дальнем конце большой залы, в тени, собралась компания примерно из десятка человек. Здесь в моде были надвинутые на глаза шляпы, а беспокойные руки во время тихого разговора нет-нет, да и ложились на рукояти ножей и пистолетов. Сеньоры со стаканами поглядывали в угол искоса и, кажется, были готовы покинуть заведение при первых признаках назревающей драки.

Войдя, Джеймс сделал небрежный жест однорукому мулату за стойкой, который молча кивнул. Словно о чем-то вспомнив вдруг, ирландец через

плечо указал на следовавшего за ним Диего, дождался еще одного кивка и небрежной походкой направился к столу с головорезами. Алонсо, с сомнением оглянувшись на доставшего какую-то бутылку мулата, последовал за ним.

Ожидавшие их люди представляли, можно сказать, сливки берегового братства. Конечно, это была лишь крохотная часть того легиона отчаянных голов и окровавленных рук, который и создал печальную славу Карибскому морю, но сюда пришли все, кого О'Лири сумел отыскать неподалеку от Санта-Лючии. Между собой многие из них не ладили по прошлым делам, зато капитан мог поклясться — здесь нет ни одного человека, бесполезного в море. Они умели не только лихо орудовать абордажными саблями. Харли по прозвищу Кнут, например, был лучшим боцманом, которого можно было найти по эту сторону морской глади, — остальные скучали на дне. А про Луиса Дикобраза любой капитан Вест-Индии сказал бы: «С таким штурманом можно хоть в Китай плыть, даже по игральным картам проложит курс!» И все они оказались здесь благодаря солнному затишью, которое неизбежно время от времени поражает острова.

— Вот и я! — шутливо раскланялся Джеймс. — А со мной — сеньор Диего Алонсо по прозвищу

Аббат. Сеньор прибыл из самого Арагона с кошельем и большими планами!

— Мы высматриваем твою веснушчатую рожу уже битый час, Джеймс! — проворчал Дикобраз. — Ты звал, тебе и платить за выпивку. Ну, или твоему усатому приятелю.

Диего постарался не показать смущения и злости. Он, конечно же, был здесь не единственным, кто носил усы, но его усы выглядели истинно щегольскими, изящно подкрученными по последней мадридской моде. Все, что ему оставалось, — присосаниться и положить руку на эфес.

— Заплатим! — пообещал Джеймс и придинул к столу тяжелый табурет. — Садитесь и вы, Диего. Я удивлюсь, если наше дело придется долго обсуждать, но здесь есть любители потрапать языком.

— Спешить пока некуда, — осторожно заметил аббат, присаживаясь.

— А жаль! — пробасил из-за спин товарищей Тихий Томазо, прекрасно разбиравшийся и в канатах, и в удавках. — Я бы с удовольствием куда-нибудь поспешил. И я надеюсь, вы двое мне скажете куда.

— Я же говорил: им не терпится, им скучно! — Ирландец обернулся к Диего. — И еще нечем платить за выпивку, а сердить мадмуазель Монморанси никто не хочет. Да мы можем вообще ни о чем

не говорить, а просто записать их в команду! Что думаете о таком плане, Диего?

— Эй, эй! — перебил его Харли Кнут. — Погоди-ка. Мы, может быть, и находимся в затруднительном положении, но и у собак кости пока не отнимаем. Я уж не говорю о том, что, пока мы не проголосовали, ты нам не капитан. Давай-ка, О'Лири, расскажи нам о своем деле, а мы послушаем.

Сгрудившиеся вокруг стола моряки согласно загудели. Но по их засиявшим взглядам аббат понял, что убедить их будет нетрудно. В их глазах блестела жажда удачи — то, что он так часто видел в Вест-Индии, но никак не мог понять. О'Лири, выдержав театральную паузу и широко улыбнувшись каждому из присутствовавших, широким жестом указал на Диего. Теперь десять пар голодных волчьих глаз уставились на него.

— Хорошо, постараюсь сразу перейти к делу, — начал Алонсо. — Вам ни к чему много обо мне знать, но будет вам известно, что в Испании я со-прикасался с делами святой инквизиции.

— Да разве этих выродков не разогнали ко всем чертям сто лет назад? — удивился Дикобраз.

По тому, с каким удивлением на него посмотрели товарищи, аббат предположил, что остальные имели об инквизиции весьма слабое представление.

— Они всего лишь перестали сжигать еретиков на площадях, но никуда не делись, — пояснил он. — Во всяком случае, в Испании. Но я говорю не о них, а об их архивах. Вы ведь должны понимать: самое главное в нашем мире — знания.

Кто-то поперхнулся ромом. Многие с удивлением переглядывались, а Тихий Томазо захихикал.

— Аббат хочет сказать, что тот, кто смог найти карту и знает, где Красный Чарли зарыл свое проклятое золото, тот и будет капитаном! — повысив голос, разом успокоил их Джеймс. — Можно быть прекрасным моряком, можно лучше всех стрелять, но пока не знаешь, куда плыть и где копать, будешь ходить без штанов. Это понятно?

Томазо осекся и кивнул. Закивали и другие, теперь им все стало понятно.

— Так вот архивы Святой Инквизиции... — Алонсо вдруг сделалось смешно, но он сдержался. — Так вот, архивы... Архив — это такое место, где хранятся письма, протоколы допросов, улики против еретиков и прочее. Мне удалось немного там покопаться.

— А среди этих еретиков не было Красного Чарли? — очень серьезно спросил Дикобраз.

— Увы, пиратских капитанов инквизиторы не допрашивали. — Алонсо напоказ вздохнул и в ответ услышал несколько печальных вздохов. — Но

кое-что я нашел, об одном капитане, которого вы прекрасно знаете. Я говорю о Ван Дер Вельде.

— Чертов голландец! — Кнут подался вперед. — Выпустил бы я ему кишку за одно дельце... Да говорят, «Ла Навидад» приведет другой капитан. Продолжай.

— «Ла Навидад» должен вернуться спустя семь месяцев после того, как корабль ушел с Тортуги, — задумчиво произнес Диего. — Я весьма удивился, когда услышал эту легенду. Как она появилась, откуда?.. Тем не менее время идет. А в архивах инквизиции я прочел то же самое.

— Да ну? — удивился Дикобраз. — Им-то откуда знать? Или старик Ван Дер Вельде попался-таки им на зубок?

— Не совсем так. В архиве я нашел лишь обрывки допросов других лиц, имеющих косвенное отношение к судьбе «Ла Навидад». Кто эти люди и как их показания оказались у инквизиторов, я понятия не имею. Знаю, что бумаги готовились к уничтожению. Собственно, это и дало мне возможность в них покопаться... — Алонсо чуть вздрогнул, вспомнив, как близко подошел к самому краю. Двух послушников, непосредственно помогавших сжигать бумаги, в тот же вечер зарезали якобы в пьяной потасовке. Знай инквизиторы, что и Диего успел запустить руку в архив, он разделил бы

их судьбу. — Я нашел ту же самую информацию, которую повторяет легенда: «Ла Навидад» вернется через семь месяцев с богатой добычей.

— Но за это время успеет обойти весь мир! — прошептал Тихий Томазо и перекрестился. — Все днище обрастет ракушками!

— Но золота они добудут изрядно! — напомнил О'Лири и принял стакан от однорукого мулата, на протяжении всего разговора тихо сновавшего с подносом к столу и обратно. — Насчет этого парня не беспокойся, Диего, он глух от рождения.

— Я не беспокоюсь! — Аббат постарался выглядеть беспечным и даже закинул ногу на ногу. — Итак, я пришел сказать вам, что легенда, по всей видимости, не лжет. Все, что нам остается, — подкараулить «Ла Навидад» у оконечности Флориды. Если корабль оброс ракушками и сильно поврежден — а у меня имеется такая информация! — то разве станет капитан уклоняться от побережья в океан?

— Скорее всего, не станет, — задумчиво произнес Кнут. — Во всяком случае, как раз у Флориды лучше приблизиться, чтобы не бороться с Большим течением. Да, шансы перехватить там корабль, идущий с севера, очень неплохие. Только ведь это сказка! Где это видано, чтобы корабль вернулся через семь месяцев с обросшим днищем, да еще и обойдя весь мир?

— Сказка, — подтвердил Тихий Томазо и снова перекрестился. — Я сам ее от одного кариба слышал. А он внук колдуна.

— То есть... — Диего совершенно запутался. — Вы что, не верите в эту легенду?

Вопрос смутил пиратов. Легенд они слышали немало, более того, знали, как много в самых удивительных легендах южных морей правды. Но знали они также, как много в них вранья, и вранья не простого, а самого первостатейного — безудержного, морского.

— Вы же слышали — аббат нашел подтверждение легенды в архивах святой инквизиции! — с наожимом произнес О'Лири.

— Да, но им-то в Европе откуда знать? — парировал Дикобраз. — До указанного срока осталось меньше месяца. Скоро сами увидим, правда это или вранье.

— Значит, вместо того чтобы получить золото, которого хватит каждому на всю жизнь, вы предпочтете дождаться, пока «La Навидад» вернется на Тортугу и спрячется за пушками тамошнего губернатора, по слухам — покровителя пиратов?! — Диего начал выходить из себя. — И как вы себя тогда будете чувствовать? Дураками, не правда ли?

— А ну полегче! — Кнут только говорил, но три его приятеля сразу навели на аббата пистолеты. — Полегче ты, святоша!

— Диего, отчего бы вам не оставить меня с товарищами наедине? — спокойно обратился к аббату Джеймс. — Видите ли, общий язык иногда трудно найти сразу. Вы могли бы пока подышать воздухом, всего несколько минут.

Сеньор Алонсо был не робкого десятка, но сейчас предпочел уступить. Поливая про себя отборной бранью всех пиратов на свете, он вышел из таверны и вдохнул свежего воздуха. Воздух пах жареной рыбой, гниющими на полосе отлива водорослями и теплым навозом. Редкие в этот жаркий час прохожие спешили укрыться от солнца и не обращали внимания на неброско одетого Диего. Не желая и сам торчать на солнцепеке, он прошелся до крохотной рощицы некрасивых деревьев. Названия их он не знал, как и многих растений и животных Вест-Индии. В тени деревьев сидел прямо на земле некий сеньор с всклокоченной бородой, грыз какой-то фрукт и не спеша излагал трем чумазым мальчуганам историю о... корабле «La Навидад». Раздраженный Алонсо встал прямо перед ним, положив руку на эфес, но бородач и ухом не повел.

— Но где мог побывать корабль за семь месяцев? Конечно же, юные сеньоры, Новый Свет полон тайн, и особенно это касается морей Нового Света. И все равно: как может за семь месяцев обрасти днище

ракушками в северных морях? Там, в холодной воде, этот процесс идет куда медленнее, это говорю вам я, Никола Фламель. Холод замедляет все процессы.

— Говорят, капитан Тич однажды попал в огромный водоворот и несколько часов не мог вывести корабль из ловушки! — перебил его чернокожий курчавый мальчишка. — А когда он все же вывел его, сеньор, то вся команда была седая!

— И что же? — Фламель сбился с мысли и будто бы проснулся. — Обычное следствие сильного испуга, науке известно много подобных случаев.

— Они постарели за несколько часов на много лет! — задыхаясь, сказал мальчик, и все трое дружно перекрестились. — Это был волшебный водоворот.

— Нет, я говорю вовсе не о том! — поморщился Фламель и, кажется, впервые заметил Алонсо. — Хотя ты прав, «Ла Навидад» постарел... Или еще только постареет... за семь месяцев года на два или около того.

— И еще вопрос, — вступил Диего. — Где же они взяли золото?

— Мы скоро сможем узнать это, — добродушно улыбнулся бородач. — Срок вот-вот истечет. Простите, у вас не найдется монетки для потерпевшего кораблекрушение? Если угодно, я мог бы почистить ваши сапоги.

Алонсо опустил глаза. Да, после прогулки по Санта-Лючии состояние его обуви оставляло желать лучшего.

— Сеньор, мы тоже можем почистить ваши сапоги! — закричали мальчишки, тут же забыв о дружбе с бородатым нищим. — Не давайте ему ничего, это же дурачок Фламель! Дайте монетку нам, у нас голодные братья и сестры!

— А ну тихо! — рявкнул аббат и даже обнажил клинок на пару дюймов. — Вы, Фламель... Кто вы такой?

— Я, сеньор, не имею чести знать вашего имени... — бородач неловко завозился и поднялся на ноги. — Я поданный французской короны, Никола Фламель. В научных кругах Европы широко известны мои труды по алхимии. В Новый Свет я отправился, побуждаемый надеждой найти здесь орихалк — металл с удивительными свойствами, его использовали еще жители Атлантиды. Я изучил некоторые источники и совершенно уверен — атланты имели широкие связи с жителями Вест-Индии, и, таким образом...

— Достаточно! — Алонсо вздохнул. И правда какой-то дурачок, и, что самое печальное, дурачок ученый. — Скажите, Фламель, почему вы говорите о «La Навидад»? Верите в глупую сказку?

— Может быть, и сказка, а может быть, и нет! — Француз расширил глаза и ткнул пальцем в небо. —

Может быть, и нет! Я не исключаю, что моряки «Ла Навидад» совершенно случайно наткнулись на некое наследие атлантов. Может быть, даже нашли их город! Это могло бы многое объяснить. Кроме того, зачем Ван Дер Вельде и Гомеш так спешно отправились на дикий север? Я не верю в клады. Куда вероятнее, что они узнали, где находится орихалк, а он дороже золота в сотни раз. Это объяснило бы все! Впрочем, ждать недолго, и скоро мы узнаем.

— Глупость какая... — прощедил сквозь зубы Диего. — Орихалк? А впрочем... Вот что, Фламель! Держите монету, и, если дождитесь меня здесь, получите еще одну. Вы меня поняли?

— Да, сеньор! — Фламель схватил монету, рассмотрел, тут же засунул за щеку и показал мальчишкам язык. — Прошу прощения, сеньор. Я буду ждать.

— И прекратите болтать о «Ла Навидад» всякую чушь! Вам должно быть стыдно, вы же взрослый и ученый человек.

Тем временем в таверне мадмуазель Монморанси шел разговор о куда более приземленных вещах. Дождавшись, пока Алонсо выйдет, О'Лири залпом выпил стакан рома, крякнул и расхохотался.

— И что смешного? — недовольно спросил Кнут. — Ты привел к нам очередного ненормального из Европы. Когда они там уже переведутся?

Если у парня есть деньги, то аббат он или нет, а надо его выпотрошить и выгнать.

— У него есть деньги! — кивнул Джеймс и утер выступившие слезы. — Ну и ослы же вы все... Вы не спросили о главном! Вы не спросили, на чем он собирается подкараулить «Ла Навидад». А между тем у парня есть деньги, и их оказалось достаточно, чтобы купить корабль! Вы видели то суденышко, что бросило якорь у Санта-Лючии вчера ближе к вечеру?

— «Сальвадор» или вроде того? — припомнил Кнут. — По виду славный корабль.

— Очень славный! — Джеймс хлопнул широкой ладонью по столу. — Клянусь своей удачей, я видывал и получше, но корабль славный. Я его, конечно, переименую. И, кстати, к кораблю прилагаются два десятка весьма приличных пушек и запас новых, разрывных ядер. Это приз, который отхватил Гомеш незадолго до того, как отправиться с Ван Дер Вельде на север. Помните ту историю?

— Это был испанский военный корабль, только что пришел из Испании, конвоировал двух торговцев, — сказал Тихий Томазо. — Гомеш как раз чинил руль и решил прикинуться терпящим бедствие. Дурак-капитан подошел почти вплотную и выслал к Гомешу плотников на помощь. А дальше парни Гомеша закончили все раньше, чем этот идальго сообразил, что происходит. Они отправили его на

дно вместе со всей командой, а потом на этом же корабле догнали торговцев. Славное дело!

— Да, но что скажет Гомеш, если вернется с севера? — осторожно поинтересовался Кнут.

— С севера должен прийти только один корабль: «Ла Навидад»! — напомнил ирландец. — А продал его приз губернатор Тортуги, где корабль и стоял. Губернатора Ле Вассера, как говорят, неплохо обчистил то ли Ван Дер Вельде, то ли вообще его дочь... Одним словом, губернатор решил возместить потери. В любом случае сеньор Алонсо — честный покупатель, и, между нами, он в полтора раза переплатил.

— Проклятье! — Кнут закусил губу. — Куда ты смотрел? У него в карманах могла еще остьаться приличная сумма!

— Увы, мы с ним познакомились позже, когда Алонсо стал искать капитана. Он не моряк, вот и натворил глупостей! Все мы знаем таких дураков. Теперь с этим ничего не поделать — нет такой силы во всем мире, чтобы заставить Ле Вассера, нашего друга и покровителя, вернуть кому-то хоть грош, если этот грош уже попал в его карман!

Пираты печально закивали. Впрочем, и за это они уважали французского губернатора Тортуги, который самовольно стал покровителем пиратов. Он был сослан в Вест-Индию самим кардиналом

Ришелье и получил задачу вытеснить испанцев с острова. Ле Вассер прежде всего вытребовал себе побольше пушек, а потом уже изгнал испанцев, использовав для этого букиньеров — вольных охотников, членов берегового братства. Потом Ле Вассер построил форт на скале, полностью перекрыв таким образом вход в бухту, и принял хождение на Тортуге так, как ему нравилось. А нравилось ему принимать у себя всех, кто не в ладах с законом, при одном условии: десять процентов добычи получит лично он. Не все пираты были достаточно удачливы, чтобы пользоваться его покровительством, но все об этом мечтали. Тем отчаяннее выглядел поступок Ван Дер Вельде, каким-то образом ограбившего Ле Вассера перед отплытием в таинственную экспедицию на север.

— Так вот теперь о главном, если вы сами еще не догадались! — снова заговорил О'Лири. — Корабль у нас уже есть. Если выберете меня капитаном — то вы в команде. Договор подпишем, как принято: у капитана две доли, у помощника, штурмана, плотника, боцмана и главного канонира полторы... Ну, и так далее.

— Не забыть пункт о потере глаза! — подал голос Дикобраз. — Мне тут сон нехороший приснился.

Как ни странно, пираты были немалыми бюрократами. Перед каждым плаванием заключался

договор, который подписывали все члены команды, включая неграмотных. Договор соблюдался свято и освещал все важные аспекты пиратской жизни, в том числе — плату за ранения. Потеря правой руки оплачивалась дороже, чем потеря левой, но если в команде оказывался левша, он мог оговорить для себя особые условия. То же касалось и ног, и глаз.

— Разберемся с договором, не в первый раз! — прервал Джеймс начавшийся было спор. — Так вот: идем к Флориде. Срок уже совсем скоро, успеем в самый раз. Чем морские черти не шутят? Ван Дер Вельде славился своей удачей. Даже если на мостики не он, в трюме может оказаться полно золота! А где они его раздобыли — не наше дело.

— Некоторым не понравится, что мы напали на своего, — мрачно заметил Кнут.

— Ван Дер Вельде ограбил Ле Вассера! — напомнил ирландец. — В конце концов, если «Ла Навидад» согласится поделиться с нами без боя, ни к чему убивать команду. Свои люди, сочтемся. Если же сказка окажется сказкой и мы не встретим «Ла Навидад», то просто высадим Алонсо на берег и займемся обычным промыслом. Главное — у нас будет корабль!

За столом на миг наступила тишина, потом пираты начали перешептываться между собой. Джеймс

заказал себе еще рома и уже не спеша прихлебывал из стакана, позволив скитальцам морей совещаться. В их решении он не сомневался.

— Договор напишем как полагается, — сказал наконец Кнут. — А этого твоего аббата лучше отправить не на берег, а на дно. Так надежнее. В конце концов, он окажется перед нами виноват: обещал «Ла Навидад» с золотом, а корабль не пришел.

— А что, если придет? — с усмешкой спросил О'Лири.

Ирландцу хотелось, чтобы успевший за несколько месяцев превратиться в легенду корабль все же появился у берегов Флориды и принес с собой тайну. Романтичная натура Джеймса жаждала не только кровавых, но и удивительных приключений. Кнут не успел ничего ему ответить — вернулся аббат.

— Мы принимаем ваше предложение! — поднялся Джеймс ему навстречу. Теперь он говорил от лица команды. — Но нам потребуется еще двое-трое суток, чтобы загрузить припасы, подписать договор и нанять еще людей.

— Еще людей? — удивился Алонсо, чьи финансы порядком истощились. — Но вы говорили, что управлять нашим кораблем можно и вдесятером!

— Можно и впятером, — подал плечами ирландец. — Но нам понадобится абордажная команда.

«Ла Навидад» не расстанется со своим золотом просто так, я в этом почти уверен. Не волнуйтесь, аббат, новые люди обойдутся куда дешевле.

— Раз так, найдите и некоего Фламеля, что сидит тут неподалеку под деревом, — несколько неожиданно для себя сказал Алонсо. — Вот уж кто обойдется дешево, так это он.

— Дурачок Фламель? — уточнил Кнут. — Почему бы и нет, пригодится на камбузе. Я его видел и еще удивился: нищий, глупый, а руки сильные.

О'Лири отдал еще несколько распоряжений, а потом все разошлись, чтобы вечером, уже с пожитками, встретиться на причале. Экспедиция по перехвату «Ла Навидад» и его предполагаемой добычи началась. И только Диего знал, что ищет на самом деле, и из головы у него не шло странное слово «орихалк».

ГЛАВА ВТОРАЯ

КОРАБЛЬ ИЗ НИОТКУДА

Остров Оук расположен далеко на севере, у побережья, названного британскими мореплавателями Новой Шотландией. Над морем здесь дуют переменчивые холодные ветра, заставляющие рулевых нервничать. Прокладывающий курс среди множества островов корабль снимает почти все паруса и тогда может стать легкой жертвой коварных подводных течений, не менее холодных, чем ветра. Отливы обнажают отмели, и мало какой капитан сунется в эти места без особой на то причины. Местность здесь богата разве что пушниной, но индейцы не слишком дружелюбны к пришельцам. Ходят слухи, что, если пойти еще дальше на север и рискнуть углубиться в огромный архипелаг, можно найти Северо-Западный проход, который коротким путем выведет к Японии и Китаю и даже к Тысяче островов. Такое открытие могло

бы стать достойным призом, и европейские монархи время от времени снаряжают сюда экспедиции. Так и был однажды открыт остров Оук, весь заросший огромными, сказочными дубами.

У острова, в неуютной бухте, стоял на якоре корабль. Золотые паруса и многократно чиненный такелаж указывали, что в плавании судно находилось очень долго. И это плавание не было спокойным: борта хранили следы многочисленных пробоин от ядер. Корабль выглядел очень старым и очень усталым. Но название на борту было подновлено свежей краской, а черный флаг с черепом на грот-мачте продолжал вызывать на бой всякого желающего.

— Может, все-таки его спустить? — негромко, почти шепотом спросил полный рыжий пират у товарища, с которым они решили выкурить по трубочке на носу. — Я проверил, Бен, у нас еще португальский и датский флаги остались. И британский есть, только в дырах он.

— Кури молча, боцман! — хрипло ответил ему Бен. — Кристин не в духе. Да и права она: «Ла Навидад» и раньше-то все знали, а теперь, когда судно будто только что из боя... Нас остановит любой военный корабль. Пусть уж сразу знают, с кем связываются. Может, еще и побоятся.

— Шлюпка! — боцман привстал. — Она возвращается.

От заросшего дубами острова отвалила шлюпка и быстро направилась к кораблю. Оба курильщика быстро выколотили трубы и успели выбросить трап как раз к тому моменту, когда капитан оказалась возле борта. Мрачная девушка лет восемнадцати сноровисто вскарабкалась на палубу и убрала под старую шляпу выбившуюся прядь рыжевато-каштановых волос. Глаза ее, один голубой, другой зеленый, смотрели и печально, и сердито одновременно.

— Вытаскивай лежебок из трюма, Моррисон. Пора идти домой.

— А ты... — Бодман Моррисон переглянулся с корабельным плотником, Тощим Беном. — Ты все там оставила?

— Не зли меня! — Кристин оттолкнула их в стороны и направилась было к штурвалу, но тут же вернулась. — Дельфин у меня. А без остального обойдемся, пусть это проклятье останется здесь.

— Ну... Это верно! — Бодману новость явно пришла по душе. — Это правильно! Пойду будить ребят, и снимаемся с якоря!

Кристин сунула руку под камзол, такой же поношенный, как и шляпа, и нашупала на груди фигурку дельфина. Оставить ее здесь, на заколдованным острове, она не могла. Дельфин должен был в целости и сохранности доставить «Ла Навидад» и команду к родным для них островам.

— Команду... — негромко буркнула Кристин себе под нос. — Много ли осталось тех, кто отплывал с Тортуги? Проклятое плавание!

Море, ядра и пули, сабли и ножи забрали немало жизней за это долгое путешествие. Погиб и старый Ван Дер Вельде, отец Кристин, а человек, которого она полюбила, исчез. Ей хотелось броситься искать его, но она не знала где. А еще, как капитан, обязана была привести выживших в порт, тем более что богатая добыча, за которой они когда-то отправились в путь, лежала в трюме. Прежде золота там было еще больше, так много, что «Ла Навидад» едва держался на плаву. И однажды им пришлось просто швырять золото за борт, чтобы выжить. Но его осталось еще много — достаточно, чтобы вернувшиеся из плавания больше ни в чем не нуждались.

— Капитан Кристин! — К ней подошел один из гребцов со шлюпки. — Ты мне просто сказать одно вешь... Я не буду обижаться, ты просто сказать мне, ладно?

Это был Бартоломеу, португалец, один из тех, кто пристал к команде во время странного и опасного путешествия. Он сам сделал свой выбор, чтобы отомстить за гибель всей команды своего корабля. Но теперь ему было очень, очень трудно попасть домой.

— Ты хочешь спросить про Ключ? — Кристин говорила тихо, хотя сама не знала, что тут скрывать. — Хочешь узнать, можешь ли вернуться?

— Да.

Бартоломеу смотрел прямо в ее разноцветные глаза, как делал всегда. Смелость и упрямство были основными чертами его характера.

— Там, внизу, я не понял... Не понял, но догадывался. У тебя не получаться, да? Ты снова и снова пробовала.

— Ты правильно догадался. Это очень старый остров, и все, что на нем... Все, что в нем спрятано, — тоже очень старое. Ключ сработал не сразу, и я использовала все попытки. Теперь он бесполезен, я бросила его в подземелье.

— Значит, я здесь насовсем жить, — сделал вывод Бартоломеу и улыбнулся. — Не страшно! Море не меняться никогда, правда?

— Правда, — кивнула Кристин. — Помоги ставить паруса, пора закончить рейд.

Она с детства слышала много морских сказок, других отец не знал. Кристин была дочерью голландского пирата и его испанской пленницы, умершей при родах. Не зная матери, девушка предпочитала не вспоминать о своей испанской крови, потому что главные враги пиратов в Карибских морях, конечно же, испанцы, жадные и жестокие.

Так учил ее отец, хотя и мечтал, что его дочь получит хорошее образование, выйдет замуж и будет жить богатой дамой в хорошем доме. Он отправил ее в Лондон, к дальним родственникам, но девушка сбежала. Выросшая на корабле, она не мыслила для себя другого дома. И немалую роль в этом сыграли удивительные сказки о приключениях пиратских капитанов и конкистадоров.

Кристин мечтала сама оказаться в такой сказке, страшной, удивительной и сулящей несметные богатства. А о чем еще могла грезить дочь пирата? И мечта сбылась. Серебристая фигурка дельфина проложила путь к этой мечте, и пираты весело ввязались в новое приключение. Золото, много золота впереди! Капитан Ван Дер Вельде поверил в свою удачу, да и все они поверили, до последнего матроса. И вот — золото на борту. Только нет больше капитана Ван Дер Вельде, а Кристин безумно хочется покинуть корабль и искать самого дорогого человека, но возможности такой нет.

— Мы готовы! — доложил боцман. — Пусть меня вздернут на рее, если Ле Вассер не будет удивлен. Он, наверное, еще не успел перестать трястись от злости, а мы уже вернулись!

— Еще не вернулись! — напомнила Кристин. — Ле Вассеру мы заткнем глотку золотом, но путь не близкий.

— Да перестань, с дельфином нам ничто не страшно. Долетим!

Фигурка дельфина обладала удивительным, волшебным свойством: на море она подчиняла и ветра, и волны желанию своего обладателя. Кристин помнила, как это бывает: будто весь мир стал твоим союзником и кораблем можно управлять, вообще не касаясь руля. Волшебное, прекрасное ощущение! Беда была лишь в том, что в душе девушка не хотела возвращаться на Тортугу, и дельфин будто слышал это. Она могла бы отдать фигурку тому же Моррисону, уж он-то соскучился по родным тавернам. Но что-то останавливало Кристин. Волшебные предметы — а во время путешествия им встречались и другие фигурки — не приносили своим обладателям добра, и Кристин про себя уже считала их проклятыми. Именно поэтому она оставила те, другие, на острове Оук, который стал для них дверью к страшному приключению.

— Может, и долетим...

Кристин постаралась настроиться на обратный путь. Что бы она ни собиралась делать дальше, прежде всего нужно вернуть команду на Тортугу. Значит, это надо сделать как можно быстрее, и она хочет этого всей душой. Дельфин словно услышал ее, отозвался горячим уколом, и первый, робкий

ветер заиграл в парусах. Команда отметила это событие радостными криками. Капитан решительно встала к штурвалу.

— Домой!

Покачиваясь, будто в нерешительности, «Ла Навидад» начал медленное движение к выходу из мрачной бухты. Кристин поправила курс и защмурилась, мысленно обращаясь к дельфину: да, я хочу, хочу вернуться к Карибским островам! Там солнце, там веселые люди, там береговое братство, которое уж как-нибудь поможет. Корабль пошел ровнее, волны начали биться в корму. Капитан открыла глаза и взяла чуть левее — она помнила мель, сейчас скрытую приливом. Начиналось последнее плавание затянувшегося рейда.

— Корабль! Корабль! — вдруг крикнул чернокожий Самбо и побежал по палубе. — О, проклятый корабль, где же мое ружье?!

Со всех сторон послышались проклятия. Команда успела поверить, что страшная сказка наконец-то кончилась, что теперь они находятся в привычном мире и просто возвращаются домой. Но сказка не собиралась их отпускать. Никому даже в голову не пришло, что в здешних местах оказалось какое-то случайное судно. Нет, это был враг, посланец тех сил, которым не понравилось вторжение «Ла Навидад» и его лихого экипажа.

Кристин присмотрелась. Выскочивший из-за островов на горизонте корабль был темным, почти черным, с необычно длинным бушпритом. Он спешил наперерез, торопясь закрыть «Ла Навидад» выход из бухты, и Кристин поразилась его скорости. И еще было что-то хищное в этом черном корабле под черными парусами. Сверкал только белый флаг с каким-то символом.

— Моррисон, Ли! Кто-нибудь, принесите мне трубу!

«Ла Навидад» тоже стремительно ускорялся. Теперь желание хозяйки дельфина было очень простым: успеть вырваться в море. И все же скорость врага поражала. К Кристин подбежал Тощий Бен, подал подзорную трубу и тут же, без приказа, встал к штурвалу. Капитан всмотрелась в странный флаг. Черных флагов она за свою недолгую пока жизнь видела немало. На некоторых был изображен только белый череп, на других череп и кости или скрещенные сабли, иные имели дополнительные символы вроде песочных часов — часы вашей жизни сочтены! — а некоторые представляли из себя целые картины, которые никто никогда не мог рассмотреть целиком. Но белого флага Кристин не видела никогда. Сперва ей не удавалось разглядеть символ, флаг трепетал на ветру, но потом он расправился целиком, и Кристин даже успела кое-что сосчитать.

— Пять, семь, девять... Десять черных лучей! Что это значит, Бен? Какая-то уж совсем странная чертовщина!

— Десять лучей чего? — не понял плотник.

— Десять лучей звезды, дурья башка, у чего еще бывают лучи?! — вскипела Кристин, обычно довольно вспыльчивая. — Эй, у пушек! Все готовы или команды ждете?

— Готовы, капитан! — Моррисон выглянул из трюма. — Только канониров у нас хороших мало-вато, ты уж скажи, с какого борта палить будем!

— С правого! — не задумываясь, ответила она. — Да привяжите меня к якорю, если вру: видела я быстрые суда, но не настолько же быстрые!

— Мы не успеем, — нервно заметил Бен, все еще остававшийся у штурвала. — Не успеем, капитан, он перекрывает фарватер!

— Тем хуже для этой десятилапой звезды! Всем быть готовыми к маневру, кто свалится за борт — не вернусь!

Полезший было с ружьем на рею Самбо передумал и быстро спустился. Корабли сближались на полном ходу, и каждый ловил свой ветер. Море между ними покрылось рябью бьющихся друг о друга волн, будто сражение передовых отрядов уже началось. Теперь Кристин отчетливо видела человека в черном дождевике, стоящего у штурвала

вражеского судна. Лицо его скрывал капюшон, и оттого фигура его выглядела демонической. Усмехнувшись, Кристин покрепче уперлась ногами в палубу и положила руки на пистолеты.

— Право руля!

— Право? — Бен закрутил штурвал, но побледнел. — Ты не ошиблась, Кристин? Там мель, и мы им левый борт подставим, а Моррисон...

— Еще право руля и заткнись, Тощий Бен! Сейчас проверим твою работу, и если будут течи, клянусь, нам придется искать нового плотника!

Противник повторил маневр, не желая выпускать «Ла Навидад» в море. Тарана вражеский капитан явно не боялся и шел на всех парусах. Но и о мели он тоже не знал.

— «Блэк стар»! — выкрикнули сразу несколько голосов, когда стало возможно прочесть название черного корабля.

— Никогда не слышала и надеюсь, больше не услышу! — крикнула капитан. — А теперь круто лево руля, Бен, очень круто!

Но ей пришлось помочь плотнику крутить неподслушный штурвал, на такой скорости руль едва повиновался. «Ла Навидад» заскрипел всем корпусом, опасно качнулись мачты. Они уже были над мелью, но все же пока именно над ней, потому что верный дельфин прислал высокую волну. «Блэк стар» такой

волны не имел, и только везение и низкая осадка пока позволяли ему плыть. Кристин выполняла невозможный для парусного судна маневр, да еще и практически на одном месте, чтобы избежать столкновения. Но как ни фантастичны были действия капитана «Ла Навидад», противник постарался повторить маневр. В какой-то момент пираты почти поверили, что это ему удастся — к черной фигуре у штурвала кинулись еще трое, налегли на штурвал, и длинный узкий корпус черного корабля начал разворачиваться. С криком полетели за борт сразу двое матросов, не ожидавших такого поворота. И все же «Блэк стар» не сумел перекрыть путь проходившему уже мимо его борта «Ла Навидад», а в следующий миг налетел на мель. Пираты услышали гулкий удар и увидели, как моряков бросило от штурвала к носу. Что творилось в орудийном трюме «Блэк стар», можно было себе только представить. Зато Моррисон и его канониры не подвели, и правый борт «Ла Навидад» дал залп почти в упор. Еще мгновение спустя корабли разминулись.

— Держи штурвал! — крикнул капитану Тощий Бен. — Пойду течи смотреть! Знаешь, таких поворотов и новенький корабль не выдержит!

Плотник убежал, а Кристин перевела дух и оглянулась. Кажется, все прошло как по маслу: враг прочно сел на мель и к тому же серьезно поврежден.

Но, как и прежде, в сердце кипела злость: почему они не хотят их отпустить, почему снова и снова преследуют? Кристин скрипнула зубами и заставила себя успокоиться. Конечно, им нужна серебристая фигурка дельфина, и не только она. Но лишь дельфин сможет гарантировать «La Навидад» возвращение домой, а значит, терять его никак нельзя.

Силуэт черного корабля стремительно удалялся, но недобродушие предчувствие оставалось вместе с Кристин. К ней подошел китаец Ли, также когда-то добровольно вступивший в команду. Погляживая мушкет, он встал прямо перед капитаном и с хитрецой усмехнулся.

— Отойди, я не вижу по носу! — буркнула Кристин. — И что твои узкие глаза увидели смешного, скажи, пожалуйста?

— Мне смешно, что ты надеешься убежать от этого «Блэк стар». — Китаец хотел сказать что-то еще, да ему помешал грохот пушек. Черный корабль дал залп из трех орудий с кормы вслед «La Навидад», но ядра легли в воду по левому борту. — Ух ты, огрызается еще! Нам не уйти, капитан Кристин. Ты видела, как он быстр.

— Дельфин быстрее!

— Дельфин может многое, но не все. Наш корабль нуждается в большом ремонте, а днище обросло

ракушками. А еще я видел, как ты вела корабль к острову. В душе тебе хотелось вернуться за Клодом, и поэтому дельфин тоже колебался. Они догоняют нас.

— Что ты предлагаешь?! — Кристин оскалилась. — У нас команды не хватает даже для орудийного боя, а случись абордаж — нам конец! На «Блэк стар» людей много, я успела заметить.

— Я тоже, — кивнул Ли. — Только это ничего не меняет. Может быть, стоит вернуться сейчас, когда они на мели? Мы могли бы обстреливать их и, может быть, потопить.

— На «Блэк стар» в два раза больше пушек, они просто были не готовы к залпу. Кроме того, у нас мало ядер. И вообще... — Кристин бросила штурвал. — Становись на вахту и поменьше давай советов капитану. В наших морях за это могут и под килем протянуть. Знаешь, что это такое?

— Знаю! — Ли послушно встал к штурвалу. — Ты капитан, ты решаешь.

Не зная, права она или нет, Кристин ушла в капитанскую каюту, громко хлопнув дверью. Ей не хотелось нового боя, не хотелось терять друзей. Она стремилась просто убежать, но понимала, что это вряд ли удастся.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КОЕ-ЧТО О СЕНЬОРЕ АЛОНСО-ГАЛЕАНО

Люди набраны, провиант и вода погружены, мелкий ремонт закончен, и охота на «Ла Навидад» должна была вот-вот начаться. Но О'Лири задержался еще на сутки. Начинавший злиться Диего полагал, что эти сутки потребовались пиратам для безобразной гулянки со стрельбой, которую они устроили в таверне мадмуазель Монморанси в честь своего отплытия. Но он был не совсем прав. За эти сутки успело просохнуть красиво выведенное на бортах новое название судна. Аббат заметил это только в утро отплытия, когда похмельная команда по одному или небольшими группами поднималась на корабль.

— Но почему? — чувство прекрасного, так присущее Алонсо, было оскорблено. — Почему «Монморанси»?

— А почему бы и нет? — парировал капитан. — Тем более что это древняя и благородная фамилия.

— Возможно, но ваша-то мадмуазель Монморанси к этой фамилии вряд ли принадлежит! А корабль вы, получается, назвали в ее честь. При всем уважении к этой даме, она эту честь не заслужила, а фамилию по сути украла.

— Если бы я называл корабль в честь мадмуазель Монморанси, то я бы его так и назвал: «Мадмуазель Монморанси»! — обиделся ирландец. — Между прочим, имел бы право требовать скидку! Но я назвал его просто «Монморанси», и будьте любезны, сеньор Алонсо, относиться к этому имени с уважением. Корабли не любят, когда их не уважают. И еще... Честно говоря, я надеялся, что вы поможете провести некоторую процедуру крещения. Вы же говорите, что были аббатом?

— Я и сейчас считаю себя аббатом, потому что был смещен несправедливо, но... — Алонсо всплеснул руками. — Что, это обязательно?

— Да, — твердо ответил Джеймс. — Собственно, все сделаю я, это капитанская обязанность. Но вы прочтете молитву на латыни. Это вы можете?

— Это могу, — кивнул Алонсо, понимая, что он единственный человек в Санта-Лючии, имеющий о латыни представление. — Могу еще окропить палубу водой.

— Не палубу, а только мостики, — уточнил капитан. — И это тоже должен сделать я.

Аббат только пожал плечами. Пиратские суеверия начинали его утомлять, но, как человек рассудительный, он терпел. По-настоящему его беспокоило другое. Алонсо понимал, что отправляется в плавание с не самой приятной компанией и жизнь его будет висеть на волоске с того самого момента, как «Монморанси» выберет якорь. И все же, прогуливаясь по палубе и напоказ подкручивая усы, он верил, что и в этот раз как-нибудь выпутается. Нужно было только обзавестись надежным союзником. На эту роль лучше других подходил О'Лири, но Диего обдумал и другие варианты. Боцман Кнут показался ему человеком хоть и грубым, но весьма неглупым. Авторитет у команды он имел немалый, мало того, его боялись. Вот только хватит ли такому человеку честолюбия поставить все на карту и начать бунт, да еще защищая чужака? В этом Алонсо сомневался и решил пойти проторенной дорожкой — все же между ним и капитаном Джеймсом установилось нечто вроде доверительных отношений.

Между тем якорь подняли, и трехмачтовик отошел от берега. Примерно в миle от Санта-Лючии капитан положил судно в дрейф. Злые моряки, пошатываясь с перепою, собрались на палубе. Тихий Томазо принес на мостик ведро морской воды.

— Итак, сеньоры, а также джентльмены, если такие имеются, пора окрестить нашу посудину! —

бодро начал нарядившийся по такому случаю О'Лири. — Я, в качестве капитана и с согласия команды, нарекаю корабль «Монморанси»! Если кто-то имеет что-то против, пусть говорит сейчас или замолчит навеки!

Эта формула, более присущая обряду бракосочетания, заставила Диего фыркнуть. Кнут сурово посмотрел на него, и аббат сделал вид, что закашлялся. Команда хранила молчание, слышно было лишь, как хлопают паруса на слабом ветру и плещутся волны о борт.

— Прекрасно! — капитан сиял, словно на настоящем празднике. — Сеньор аббат, прочтите подобающую молитву.

Диего не был набожным человеком, но всему есть предел. Читать молитву по поводу переименования корабля, которому суждено стать прибежищем шайки пиратов? Он снял шляпу, вышел вперед и принялся по памяти читать из «Галльской войны» Цезаря. Многого он, конечно, не помнил и заполнял пробелы в памяти первыми пришедшими на ум латинскими словами и выражениями. Моряки, обнажив головы, внимали ему с почтением, у некоторых переходившим в благоговейный ужас. Увлекшись, Алонсо стал играть голосом, басить и гнусавить, то растягивать слова, то переходить на скороговорку и вскоре

почувствовал, что ему хочется пуститься в пляс, наподобие индейских шаманов. Вокруг него стояли люди, способные зарезать ближнего ради пары медяков, но многие из них крестились, слушая эту ахинею. Диего поторопился закончить, боясь рассмеяться. И в тот момент, когда Диего произнес «амен», он увидел пристроившегося позади других Фламеля. Алонсо совершенно забыл про него, а ведь дурачок Фламель был единственным, кто наверняка понял каждое слово. Теперь француз улыбался и даже, кажется, подмигнул аббату.

— Я закончил! — сообщил капитану Алонсо, отчего-то смутившись.

— И я закончил! — в тон ему ответил О'Лири и окатил мостик водой. — Теперь пора всем выпить по чарке рома за здоровье нашего корабля!

Вот тут уже начался праздник для всех. Только что испуганно крестившиеся душегубы с веселыми проклятиями побежали за бочонком всей гурьбой, а во время выкатывания его на палубу даже слегка подрались. Боцман быстро восстановил спокойствие и поднес капитану и судовладельцу по стаканчику.

— Пейте, Диего, и не смейте морщиться! — строго сказал О'Лири. — Я сейчас отдам пару распоряжений и приду в мою каюту. Ждите меня там.

— С какой целью, позвольте спросить? — Алонсо, не любивший, чтобы им командовали, вскинул голову. — Желаете поговорить?

— Давно желаю. — Ирландец смотрел на него очень серьезно, в голосе зазвучали стальные, капитанские нотки. — С этой минуты командую я. И я желаю кое-что знать. Ступайте в каюту, или вас отведут туда.

Диего побледнел от гнева, но сдержался. А что ему оставалось? Корабль вышел в море, и теперь капитан имел полную власть над всеми находившимися на борту. Члены команды хотя бы были защищены своим странным договором и обычаями берегового братства, а вот Алонсо оставался чужаком. Тот факт, что «Монморанси» юридически принадлежал ему, не играл теперь никакой роли. Он залпом опрокинул в себя обжигающий напиток, круто развернулся на каблуках и отправился к кормовой надстройке.

О'Лири подчеркнуто произнес «моя каюта». Иметь свое личное помещение — одна из священных привилегий пиратского капитана. Но добродушный, улыбчивый Джеймс любезно пригласил Алонсо разделить с ним жилище. Тогда он говорил «наша каюта», но все изменилось в один миг. Диего вошел, затворил за собой дверь и быстро проверил пистолеты. Если он настолько ошибался

в ирландце, если Джеймс готов прикончить его прямо сейчас, то Диего обречен. Но прежде, чем тело незадачливого судовладельца выкинут за борт, команде «Монморанси» придется искать себе нового капитана.

Капитан Джеймс не заставил себя долго ждать и вошел спустя несколько минут. Он осторожно, стараясь не помять великолепный плюмаж, снял шляпу и присел за большой стол, заваленный старыми, рваными картами. Алонсо, уже сидевший за тем же столом, вопросительно посмотрел на него.

— Что, амиго, готовы взяться за пистолеты? — усмехнулся О’Лири. — Не советую — дыма много. Один выстрел, и вам меня уже не разглядеть. И если промахнетесь... А еще пистолет может дать осечку. Сталь надежнее.

Словно по волшебству в руке ирландца оказался длинный, изогнутый нож, который он с силой вонзил в стол. Диего не дрогнул — вот уж в эти игры он играть умел.

— Джеймс, я не благовоспитанный мальчик из хорошей семьи. Мои пистолеты не дают осечки, и один из них прямо сейчас под столом смотрит вам в живот. Я знаю, с кем имею дело.

— Вот оно что? — О’Лири рассмеялся. — А как же вы в аббаты угодили, если не врете?

— Вы про это со мной так хотели поговорить?

— Нет, о другом...

Поразмыслив, Джеймс встал и достал из шкафа бутылку вина.

— Выпьем, за дружбу и взаимопонимание. Только не забывайте, Диего, капитан здесь я.

— Я это помню. — Алонсо пододвинул стакан. — Спрашивайте, капитан.

— Мои люди проверили ваши вещи и даже ваши карманы, — спокойно сообщил О'Лири, наливая вино. — Вы потратили все ваши деньги на корабль и снаряжение. А приехали сюда с такой суммой, что ее хватило бы на безбедное существование и в Европе.

— Я не любитель безбедного существования, — жестко ответил Алонсо. — Я не боюсь отказать себе во многом ради того, чтобы однажды ни в чем себе не отказать.

— Эк вы завернули! — опять засмеялся капитан. — Сразу видно образованного человека. Судя по тому, как вы чесали по латыни, учились в семинарии? Или где-то еще?

— Джеймс, спрашивайте наконец о том, что вам действительно интересно.

Капитан отсалютовал стаканом собеседнику и не спеша, с удовольствием осушил его.

— Вы имели деньги, но потратили их на снаряжение корабля. Вы не дурак и понимаете, какой

это риск. Но вы ведете нас ловить чертов «Ла Навидад», хотя его может не оказаться у Флориды.

— Я же говорил: в протоколах инквизиции я нашел подтверждение легенды! — напомнил аббат. — Да и дьявол с ней, с легендой, я видел серьезные документы. Это странно? Да, но что нам за дело? Я уверен, что «Ла Навидад» уже идет сюда с севера и стоило бы поспешить!

— Кнут все сделает, — отмахнулся Джеймс. — Но риск, сеньор Диего, риск! В конце концов, в море много дорог. Мы можем просто разминуться с «Ла Навидад». Вам могут выпустить кишки прямо сейчас, чтобы спокойно владеть кораблем. Наконец, на «Ла Навидад» может оказаться мало-важно золота, и ваша двойная доля не окупит затрат. Но вы упрямо лезете вперед. Почему? Я должен это знать, Диего, потому что не люблю играть втемную. Давайте заключим нашу личную сделку: вы откровенны со мной, только по-настоящему откровенны, а я обещаю сохранить вашу тайну.

— Вы сохраните тайну и поклянетесь защищать меня от ваших головорезов, — выдвинул свои условия Алонсо, допил вино и поставил стакан перед капитаном. — Налейте еще, славное вино.

— Купленное на ваши денежки! — весело напомнил Джеймс и наполнил стаканы. — Пейте на здоровье. И... Я согласен, если вы свою часть

сделки выполните. Полная откровенность, Диего, полная. Это на берегу можно было юлить, а теперь — только так, как я сказал. Не лгите капитану. Иначе это плохо кончится, обещаю.

— Страшный вы человек, капитан О'Лири, — не удержался от иронии Алонсо, который с трудом сдерживал желание поставить наглеца на место. Но арагонец знал слабые черты своего характера и в который раз сдержался. — Хорошо, капитан, слушайте. Я действительно закончил семинарию, это было условием моего отца. Иначе я перестал бы получать содержание. Но строить карьеру духовного лица мне не хотелось, в юности я мечтал стать солдатом, мечом взять и славу, и богатство. Поэтому водил дружбу с офицерами. Мне помогли, и я оказался в действующей армии. Мы отправились воевать с маврами, в пустыню. Знаете, как себя чувствует человек, когда ветер вторую неделю несет из Сахары раскаленный песок, а воды дают... Ну, вот по такому стакану в день. Вода гнилая, она ужасно воняет, но если ее не пить — не доживешь до вечера.

— Я моряк, — напомнил ирландец. — Я знаю, что такое жажда, и что такое гнилая вода, тоже знаю. Может быть, перейдете к делу?

— Вы хотели откровенности? Слушайте. — Диего твердо знал: чем больше человек о тебе знает, тем больше волей-неволей к тебе располагается. Так

устроены люди. — Я разочаровался. Командиры наши жили совершенно иначе, а договоров, подобных вашему, никто не заключал. Мавры нападали по ночам, нас становилось все меньше, помочь никак не приходила... Случился бунт. Потом — долгая дорога домой. Большинство моих товарищей угодили в рабство или погибли, а всего из трех тысяч в Испанию вернулись пятеро. И тогда я поклялся, что больше никогда не буду служить. Поклялся, что всегда стану действовать только в своих интересах.

— А я вот не клялся, просто живу так с детства, — сказал Джеймс. — Но: есть и интересы бенретского братства. Мы не одни в этом мире, amigo.

— А я почувствовал себя одинокой. Отец отрекся от меня, когда я вступил в армию. И тогда я... Назло ему решил вернуться к матери католической церкви. В конце концов, больше я ничего не умел, а кормят наше духовенство хорошо. Я же и вовсе устроился неплохо: бывший солдат пригодился одному высокому чину. Я принял сан, хотя занимался не совсем богоугодными делами.

— Мне просто стыдно за вас, Диего! — хмыкнул капитан. — Всегда подозревал, что, хоть Европа и кичится своими законами, в Вест-Индии людям живется и легче, и свободнее, и честнее. Итак, вы стали наемным убийцей для какого-то епископа или даже кардинала?

— Не важно для кого. Важно, что скоро я понял, что опять таскаю для других каштаны из огня, как говорят французы. — Алонсо помрачнел. — Глупая молодость, я во многом раскаиваюсь. Я многое узнал о том, что называется изнанкой жизни. А зная многое, стал использовать эти знания. И теперь те, кто прежде платил мне за кровь, стали платить за молчание.

— Шантаж! — восхитился Джеймс. — Вы стремительно падаете в моих глазах — глазах честного пирата.

— Хотя бы будете знать, с кем имеете дело. Налейте мне моего вина, капитан. Итак, теперь вам понятно, как я стал аббатом? Мне тогда казалось, что о большем и мечтать нельзя. Я получил хорошее место, сделался богат. Обязанностей было не слишком много — живи в свое удовольствие. Но однажды, когда я инспектировал один монастырь, мне довелось пересечься со святой инквизицией. Да еще как! Какие-то негодяи числом в полторы-две сотни устроили настоящий штурм обители, где инквизиторы успели укрыться. Ни дать ни взять — война! Можно было подумать, что мавры вернулись и собрались перерезать всех христиан. Никто, кроме инквизиторов, не понимал, что происходит, но они молчали. Мне пришлось взяться за оружие. Мы отбили штурм, а потом выдержали несколько

дней осады. Наконец какой-то отряд подоспел на помощь и отогнал наших врагов. Инквизиторы, при которых было несколько ящиков документов, отбыли с нашими спасителями, а те даже не потрудились сообщить мне, кто они такие. Но это были не королевские войска, нет! Скажите мне, Джеймс, как такое может быть: в Андалусии штурмуют монастырь, а король не прислал солдат?

— Не знаю, я никогда не был в Андалусии. Вы не задавайте мне вопросов, Диего, вы рассказывайте дальше. Самого интересного я пока не услышал.

— Я полагал, что знаю, кто управляет миром. Деньги и пороки власть имущих, вот так я думал. Полагаю, я прав, вот только кое-чего не учел. Тогда, подобрав сутану и сидя с мушкетом за стенами монастыря, я понял, что в Испании действует сила, с которой боится связываться сам король. И это не святая церковь.

— Что-то подобное я слышал! — перебил его О'Лири. — Тайные организации, верно? О, года два назад в Гавану явился один чудак из Германии, все что-то говорил о... Забыл! Я тогда как раз сбежал из крепости, прямо в кандалах, и удача меня не подвела: наткнулся на этого чудака. Он помог мне снять цепи, поделился наличностью и все болтал о том, что в Вест-Индии надо построить государство, свободное от этих тайных организаций. Знаете, Диего,

мне он показался дурачком вроде нашего Фламеля. Его еще потом повесили за пособничество пиратам, этого парня, но я уже был далеко.

Нахмурившись, Алонсо поигрывал полупустым стаканом. Что-то он разговорился, неужели вино так подействовало? В какой-то момент аббат и правда собрался открыть пирату душу. Но О'Лири вряд ли бы его понял. Тогда, в Андалузии, честолюбивый и умный Диего осознал, что не знает чего-то очень важного, и это его ранило. Он попытался поговорить с настоятелем, но тот словно воды в рот набрал. Альгвасилы¹, вызванные для разбирательства по настоянию аббата, стремились только замять дело и отводили глаза. Единственной ниточкой, связывающей его с удивительным происшествием, стали два молодых послушника, помогавших инквизиторам. Их оставили, чтобы уничтожить в монастыре документы — некоторую часть, самую, надо полагать, важную, инквизиторы увезли с собой, а от других бумаг торопились избавиться. Парни и сами по себе странно выглядели для послушников: высоченные, плечистые, привычные к оружию. Они потребовали комнату с печкой. Аббат, неплохо знавший обитель, выбрал

¹ Альгвасил — должностное лицо, ответственное за выполнение приказов суда и трибуналов в соответствии с законодательством.

для них комнату лично, а о тайном ходе в нее рассказывать не стал. Пергаменты горели плохо, печка была маленькая, и Алонсо очень надеялся, что послушники захотят прерваться. Любопытство разъедало его душу, и если бы обедать отправился только один из послушников, аббат, наверное, ворвался бы ко второму со шпагой. Но умом верзилы не отличались и, как только подосланный монашек предложил им отведать баранины с чесноком и прочих радостей монастырской кухни, тут же отбыли в трапезную вместе. Вот тогда Алонсо и вошел в комнату потайным ходом.

Это были интересные бумаги. Сам сделавший карьеру отчаянным шантажом, аббат мог оценить содержание документов святой инквизиции. Ставшие почти незаметными, тихими, инквизиторы тем не менее сохранили широкие полномочия и вовсю ими пользовались. Имелся у них доступ и к немалым средствам, и не только к своим, но и к казне братьев-иезуитов. Сперва Алонсо показалось, что это и есть зацепка. Орден набирал силу и давно отошел от принципов своего основателя Лойолы, если не считать одного: цель оправдывает средства. А средства, выделяемые орденом для инквизиции, судя по цене получаемой информации, вполне окупались. Диего почти уже уверился, что стал свидетелем эпизода тайной войны

монашеских орденов за лакомые куски и влияние на сильных мира сего, когда на глаза ему попался документ совсем другого рода. Некто, названный лишь номером, на допросе говорил об «охотниках», которые были близко связаны с рядом министров Испании и Франции. Аббат сразу понял, что теперь взял настоящий след. Он второпях ворошил документы, отбрасывая все лишнее. «Охотники» — это слово стало ключевым. Потом добавилось слово «предметы», которые, судя по всему, и представляли цель тайной охоты. Поражали средства, которые использовались: не одна война в Европе вспыхнула именно как следствие борьбы разных групп загадочных охотников.

— Думаю, вас не интересуют детали, а разговор начинает надоедать, — сказал вслух Алонсо. — Тогда о главном, Джеймс. Я получил доступ к некоторым документам, о которых вкратце вам уже рассказывал. Тайное общество, можете называть его так... Их возможности чрезвычайно велики. Настолько велики, что они способны перетрясти весь мир, если им что-то понадобится. Сейчас мы можем называть их охотниками, но заклинаю — не произносите этого слова, если не имеете в виду букиньеров или им подобных парней с ружьями. Охотники не любят света, и слишком много знающие о них люди имеют манеру умирать.

— Тайные охотники! — Капитан хмыкнул и налил себе вина. — Полагаю, на «Ла Навидад» таких нет. Но обещаю вам, я буду осторожен. Если, конечно, вы мне об этих охотниках расскажете, как обещали. Да и на главный вопрос вы пока не ответили.

«На «Ла Навидад» нет людей охотников? — подумал Диего. — А ведь я в этом не уверен, капитан Джеймс. Мсье дурачок Фламель весьма подозрителен и, хотя сам по себе на охотника не тянет, за прсто может оказаться их осведомителем. Потому-то и надо было забрать его в море с собой».

— Я почти ответил. Про охотников я мало что знаю и хотел бы знать больше. Но это опасное знание.

Перед глазами Алонсо будто снова появилась та телега с трупами послушников, когда их привезли с сельского праздника. Аббат был готов поклясться, что они не покидали монастыря. Но кто-то ли выманил их наружу, то ли вынес уже мертвыми и подбросил на праздник. Их якобы закололи вилами. Глядя на их тела и утирая холодный пот, Алонсо нутром почувствовал, что знай убийца, кто еще заглянул в документы, — нашелся бы способ тихо прикончить и аббата. Это от жертв своего шантажа он мог умело прикрыться, передав улики третьим лицам. Охотников нельзя было запугать, и пощады они не знали. Диего же с той минуты забыл о покое.

— Я выкрад только один документ. Там говорилось о золоте, вот я и схватил его второпях — обычно самые важные дела связаны с деньгами, особенно наличными.

Пират согласно кивнул.

— Ну так вот, это был протокол допроса какого-то человека, близкого к охотникам. К одной из групп охотников, насколько я понял...

— А допрашивали его соперники, — помог капитан аббату. — Он говорил о «Ла Навидад»? И, кстати, за чем все же идет охота?

«Нет, о предметах тебе знать ни к чему, — решил Диего. — Мне еще самому нужно понять, что же это такое».

— «Ла Навидад» не нашел пиратских кладов. Ван Дер Вельде и Гомеш отправились на остров Оук, расположенный на севере, где-то у побережья. Я не нашел карты, на которой он был бы отмечен. Известно время, когда «Ла Навидад» вернется, откуда — понятия не имею. Во всей этой истории немало чертовщины, но ведь тем интереснее, не так ли?

— Так, — кивнул Джеймс. — Чертовщины мы не боимся, ее на Карибах на каждом шагу можно встретить. Про остров Оук я никогда не слышал и на картах не видел. Но что там, если не клад? Где Ван Дер Вельде взял свое золото?

— Там есть подземелье, охраняемое неким демоном. — Серьезному человеку Диего было бы трудно такое сказать, но пираты верили в сказки. — Так сказано в протоколе допроса. Демон, или что-то еще, может помочь отправиться в другое время.

О'Лири застыл, не донеся стакан до губ, и задумался. Довольный Алонсо усмехнулся про себя: попробуй, скиталец морей, осознать, что такое возможно! Скажи аббат, что Ван Дер Вельде спускался за золотом на дно к морскому дьяволу, пирату легче было бы поверить.

— А зачем? — спросил наконец О'Лири. — В другое время — это в прошлое, да? Не понимаю зачем. Разве что выпустить кишки врагу, которого не успел убить, пока тот был жив... Но значит, он сам сдох, порви его аллигаторы, и зачем его снова убивать?! Не понимаю.

— Добыча, — с улыбкой пояснил Алонсо. — Если некий капитан знает, что в таком-то году испанцы перевозили галеонами индейское золото, то может перенестись туда и захватить груз. А потом вернуться с ним домой.

— Галеоны? — Джеймс шумно почесал затылок. — Да они тогда неповоротливые совсем были, я видел на картинках! И пушки... Сейчас пушки гораздо лучше. Мы могли бы атаковать хоть пять галеонов. Ловко придумано, черт возьми! Так значит, Ван Дер Вельде ограбил испанцев и привез золото обратно?

— Не знаю, Джеймс. Вы просто задумайтесь о возможностях. Задумайтесь как капитан: что, если вы можете подловить покойного Красного Чарли в тот момент, когда он на потрепанном корабле, но с призом торопится к Тортуге. Вы можете перехватить самого Френсиса Дрейка с его серебром, а потом еще раз, у побережья Африки, взять того же «Эль Драко», когда он возвращается после ограбления наших колоний на Западном побережье!

— Не думаю, что эти колонии наши или даже ваши, сеньор арагонец, — уточнил О'Лири, но задумался. — Да, это лучше любого клада. Но дьявол с ним, с золотом, тут все понятно. Верно ли, что можно пойти и в будущее? Тогда можно в тот момент, когда кто-то из команды собирается воткнуть тебе нож в спину, оказаться за спиной у мерзавца и прикончить его раньше, чем он тебя!

В комнате повисла тишина, только с палубы доносилось покрикивание боцмана. Оба собеседника силились понять, что же только что сказал капитан. Ирландец сдался первым.

— Что-то я не то ляпнул. Не стоит рассуждать о будущем. Значит, капитан Ван Дер Вельде отыскал этот волшебный остров и хапнул хороший кусок без особого труда. А эти ваши охотники прознали о том... Но как?

— Я подозреваю, «Ла Навидад» оставил в прошлом какие-то следы, и охотники с помощью святой инквизиции сумели отыскать их, — предположил Диего, который и сам путался, пытаясь понять, как все устроено. — Хотя это объясняет не все. Вот если Ван Дер Вельде не испугался сунуться в будущее, узнал, когда «Ла Навидад» вернется, а потом отправился в прошлое и там кому-то об этом сообщил, что со временем стало известно инквизиторам...

— Достаточно! — попросил О'Лири. — Знаете, Диего, вы напрасно просили меня молчать. Парни с удовольствием выслушают самое лихое морское вранье, но терпеть не могут, когда их заставляют напрягать мозги. Если хотите, чтобы вас пустили прогуляться по доске в сторону открытого моря, — расскажите им что-то в этом духе. Поэтому пока остановимся. Охотникам нужен остров Оук.

— Я думаю, им известны координаты, — покачал головой Алонсо. — На картах я остров не нашел, но мне удалось узнать, что существуют секретные карты исследовательских экспедиций на север. Их посыпали несколько стран, в основном Британия. И кажется мне, что на самом деле их отправляли охотники, и вовсе не затем, чтобы искать Северо-Западный проход.

— У них такие возможности? — удивился капитан.

— Я не знаю предела их возможностей. В любом случае все карты, все записи этих экспедиций за-секречены. Но я думаю, что об острове им известно. Но они не знают некоего секрета острова Оук. И поэтому им нужен «Ла Навидад» и его команда. Уверен, и на Тортуге, и в Гаване их уже поджидают. Но мы перехватим корабль раньше, у Флориды. Если, конечно, нам повезет. Но шансы велики.

О том, что больше всего его интересуют предметы, вокруг которых шла невидимая война, Алонсо умолчал. В протоколе, который он выучил наизусть, прежде чем уничтожить, на этот счет было сказано совершенно ясно: «Ла Навидад» привезет несколько этих сверхценных вещей. Особо — именно в этой связи — отмечалась опасность, которую могли из себя представлять вернувшиеся из плавания.

— Алонсо, а где вы взяли деньги? — вдруг задумчиво спросил О'Лири. — Ограбили родное аббатство?

— Мне не удалось скрыть мой интерес к некоторым вопросам, — признался Диего. — Поэтому ограбить аббатство я не успел, пришлось бежать. Знаете, когда сперва служка умирает оттого, что решил схватить кусок с тарелки хозяина, который задерживается к обеду, потом прямо на твой письменный стол рушится потолочная балка именно в тот час, когда ты обычно работаешь... Я жив

только потому, что охотники не успели понять, на сколько я опасен.

— А вы опасны, Диего? Для такой силы, как эти охотники?

— Главное — знания! — напомнил Алонсо. — Если мы допросим команду «Ла Навидад», то станем еще сильнее и еще опаснее. А что до денег, то я действительно добыл их грабежом. Я знал одного очень богатого и очень бесчестного человека. Когда шантаж становится профессией, можно узнать довольно много. Если вам это интересно, испанские власти ищут меня, но вряд ли успели проанализировать, что я отплыл в Вест-Индию, — я пустил их по ложному следу. Именно поэтому я и не скрывался. А теперь, когда мы в пути, уже ничего не имеет значения. Мы перейдем дорогу охотникам, а они пострашнее альгасилов. Вот, теперь я сказал все.

— Вы авантюрист, Диего. Знаете, что это значит? — Капитан вылил в стакан остатки вина из бутылки. — Вам не быть богатым, и умрете вы не от старости.

Алонсо не удержался и фыркнул. Услышать такое от пирата? О'Лири сперва нахмурился, а потом расхохотался.

— Вы считаете меня таким же искателем приключений, как Красный Чарли или капитан Гомеш? — покачал головой ирландец. — Нет, я не такой. Конечно, я занимаюсь рискованным делом,

и порой приходится класть голову на плаху случая. Но если риск становится слишком велик — я отступаю, потому я и самый удачливый капитан из тех, что сейчас бороздят наши воды. Ваша история мне нравится, и куш велик. Мы пойдем к Флориде. Но не думали ли вы, мой дорогой Алонсо, что охотники тоже могут догадаться перехватить «Ла Навидад» до возвращения на острова? Вы же сами сказали: они борются между собой.

Поморщившись, словно от зубной боли, Диего встал и подошел к приоткрытыму окну, в котором все еще виднелась удалявшаяся земля. О'Лири сразу нащупал слабое место в его плане.

— Да, такой риск есть. Но у нас хороший корабль, прекрасная команда и лучший капитан, разве не так?

— Вы авантюрист, Диего, — повторил О'Лири. — Пойду потолкую с Дикобразом о нашем курсе.

Он вышел, а сеньор Алонсо остался стоять у окна. Чуть поскрипывал один из ставней, которые берегли стекло во время штормов. «Монморанси» шел легким попутным ветром, под всеми парусами, и от этого в каюте было душновато — парусник и ветер двигались с почти одинаковой скоростью.

— Я не авантюрист, — прошептал Диего. — Я всего лишь очень любопытный человек, который любит получать все. А иначе чего-то не хватает.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ДУРАЧОК ФЛАМЕЛЬ

Обладая живым характером, Алонсо недолго пробыл в каюте и вышел на палубу. Капитан О'Лири действительно поговорил о чем-то с Дикобразом, отдал несколько распоряжений, а потом, покосившись на аббата, спустился в трюм с боцманом. Ветер благоприятствовал курсу, погода стояла прекрасная, и матросы занялись своими обычными делами: кто-то чинил одежду, а большинство играли в кости. Прогулявшись трижды из конца в конец корабля, Алонсо заскучал. Путешествие из Испании до Гаваны тоже далось ему нелегко, но там имелись пассажиры, с ними было интересно поговорить о Вест-Индии, где Диего прежде не бывал. Теперь же он не знал, чем занять себя в этом крохотном мире, со всех сторон окруженном морем.

Пообщавшись с капитаном, штурман Дикобраз с веревкой в руках отошел к борту и стал завязывать

какие-то узелки, то поглядывая на солнце, то прикидывая силу и направление ветра. Наблюдая, как он слюнявит палец, вытягивает руку вверх и застывает, будто к чему-то прислушиваясь, Диего немного развлекся. Но не только Алонсо присматривался к штурману.

— Луис, а верно я слышал, что тебе и еще нескользким парням заплатили премию за то, что вы вступили в команду?

Это был Коста-Грек, здоровенный матрос со шрамами от бича на широкой спине. Он расхаживал по палубе обнаженным по пояс, загорелый до черноты.

— Я не обязан отчитываться, Грек! — Штурман не обернулся, продолжая свои странные вычисления. — Все кое-что получили авансом.

— Ну, мы-то получили столько, что мадмуазель Монморанси еще гналась за нами почти до причала, хоть мы и оставили ей все, а выпили совсем немного. Верно, парни?

За спиной у Грека держались два его товарища, тоже нанятые в последнюю очередь. Один из них, в богатой шляпе, явно у кого-то отнятой, все время оглядывался на трюмный люк. Диего догадался, что друзья опасаются вмешательства боцмана. Кнут, несмотря на то что был далеко не самым крупным членом команды, умел вызвать у команды и страх, и уважение.

Дикобраз аккуратно спрятал в карман свою ве-ревочку и обернулся к Косте-Греку. Разговор начал привлекать внимание остальной команды. Пираты немного заскучали, а ром, выданный по случаю крещения корабля, все еще горячил их кровь.

— Должок, Дикобраз! — Грек навис над невысоким, худощавым штурманом. — Помнишь, как Тич высадил нас в Венесуэле на побережье, где только индейцы раз в год проходили? Помнишь или забыл уже?

— Мне тогда двадцати еще не было, — сухо сказал Дикобраз. — Паоло-нож поднял мятеж, и нам, двум молодым дуракам, пришло в голову его поддержать. Что дальше?

— Да, славное было дело! — Грек отвернулся от штурмана и обращался теперь к команде. Несколько пиратов придвинулись ближе. — Паоло умирал долго. Тич привязал его к мачте и упражнялся в искусстве бросания ножей. Честно говоря, покойный Тич никогда не умел кидать ножи! И клянусь, я слышал своими ушами, как Паоло просил его подойти.

Несколько матросов рассмеялись. Прикинув расстановку сил, Диего поспешил занять место поближе, возле мачты, но не в первых рядах.

— Так вот, когда Паоло наконец испустил свой грешный дух, а убило его скорее солнце, чем наш косорукий капитан... — Теперь смеялись почти

все. — Так вот, тогда пришел черед остальных. У Луиса к тому времени колени дрожали, как кливер при смене галса! Мне даже помнится, что он намочил штаны. Что ж, всякое бывает — мы же были уверены, что нас привяжут на место Паоло! Среди остальных мятежников оказались два толковых канонира, этих Тич запер в трюме, чтобы образумились, и еще трое или четверо парней, которых перебили во время драки. Остались только мы, я да Луис. Тич пожалел нас и высадил в Венесуэле, так далеко от обжитых мест, что мы не добрались бы до них и за год по этой проклятой сельве.

От внимательных глаз Диего не скрылось, что оба товарища Грека подступили ближе и теперь заняли позиции по сторонам от Дикобраза, отрезав ему пути отступления. Штурман, сложив руки на груди, спокойно стоял у борта, за широкой спиной Кости.

— Тич по справедливости оставил нам сабли и по пистолету, каждый с одной пулей. Мы немного пошатались по окрестностям, научили тамошних попугаев славным проклятиям и услышали, как какая-то зверюга ревет в глубине леса. А потом, когда настали сумерки, вернулись на берег. Конечно, мы надеялись, что Тич заберет нас на обратной дороге. Все мы знаем, что молодняк иногда достаточно хорошенъко проучить. Куда тогда двигался Тич, я что-то забыл... Напомнишь мне, Дикобразик?

— Никуда он не двигался, — обладавший сухим, глуховатым голосом Дикобраз даже не пытался перекричать горластого Грека и говорил нарочито негромко. — Тич просто курсировал вдоль побережья, ожидая эскадру Красного Чарли, чтобы вместе идти на Вера-Крус. Поход тогда так и не состоялся.

— Что ж, значит, так оно и было, — согласился Коста. — Но я речь веду не о том. Уже на закате какой-то олененок вышел к ручью, из которого мы как раз лакали, как два блохастых пса. И не успел олень опустить свою глупую голову к воде, как я всадил в него пулю, прямо в хребет! Так было, Луис Дикобраз?

— Так, — кивнул по-прежнему спокойный штурман.

Диего оглянулся. Возле трюмного люка стоял матрос, видимо, из приятелей Грека. Судя по всему, он должен был подать сигнал, если Кнут или О'Лири соберутся подняться на палубу.

— Это была моя пуля и моя добыча! — продолжил Грек. — Я подвесил тушу на ветку, выпустил кровь и принялся за требуху: сердце, печень... Никогда в жизни не был так голоден! А Дикобраз стоял рядом и глотал слюни с таким шумом, что было слышно в Панаме!

Команде нравился рассказ Грека. Высокий, атлетичный, он оказался еще и неплохим актером.

Еще с минуту Коста рассказывал и показывал, как мучился его приятель, глядя на пиршество. Диего снова обернулся и встретился глазами со стоявшим за его спиной пиратом. Он широко улыбнулся щербатым ртом, и Алонсо понял, что если сейчас попробует позвать капитана, то его быстро заставят замолчать. Судовладелец не был членом команды и даже не относился к береговому братству.

— Потом Дикобраз развел костер, хоть я его об этом и не просил — я люблю сырое мясо! Наконец он говорит: собираешься ли ты со мной поделиться, дружище? А я отвечаю: подожди, сначала я поем, это же моя добыча. Но олененок-то совсем маленький, а аппетит у меня и тогда уже был что надо! — Грек хлопнул себя по крепкому животу. — И Луис понял, что ему, скорее всего, останется только поджарить шкуру и копыта! Тогда Дикобраз начал просить меня дать ему кусок. Но когда я голоден, я голоден как акула! Никто не будет спорить, надеюсь?

Желающих не нашлось, да Грек и выглядел так, будто готов съесть и переварить целого оленя за один присест. Слушая его вполуха, Алонсо дождался взрыва хохота и под шумок вытянул из вшитых в глубокий карман потайных ножен короткий стилет. Сердце колотилось, но бывший аббат привычно успокаивал себя: «Только не торопись никого

убивать! Здесь у каждого друзья, за каждого могут отомстить. Только ранить!»

— И я предложил голодному другу купить у меня мясо. Цена была простая: вес золота! Клянусь всеми утопленниками отсюда до Бразилии — я отрезал ему целую ногу! Она весила добрых полтора фунта, так я и сказал Дикобразу. И он согласился. Конечно же, я понимаю: наш приятель думал, что там мы оба и сдохнем. Или, может, надеялся, что сдохну я... Говоря по чести, ты, Дикобраз, повел себя тогда как полный придурок! В моем пистолете пули уже не было, но в твоем-то оставалась! Каким надо было быть растяпой, чтобы покупать у меня мясо по цене золота, а?

Пираты смеялись, штурман все так же стоял со скрещенными на груди руками. По бокам, будто конвой — два друга Грека, невзначай положившие руки на эфесы сабель. Дикобраз не смотрел на них, только на широкую спину Грека.

— Разве не пора отдать хотя бы часть долга? — Коста повернулся к Луису. — Ведь тебе заплатили больше, чем нам, простым матросам.

Наступила тишина, никто не хотел пропустить ни слова Дикобраза.

— В ноге было много костей и сухожилий, — тихо ответил штурман. — А когда я пожарил мясо, осталось не больше полуфунта. Потом Тич забрал

нас, и я не меньше половины этой суммы отыграл у тебя в карты, а расплаты не требовал.

— Ты покупал ногу, а не file! — взревел Грек. — И где это видано, чтобы расплачивались по весу жареного мяса, а не сырого!

— Кроме того! — громче сказал штурман. — Кроме того, я спас твою шкуру, когда дьявол понес нас в сельву искать Золотой город. Помнишь того индейца с топориком, который подкрался к тебе сзади?

— Что же получается? — Грек подступил ближе к Дикобразу. — В каждом рейде кто-то спасает другого, потому что мы одна команда и каждый человек важен. По-твоему, это стоит денег, а? Да это наш долг перед береговым братством, и любой здесь готов прикрыть твою никчемную башку и от индейского топорика, и от толедской шпаги!

— Это правильно, — сказал Тихий Томазо.

Пираты одобрительно загудели. Штурман побледнел, а Диего про себя усмехнулся: Дикобраз допустил ошибку, когда начал оправдываться. Теперь симпатии команды были на стороне Грека.

— А вымогать у голодного товарища золото за мясо — это, выходит, правильно?! — воскликнул Луис сдавленным голосом. Хладнокровие начинало ему изменять, и аббат заметил, как дрожат пальцы штурмана. — Мы тогда тоже были в одной команде!

— Нет, это неправильно, — снова заговорил Томазо.

— А пусть разберутся один на один! — выкрикнул тот пират, что стоял за спиной Диего. — До первой крови, и кто проиграет — тот не прав!

Большой части команды предложение понравилось. Никто из них не посчитал бы честной драку с огромным Греком один на один, но об этом они не думали. Им просто хотелось развлечься. Алонсо понял, что сейчас самое время вступить в игру.

— А почему бы нам не сделать все еще интереснее? — Он спрятал стилет в рукав и через толпу протиснулся вперед, избавившись от неприятного парня за спиной. — Я вот согласен с Дикобразом и предлагаю решить спор двое на двое.

Грек явно не ожидал такого развития событий и неодобрительно покосился на Диего. Те пираты, что соображали быстрее других, тут же закричали: «Давай, верно! Так интереснее!» — но Коста жестом попросил тишины и задумчиво поскреб макушку.

— Слушайте, парни, разборки по старым долгам — это наши палубные дела, и капитана они не касаются. Но этот аббат, он же вроде как судовладелец и наниматель... Ну, пока еще...

— Он сам вызвался! — заговорил Тихий Томазо. — Аббат не член команды, и принуждать его

мы не можем. Но раз он вызвался сам — почему бы и не позволить ему помочь Дикобразику? Аббат — мужчина видный, крепкий, а Дикобразика за реей не видно. Так будет интереснее. А капитан О'Лири что сможет нам предъявить? Что его приятеля поцарапали по его же собственной воле? Драка-то не до смерти, мы все это помним. Кто встанет рядом с Греком?

Желающих не было, и тогда Коста, присмотревшись к пиратам, стоявшим по бокам от штурмана, ткнул пальцем в одного.

— Ты займешься сеньором судовладельцем. И помни, что он не член команды!

— Только ножи, — напомнил правила Томазо, явно имевший авторитет как хранитель традиций. — Не больше двух.

Толпа расступилась, освобождая место для схватки. Теперь моряки вели себя тихо, многие воровато оглядывались на люк. Диего понял, что, несмотря на все традиции, О'Лири немедленно остановил бы происходящее. И причина имелась веская: потеря штурмана не обещала экспедиции ничего хорошего, а любой порез, нанесенный опытным бойцом, мог оказаться смертельным. Дикобраз отошел в сторонку и снял перевязь с абордажной саблей. Встав рядом, Алонсо стал расстегивать камзол.

— Спасибо, — тихо сказал Луис. — Не знаю, что нашло на Косту, видимо, про Франческу вспомнил... Он постарается убить меня.

— Зачем?

— Ну, хотя бы затем, что я убью его, если сегодня останусь жив. Клянусь всеми повешенными Тичем, я убью его! Ишь чего захотел: полтора фунта золота!

Глаза Дикобраза блестели от ненависти и жадности. Про себя Алонсо подумал, что чересчур доверять этому парню не стоит. Но он ввязался в эту драку, пытаясь завоевать симпатии хоть кого-то из команды, кроме капитана, и полагал, что риск оправдан. Между тем оба их противника взяли по два ножа. Так же поступил и Дикобраз, единственный шанс которого был в том, чтобы нанести Греку первый порез и отсрочить неизбежную развязку их противостояния. Диего, следуя арагонским традициям, намотал камзол на левую руку, спрятав под ним никем пока не замеченный стилет.

— Это еще что? — недовольно протянул пират, выбранный Греком. — Так не делают!

— Это не запрещено! — тут же вступил за аббата Томазо. — Можешь сделать то же самое.

— Вот еще! — Пират помахал руками, рассекая воздух длинными ножами. — Я шрамов не боюсь!

Хорошего ножа у Диего не было, но не успел он подумать, у кого бы его попросить, как кто-то протянул ему сверкающий на солнце широкий клинок. Подняв глаза, Алонсо увидел дурачка Фламеля, который смотрел на него очень серьезно.

«Если все пройдет хорошо, обязательно надо с тобой потолковать, — подумал Диего, принимая нож, который оказался прекрасно сбалансирован и остр, словно бритва. Да и кому еще иметь острые ножи, как не коку, на должность которого и взяли Фламеля? — А руки у дурачка и правда на редкость крепкие. Не у каждого матроса такие руки».

Томазо дал команду, и пары начали сходиться. Как и ожидал Диего, Грек встал напротив Дикобраза. Противник Алонсо сразу кинулся на него, и аббату пришлось временно забыть о судьбе штурмана. Ножом, зажатым в правой руке, пират совершил выпады снизу, а в левую взял оружие обратным хватом и угрожал арагонцу сверху и сбоку, явно рассчитывая нанести хороший удар по правой, не защищенной обмотанным камзолом стороне Алонсо. Но аббат успел пройти хорошую школу подобных стычек и не стал ждать. Отступив на пару шагов под натиском врага, он улучил момент и шагнул в сторону, одновременно вцепившись левой рукой в левую же руку пирата. Нож чиркнул по камзолу, но не проколол несколько слоев

добротной ткани. Тогда противник попробовал достать Диего другим ножом, но арагонец уже оказался сбоку и щедро полоснул его лезвием по ребрам. Края длинного пореза тут же разошлись, на палубу хлынула кровь.

— Здесь все! — сразу заявил Томазо. — Грек, против тебя теперь двое. Остановите кровь и уберите палубу!

Но исполнять это распоряжение никто не торопился, потому что схватка еще продолжалась. Грек почти зажал Дикобраза в углу, его длинные руки работали ножами с нечеловеческой скоростью. У штурмана не оставалось ни одного шанса, и Диего поспешил на помощь. Чертыхнувшись, Коста вдруг изо всех сил ударили Дикобраза сапогом в грудь и отбросил того к борту. После этого Грек повернулся и кинулся на Алонсо, безошибочно определив более опасного противника.

Вот тут Диего пришлось туго. Словно огромный Голиаф, Грек наступал на него, с удивительной быстротой и силой работая ножами, и шаг за шагом быстро прижимал к капитанскому мостику. Он даже успевал оглядываться на с трудом поднимавшегося Дикобраза. Аббат с неприязнью подумал, что штурман мог бы проявить больше воли — вдвоем они как-нибудь остановили бы эту смертоносную мельницу. Мостик был уже где-то

совсем рядом, и Диего решил, что пора рисковать. Зажав стилет в левой руке, спрятанной под скомканым камзолом, он сделал вид, что кидается противнику в ноги. Грек мог в этот момент нанести Диего удар, но рана была бы незначительна, а великан хотел ударить наверняка. Он промедлил долю секунды, выжидая, когда Алонсо окажется чуть ближе, и этого хватило аббату, чтобы отпрянуть. Запоздало ударив и промахнувшись, Грек даже не почувствовал, как стилет, словно вдруг высынувшееся жало, рассек его руку.

— Стой! — крикнул внимательный Томазо. — Стой, Грек, ты проиграл!

Коста с негодованием на лице обернулся к нему, но уже и сам почувствовал, как горячая кровь течет по запястью. Нож сам выпал у него из пальцев, и Грек уставился на рану.

— Тысяча чертей! Этот аббатишко рассек мне сухожилия! Вот теперь тебе конец!

Он снова бросился на Диего, но теперь имея нож лишь в левой руке, и арагонец уклонился от атаки, словно тореадор от быка. В тот же миг отышавшийся Дикобраз прыгнул к Греку и вонзил нож ему под лопатку прежде, чем он успел повернуться.

— Это неправильно! — закричал Томазо, впервые не оправдав своего прозвища. — Дикобраз, ты нарушил кодекс!

— Ты остановил схватку, а Грек хотел убить моего друга! — свирепо обернулся к нему Луис. — Я защищал аббата!

— Он даже не член команды. — Томазо заговорил спокойнее. — Дьявол! И что на это скажет капитан?

Именно в этот момент разгневанное лицо О'Лири показалось над люком. Еще не поднявшись на палубу, он выхватил из-за пояса пистолеты, с которыми не расставался. Команда расступилась, и капитан увидел мускулистую спину Грека со всаженным по рукоятку ножом. Пират стоял, упервшись обеими руками в фальшборт, и часто дышал, дрожа всем телом.

— Кто? — только и спросил О'Лири.

— Я! — смело признался Дикобраз. — Он вызвал меня на бой, он проиграл бой, но все равно хотел прикончить и сеньора Алонсо, и меня. Все видели, как это было.

Капитан перевел мрачный взгляд на Томазо, тот, скривившись, кивнул.

— Мы еще устроим суд, но сперва пусть все подумают. Пробей нарыв нам днище, я ведь потерял лучшего из абордажной команды! Дикобраз, что бы ни решила команда, ты вернешь мне те деньги, которые я ему выдал авансом, а Грек пропил у мадмуазель Монморанси.

Алонсо лишь усмехнулся, подумав, что деньги вообще-то стоило бы вернуть ему. Зато Дикобраз обиженno засопел — он и правда был жаден. Пойдя к умирающему, О'Лири положил руку ему на плечо.

— Мне чертовски жаль, Грек. Но что толку теперь таращиться на море и дрожать? Прощай.

Он взялся за нож, сильно дернулся и тут же отпрянул, исхитрившись уклониться от фонтана крови, хлынувшей из раны. Грек покачнулся, захрипел, а потом перевалился через фальшборт и упал в воду.

— Имущество делит команда, если иного Грек не указал в договоре! — сказал Тихий Томазо. — А я с самого начала знал, что дерымово это закончится.

— Уберите здесь все! — потребовал капитан. — Суд состоится на закате, если не изменится погода. Вам, сеньор Алонсо, я советую держаться подальше от развлечений матросов. Вы не член команды, помните об этом. А вашу двойную долю мы, если что, с удовольствием разделим между собой, вот как долю Грека. Томазо, иди со мной.

Тяжко вздохнув, Тихий Томазо поплелся за капитаном. Диего вытер лезвия ножа и стилета о камзол и направился к камбузу. От его глаз не укрылось, что предпочитавший быть незаметным

Фламель успел нырнуть туда еще до появления О'Лири.

— Вот ваш нож, мсье Никола, и с ним моя благодарность. — Диего впервые спустился в это крохотное, душное помещение с печкой, небольшим столом и второй дверью, ведущей в общий трюм. — Вы заняты?

— Чем?! — с неожиданным возмущением ответил вопросом на вопрос Фламель, нарезавший мясо крупными ломтями. — Чем я могу тут быть так уж занят? Мы взяли копченого мяса, сухарей, немного лука и чеснока и пять бочонков рома. Ах да, в трюме еще стоит ларь с мукой, капитан любит оладьи. Матросы натащили фруктов, но все они или будут съедены в течение трех дней или испортятся. Это меня вообще не касается! Я слышал, что на многих кораблях возят коз ради молока, ради яиц, но не на «Монморанси». Честно говоря, я вообще не понимаю, зачем им повар.

— А вино в вашем ведении? — Диего подумал, что в этом был бы хоть какой-то толк. — Я видел у капитана бутылку неплохого андалусийского.

— Вино в ведении капитана, ром в ведении боцмана, — ответил Фламель и принялся точить ножи. — На ужин я раздам сухари и солонину, вот и все мои обязанности как повара. Утром принесу оладьи для капитана и для вас. Предупреждаю:

масло купили скверное, молока и яиц нет. Как можно так питаться?! А это мясо? Я уверен, при такой погоде оно начнет попахивать уже через неделю. Его коптили букиньеры, а они люди безграмотные, обязательно или слишком высоко повесят, или сожгут. Я имел счастье с ними пообщаться, нарвался на отряд этих букиньеров-браконьеров, пока шел по побережью.

— Говорят, букиньеры — хорошие стрелки.

— Да, — кивнул Фламель. — А вот грамоте обучены далеко не все, и я нахожу это возмутительным. Европейские правительства ничего не делают для развития Вест-Индии и ее населения!

— И для развития европейского населения они тоже ничего не делают, — кивнул Диего и присел на холодную печку. — Матросы обсуждают бой и смерть Грека, самое время нам поговорить. Откуда вы узнали о «Ла Навидад», мсье Фламель?

— Услышал легенду на островах и заинтересовался. Кстати, спасибо, что взяли меня с собой, я очень надеюсь увидеть этот корабль.

— Полноте, мсье Фламель! Вы знаете больше. Как вы говорили про тот металл... Ну, которым якобы пользовались атланты.

— Орихалк! — У Фламеля заблестели глаза. — Орихалк, который и дал Атлантиде ее могущество. В нем все, в нем ключ и к философскому камню,

и к панацее, и, возможно, даже к источнику вечной молодости!

— Философский камень? Ах да, вы же алхимик, верно? — Диего, все еще переполненный торжеством победы, беспечно болтал ногами. — И что же, много золота добыли из свинца?

— Немало, но не «из свинца», как вы выражаетесь, мсье Алонсо. Суть трансмутации — превращение свинца в золото. Подобное можно делать и с другими металлами, например с оловом. Но нужна целая лаборатория и многие вещества, например большой объем ртути.

— А яйца, снесенные петухами? — припомнил читанный когда-то трактат Алонсо. — Из них, насколько я помню, вылупляются василиски, которых надобно сжечь, и потом золой... Я не помню, что там надо сделать с этой золой.

— Вот из-за таких, как вы, алхимию и считают лжен наукой! — вдруг закричал Фламель и, продолжая точить ножи друг о друга, подскочил к Алонсо, так что арагонец отшатнулся. Никола, впрочем, тут же заговорил тише и чуть отступил. — Невежды! Великие мастера алхимии зашифровывали свои труды, чтобы знания не попали в нечистые руки. Представьте, что предпримет испанский, а хоть бы и французский король, узнай он, как на самом деле можно пополнить казну. Первое, что он

бы затеял, обзаведясь золотом, — нанял бы армию и затеял большую войну.

— Войны и так не кончаются, — осторожно возразил опешивший аббат.

— Кончаются, когда кончается золото, — буркнул Фламель. — Алхимики работают не ради золота, ну разве только на содержание лаборатории. Мы интересуемся наукой, мы стараемся развить знание, чтобы однажды сделать мир лучше. Но зашифрованные трактаты читают невежды и смеются, дураки пробуют заставить петухов нести яйца, и, конечно же, развелось полным-полно жуликов. Однажды меня отправили в тюрьму только за то, что я назвался алхимиком, вот до чего мы дошли!

— И как вы спаслись? — Диего изловчился украсть кусок копченой говядины и теперь нагло поедал его на глазах кока. — Как вы выбрались из тюрьмы, мсье Фламель? Мне почему-то все о вас интересно.

— Нашлись друзья, они помогли мне... — Француз удовлетворился наконец остротой ножей и отложил их в сторону. — Хотите обо мне знать? Хорошо. Я ищу орихалк. И у меня есть заслуживающие доверия свидетельства о древних записях, в которых говорится о путешествии атлантов сюда, в Вест-Индию. Даже более, чем свидетельства... Я видел карту.

— Карту чего? — спросил Алонсо с набитым ртом. — Атлантиды?

— Нет! Карту Флориды, — алхимик придвинулся к Диего и заговорил еще тише. — Древняя карта! Очертания берегов чуть изменились, если современные карты точны, но это Флорида. Есть река, и есть поселение атлантов на этой реке, хоть оно и отстоит от берега на некоторое расстояние. Конечно, я не думаю, что там живут потомки атлантов — колония, как и многие другие, тысячи лет как мертвa. Но перед катастрофой туда ушел корабль с орихалком! Вернуться ему было некудa, и есть большая надежда, что металл все еще хранится там. Время ничего не могло ему сделать. Вы мне верите, Алонсо? Груз орихалка! Да с его помощью я превращу в золото столько свинца, сколько вы захотите! Вам не нужно будет пиратствовать, только помогите мне.

— При всем уважении, мсье Фламель, «Монмранси» принадлежит мне только формально, — так же тихо ответил Алонсо. — В бред ваш я не верю. И это целых две причины, по которым я не собираюсь искать ваш сказочный корабль атлантов.

— А в сказочный «Ла Навидад» вы, получается, верите? Что ж вы скажете, если он и привезет орихалк? В этом не было бы ничего фантастичного, любой разумный человек поймет, что орихалк

куда дороже золота. А где они были... Надеюсь, мы это узнаем.

— Вот если на «Ла Навидад» груз орихалка, мы поговорим с вами об алхимии очень серьезно. — Диего спрыгнул с печки и протиснулся к выходу. — Об алхимии, потому что про охотников вы ведь мне ничего не расскажете, верно? Боитесь их?

— Про каких еще охотников? — удивился Фламель, но прежде в его глазах отразилось удивление совсем другого рода, и от Алонсо оно не скрылось.

— Тех самых, мой друг, тех самых охотников. Увидимся.

Ухмыляясь, аббат выбрался на палубу. Да, Фламель слышал об охотниках, а раз так — слышал и о предметах. Плавание впереди долгое, будет еще время вывести чудака француза на чистую воду. Он отправился в каюту и с удовольствием вытянулся на узкой койке. День выдался насыщенный, пора было немного отдохнуть.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НОЧНОЙ БОЙ И РЫБА-ПАРУС

Усталый корабль упрямо плыл к югу. Но скверная погода преследовала его, будто зацепилась за мачты. Моросил дождь, небо постоянно затягивали тучи, не пропуская солнечных лучей, а ветер был хоть и попутным, но холодным и порывистым. От этого паруса постоянно хлопали, а корабль иногда совершал неожиданные рывки вперед.

— Как мне это надоело! — сказал Тощий Бен как-то раз во время ночной вахты, когда такой рывок заставил его пролить вино на стол. — Уж кажется, лучше хороший шторм! Шторм однажды кончится, а эта напасть длится и длится.

— Типун тебе на язык, — вяло ответил Моррисон, кидая кости. — Какое у Кристин настроение, такой и ветер. Самбо, ты снова проиграл.

— Эй, боцман! — Негр привстал, всматриваясь в выпавшие числа. — В прошлый раз по-другому было, а ты снова сказал, что я проиграл!

— В прошлый раз мы играли, у кого больше выпадет, — степенно ответил Моррисон. — А теперь — у кого меньше. Ты если не слушал, то молчи! Иди лучше смени рулевого.

Самбо фыркнул, подхватил свое охотничье ружье и вышел под мелкий холодный дождь. У штурвала стоял Бартоломеу, целиком погруженный в свои мысли. Курс у «Ла Навидад» был самый простой: на юг милях в тридцати от побережья, ветер благоприятствовал, и делать португальцу было в общем-то нечего.

— Я менять тебя пришел. — Самбо, в отличие от Бартоломеу, английский язык дался легко. — С боцманом играть в кости не садись, жулик он.

— Он нет жулик, — сказал португалец, отступив от штурвала на шаг. — Жулик — который хитрец. А Моррисон тебя обманывать как ребенка. Не пласти, Кристин скажи, она наказывать его.

— Эй, капитана Кристин тревожить не надо! — Самбо сверился с компасом. — Капитан Кристин грустит. А еще...

Он осекся, потому что вдруг наступила тишина. Перестали хлопать паруса, прекратили налетать сзади порывы ветра, и даже дождь неожиданно прекратился. Матросы переглянулись. Тут же раздался тяжелый топот, и полный Моррисон поднялся на мостик.

— Что случилось?

— Бен же говорил, что устал от такой погоды? —
тут же язвительно напомнил ему Самбо. — Гово-
рил? Вот и наговорил!

— Ветер нет, — Бартоломеу послюнявил па-
лец. — Совсем нет ветер. Штиль.

— Знаю я такой штиль... — Боцман утер высту-
пивший от волнения пот. — Сперва штиль, а потом
шквал! Бен! Подними ребят, надо снять все паруса,
кроме кливеров!

— Не ори так, — попросил с палубы корабель-
ный плотник. — Я думаю, Кристин уснула. И что
бы ей ни снилось, нам еще повезло, что сейчас
штиль. Но паруса надо, конечно, снять, мало ли ка-
кой кошмар ей пригрезится...

Час спустя паруса были уbraneы, и почти тут же
ветер вернулся с другой стороны. Моррисон попы-
тался идти галсами, на кливерах, но «Ла Навидад»
в лучшем случае оставался на одном месте. Матро-
сы не жаловались на ночную работу — за послед-
ние дни все успели высаться и даже заскушать.

— Ничего страшного, — сказал боцман негру,
когда они присели передохнуть. — Ну, снесет не-
множечко. Кристин проснется, и дельфин снова
потащит нас на юг, как на буксире. А пока пусть
спит.

— Пусть спит, — кивнул Самбо.

Дождь так и не продолжился, но тучи совершенно заволокли небо, и тьма стала непроглядной. Моррисон приказал зажечь еще несколько огней. Отправившись на главную рею бизань-мачты, ловкий Самбо подвесил лампу на самый край, когда вдруг ему показалось, что далеко позади мелькнула какая-то искра. Матрос сорвал с головы платок и заслонил огонь, чтобы присмотреться получше. Теперь ему привиделось сразу несколько огньков, которые тут же погасли один за другим. Самбо стрелой слетел вниз.

— Я что-то видел за кормой! — громко зашептал он Моррисону. — Огни!

— Где?! — вскинулся боцман и направился к корме. — Где огни?

— Погасли огни! — Самбо развел руками. — Но я что-то видел.

— В такую ночь без огней только полный кретин может идти. — Моррисон напряженно всматривался в темноту. — Ничего не вижу.

— Или полный кретин, или очень наглый пират, или... — Тощий Бен пыхнул трубкой. — Ты не думаешь, что тот черный корабль мог нас нагнать?

Моррисон, набычившись, засопел. Он не слишком доверял зрению Самбо и будить капитана пока полагал излишним. Что бы сделала Кристин, если бы не спала?

— Потушить огни! — наконец сказал он. — Потушить все наши проклятые огни, чтоб они в аду Сатане в глаза светили! И ты, Бен, потуши трубку! Кливера тоже спустите, и... И посидим часок в тишине. Если кто-то там есть, пусть догонят — в темноте мимо пройдут.

— Или врежутся нам в корму, — предположил Бен, выколачивая трубку. — И когда наша корма развалится, окажется, что во всем виноват плотник. В то время как если бы не плотник, то наша посудина давно бы лежала на дне океана, а ведь строевого леса и достаточно времени ему никто не давал. При том что чего только с «Ла Навидад» не случалось! В результате мы все еще на плаву, но потушили огни и хотим найти на свою корму новых приключений. Пусть меня прикуют цепями к марсовой бочке на солнцепеке, если...

— Заткнись! — потребовал Моррисон. — Тишина всем! Слушать!

Примерно час прошел в напряженной тишине. Вахтенные сперва честно пытались расслышать хоть что-нибудь, кроме тихого плеска волн о борт, а потом начали задремывать. Только Моррисон волновался с каждой минутой все сильнее.

«Что, если это «Блэк стар»? Он быстр, а мы шли, можно сказать, не торопясь. Повреждения черный корабль получил изрядные, но кто знает, насколько

хороша его команда? Мы выбирались из ситуаций и посложнее. Если они заметили нас первыми и потушили огни, чтобы подойти тихо, то вся надежда на эту темноту. Разбудить капитана? Но Кристин почти не спала уже около месяца, ходит бледная...»

Он привстал, чтобы дойти до арсенала и принести на палубу пару мушкетов — просто на всякий случай. Но именно в этот миг тучи вдруг раздвинулись, и полный месяц осветил большой участок моря. В паре сотен футов от «Ла Навидад» виднелся хищный силуэт длинного и узкого корабля с вытянутым вперед длинным бушпритом.

— Вздерните меня на гроте, если живы будем! — взревел боцман, потому что терять было уже нечего. — Тревога! К оружию! И растяните кливера, быстрей!

Он кинулся к корме, будить капитана. На «Блэк стар» часто забили склянки, там тоже поднимали всю команду. С Моррисоном столкнулся выскочивший из трюмного кубрика Ли, который на бегу пытался заряжать мушкет.

— Разуй свои щелки, если глаз нет! — Моррисон в сердцах отпихнул его и увидел Кристин. Девушка спала одетой и вышла на палубу, как только натянула сапоги.

— Кто приказал убрать паруса?! — тут же вскипела она. — Какого дьявола мы дрейфуем?

— Ветра не было, Кристин! Мы боялись шквала. И кто думал, что этот длинноносый догонит нас так быстро?!

— Поднять все паруса! — Кристин сунула руку за пазуху, нащупывая фигурку дельфина. — Отставить. Десять человек с мушкетами на левый борт и корму, остальным заняться парусами. Кто на штурвале? Самбо! Курс пять румбов правее, уходи от «Блэк стар», не дай им закинуть «кошки»!

Черный корабль быстро приближался — там паруса не убирали. Подул ветер, добрый попутный ветер, вызванный дельфином — ведь хозяйка искренне хотела убраться подальше от врага. Но ветер не может дуть только в одни паруса, и приближающийся «Блэк стар» тоже его ловил. Двигался нежданный гость куда быстрее, чем утомленный и обросший ракушками «Ла Навидад», расстояние между кораблями стремительно сокращалось. Не дожидаясь приказа, Тощий Бен выстрелил и, судя по донесшемуся истошному крику, кого-то неплохо зацепил.

— Отставить паруса, канониры в трюм! — успела скомандовать Кристин до того, как с «Блэк стар» зазвучали выстрелы в ответ. — Из пушек они пока по нам палить не будут, используем преимущество...

Моррисон, собирая канониров и подгоняя их пинками, не стал спорить. Преследователям не нужна команда «Ла Навидад», не нужен корабль

и даже несколько бочонков золота в трюме. Их интересовали «предметы», один из которых, дельфин, висел на груди капитана. Ядро могло разорвать девушку, и тогда серебристая фигурка запросто оказалась бы в океане. Еще хуже — потопить корабль, отправив на дно все, что на нем было, в том числе желанную добычу. Охота за предметами на море была делом непростым.

— Ну быстрей же, пока они борт в борт не встали! — рычал он на бойцов. — Заряжай и стреляй, разрешения не спрашивай!

Несколько мгновений спустя ухнула первая пушка «Ла Навидад». Ядро вышибло ставень пушечного порта преследователя, срикошетило от стоящего там орудия и улетело куда-то в глубину трюма, чтобы тут же в нем разорваться. Из палубы «Блэк стар» взрывом вырвало несколько досок. Но капитан черного корабля ждал такого от противника и, догнав жертву, теперь выполнял нелегкий маневр — пытался бортом прижаться к корме «Ла Навидад», где пушек не имелось.

— Ли, возьми кого-нибудь, и... — Кристин хотела было приказать перетащить одну пушку от правого борта на корму, но поняла, что времени на это нет, так же как нет свободных людей. Слишком малочисленна оказалась после рейда команда «Ла Навидад». — Отставить, Ли! Сбивайте «кошки»!

А «кошки» уже летели с «Блэк стар», навстречу ядрам, которые продолжали наносить немалый ущерб кораблю с черной звездой на белом флаге. Тем не менее маневр вражескому капитану удавался, и половина пушек пиратов уже не могла достать палубу идущего на абордаж судна. Зацепившись крепко впившимися в борта и надстройки «Ла Навидад» «кошками», черный корабль подтягивался все ближе. Кристин, рассыпая проклятия, кинулась на корму и из пистолета прикончила очередного метателя, уже раскрутившего тонкий, но прочный канат. Ли и Бартоломеу под градом пуль топорами вырубали кусок фальшборта, чтобы сбросить хоть одну «колючку» из десятка, что связали два корабля.

Кристин выстрелила из второго пистолета и присела, чтобы перезарядить оружие. Она не знала, что теперь предпринять. В последний раз выстрелила пушка Моррисона, целясь уже только в длинный узкий бушприт, но на этот раз удача изменила боцману. С «Блэк стар» начали палить из мушкетов гуще, и капитан понимала почему: расстояние между кораблями уже настолько сократилось, что пора сцепиться баграми. Потом они перебросят деревянные трапы и хлынут на палубу. У немногочисленной команды «Ла Навидад» нет шансов в рукопашной схватке.

— Бартоломеу!

Португалец тут же оказался рядом и принялся быстро перевязывать окровавленную ногу.

— Сильно ранен?

— Царапина! — смуглый пират возбужденно вращал глазами. — Какая приказ?

— Атакуем их! Попробуем задержать, а ты скажи Моррисону: как подбегут канониры, чтобы в драку не лезли, а избавили нас от «кошек» и ба-гров! И Бен пусть останется здесь, ему сподручнее! — Кристин привстала. — Не стрелять и зарядить всем, нужен будет залп перед атакой! Да, и вот еще, Бартоломеу: пусть Моррисон отводит «La Навидад», даже если мы останемся там, на их палубе. Или если нас схватят, все равно! Пусть отведет этот чертов кусок гнилого дерева, развернется и бьет пушками, или я его вздерну! Вот, отдай ему.

Бартоломеу удивленно уставился на фигурку дельфина, оказавшуюся в его окровавленной ладони. В следующий миг о фальшборт «La Навидад» ударились сразу два трапа, и по ним побежали одетые в черное матросы «Блэк стар». Кристин выстрелила первой, и ее тут же поддержали все, кто успел зарядить мушкеты. Первая линия нападавших была уничтожена, а второй пришлось схватиться на узких трапах с кинувшимися навстречу им пиратами.

— Моррисон! — португалец схватил за рукав пробегавшего мимо боцмана. — Кристин тебе давать, говорить: отведи этот кусок полена и стреляй!

Боцман в критические мгновения соображал быстро и остановил бросившихся было в бой канониров. Он кое-как натянул ремешок с фигуркой на могучую шею и, молясь небесным богам и подводным дьяволам, принялся освобождать плененный корабль.

Между тем лихо напрыгнувшие на врага пираты, судя по всему более опытные в подобного рода делах, сбили атакующих с трапов и частью оказались на их корабле. Тут им сразу же пришлось туго: пули летели со всех сторон. Вот упал с пробитой головой Доминик, и в сутолоке битвы от Кристин не укрылось, что его тело тут же потащили к капитанскому мостику.

— Не стрелять в тех, кто на трапах! — донеслось до нее оттуда. — Ни один из них не должен упасть за борт!

«Пусть мертвецы поджарят вас для своего рогатого хозяина! — Кристин, пользуясь небольшим ростом, поднырнула под локоть верзилы с топором и пошла дальше, не забыв вспороть кортиком живот нападавшего. — Сколькими же жизнями вы готовы заплатить за каждую проклятую фигурку?»

Если бы я не была уверена, что вы всех нас перебьете, я отдала бы вам дельфина сама...»

Увы, охотники не любили оставлять следы, не говоря уже о свидетелях. Но была и еще одна причина, по которой Кристин не хотелось расстаться именно с дельфином. Волшебный предмет хотя бы на море слышал ее желания и, может быть, помог бы однажды найти дорогу к тому, кого она потеряла. Сейчас капитан об этом не думала и рвалась к мостику. Она не видела, а чувствовала, что за ней, прикрывая спину Кристин, следует Ли. Однажды оказавшись в команде «Ла Навидад», китаец считал ее своей семьей.

До мостика оставалось несколько шагов, когда сразу трое матросов с палашами и алебардами остановили Кристин. Капитан «Блэк стар», все также одетый в плащ с капюшоном, стоял за ними и хладнокровно заряжал пистолет.

— Не туда! — Ли оказался рядом и теперь как мог сдерживал саблей напор противника. — Он тебя просто пристрелит!

— Все бы отдала за пистолет! — зарычала Кристин, но Ли был прав, разумнее отступить, прячась за спины матросов «Блэк стар». — Тогда к мачте!

Мрачный капитан все же успел выстрелить, но пуля лишь сбила с Ли шляпу. Оторвавшись от своих, они оказались на корме, у бизани. Пока Ли, прыгая

как кошка, отбивался от врагов, Кристин зажала кортик в зубах, взяла тяжелую саблю обеими руками и рубила шкоты. Одновременно капитан «Ла Навидад» успевала следить за обстановкой.

Поначалу дрогнув под напором пиратов и потеряв около десятка людей, одетые в черное моряки сумели оправиться и теперь оттеснили их обратно к трапам. Еще немного, и бой должен был перейти на палубу «Ла Навидад». В то же время Моррисон и его люди во многом преуспели, и соединяли два корабля теперь в основном только трапы, тоже снабженные крючьями. Несколько матросов с «Блэк стар», впрочем, решились перепрыгнуть через узкую полоску воды и теперь рубились с канонирами.

— Идем назад! — Ли сумел ранить двух противников, третий отступил и озирался в ожидании помощи. — Пора, Кристин, иначе нам тут свернут шеи, как цыплятам!

— Через нос! — отозвалась капитан и первой побежала вдоль борта «Блэк стар», пользуясь полным отвлечением команды на бой с пиратами. — Где у них пороховой погреб, а?

На ее пути оказался ведущий в трюм люк, из которого высунулся было черный от сажи матрос, но тут же получил от Кристин хороший удар саблей по голове. С рассеченным лбом моряк упал вниз.

Она сгоряча хотела последовать за ним, но верный Ли буквально выдернул капитана из люка, и во-время: снизу тут же выстрелили из мушкета.

— Черт с ним, с погребом! На нос и руби шкоты, сколько успеем! Пусть они и с кливерами повозятся.

— Вернись на свой корабль, Кристин! — крикнул Ли, но она его даже не услышала.

Они успели перерубить несколько канатов, прежде чем их деятельность была замечена. Верзила с багром подкрался к Ли со спины и вдруг со всей силы огрел китайца по голове. Следующей его жертвой должна была стать Кристин, но девушка, обежав фок-мачту, атаковала его с незащищенного бока, и матрос с трудом отбил удар.

— Ты, пиратская крыса! — отступив на шаг, он замахнулся багром. — Мы перетопим вас всех!

Кристин не знала, что предпринять, и собралась уже снова пробежаться вокруг фока, но в грудь верзилы вдруг что-то с силой ударило, и он упал. В суматохе боя она даже не услышала выстрела. Обернувшись, капитан увидела у борта «Ла Навидад» Моррисона, который что-то ей кричал.

— Не разберу, что там стряслось, но, наверное, пора возвращаться! — Кристин подхватила пытавшегося встать Ли. — Ты сможешь идти?

Вместо ответа он пихнул ей в руку заряженный пистолет. Подивившись такой запасливиности китайца,

Кристин поволокла его через палубу. Бой шел частично на трапах, частично на палубе «Ла Навидад». Боцман следил за капитаном, и навстречу ей тут же бросились несколько пиратов, на недолгое время освободив трап. Кристин выпалила в кого-то из пистолета, изо всех сил швырнула увесистое оружие в следующего врага, и вот уже Тощий Бен замахал рядом топором, расчищая дорогу возвращавшемуся на корабль капитану.

— Мы очистили борта! — закричал Моррисон, не переставая орудовать саблей. — Но они так и лезут к нам!

— Так какого дьявола ты не отвел корабль?!

— Тебя ждал! Трапы еще держат, но мы уже тянем, сейчас вот только...

Забравшиеся на кормовую надстройку по команде Бартоломеу стрелки дали залп, и трап опять на время очистился. Тут же Моррисон и Тощий Бен ухватились за него, крякнули и с неимоверным напряжением подняли, отодрав от борта «Ла Навидад». Расстояние между кораблями в этом месте тут же, дюйм за дюймом, стало увеличиваться.

— И второй трап так же, Бартоломеу! — приказал боцман. — Тянут кливера, сейчас уйдем, только бы избавиться от тех, что на нашей палубе!

Таких оказалось немало, но они сами помогли Моррисону: увидев, что дорога к отступлению

отрезана, нападавшие кинулись к борту и стали прыгать на свой корабль, пока полоска воды между судами была еще узкой. Кристин, увидев валившийся под ногами мушкет, быстро зарядила его, высматривая капитана «Блэк стар». Он оказался там же, на мостице, но теперь его фигура не выражала холодную уверенность в своих силах, наоборот, он будто стал меньше ростом и нервно пританцовывал на месте, отдавая команды срывающимся голосом.

— Ты не из наших! — уверенно сказала Кристин, прицеливаясь. — Ты не знаешь, что такое палуба, скользкая от крови!

Возможно, ей удалось бы послать пулю прямо под капюшон черного плаща, но из трюмов «Блэк стар» вдруг появились новые, свежие бойцы. Кристин только покачала головой: каким надо было быть неопытным, чтобы держать их в резерве в тот момент, когда «Ла Навидад» оказался уже наполовину в руках нападавших? Тем не менее пулю пришлось потратить на отчаянного матроса, прыгнувшего с борта на борт, размахивая широким палашом. Остальные последовать его примеру не рискнули. Справа от капитана прогремел залп, она повернулась и удовлетворенно кивнула: второй трап разделил судьбу первого. Теперь ее корабль был свободен.

— Пригнуться всем, прятаться! — Она и сама отступила от борта. — Мне нужна живая команда! Дорежьте мерзавцев, что еще на нашей палубе!

Но выполнить второй приказ не удалось: пришельцы предпочли попрыгать в море. «Ла Навидад» уже отошел от «Блэк стар» на десяток футов и медленно разворачивался бортом — Моррисон собирался напоследок использовать пушки.

— Целиться в оснастку, боцман! — Кристин пошла было к штурвалу, но вспомнила, что дельфин не у нее и фактически кораблем управляет Моррисон. — Все свободные — на фок! Ставим паруса и уходим, им придется чиниться!

О том, чтобы добить врага, не приходилось даже мечтать. Ядер осталось слишком мало, кроме того, почувствовав, что дело совсем плохо, капитан «Блэк стар» просто вынужден будет использовать свои пушки, которых гораздо больше. И они уже заговорили: наконец-то сообразив, как важны в бою ходовые качества судна, черный капитан дал команду стрелять по бизань-мачте «Ла Навидад». Первым же залпом оказались повреждены обе реи.

— Не разворачивайся, Моррисон! — Кристин скатилась по трапу в пушечный трюм. — Отдай дельфина. Нельзя разворачиваться бортом, у него больше пушек, и он просто повалит наши мачты!

Боцман, запустив руку за пазуху, вдруг замер, и Кристин не понравилось выражение его глаз, ставших от обладания предметом разноцветными. Она изо всех сил ткнула его кулаком в толстый живот.

— Отдай дельфина, я тебе сказала! Слушаться капитана!

Это подействовало, и Моррисон исполнил приказ. Больше не обращая на него внимания, Кристин зажала фигурку зубами и кинулась на палубу, к штурвалу. Ветер тут же усилился и чуть изменил направление, разворот корабля прекратился. Пушки с «Блэк стар» продолжили стрельбу вразнобой, пытаясь уничтожить бизань противника, но капитан уже не думала о ней. Такелаж черного корабля серьезно поврежден, на починку потребуется время, и это время надо использовать, чтобы уйти за горизонт. Луна, в ярком свете которой состоялось морское сражение, все еще светила, но на востоке забрезжил рассвет.

— Мне бы сейчас больше закат пригодился... — пробурчала Кристин, вставая к штурвалу. — Да-вай, дельфин, дай нам ветра, пока «Блэк стар» не может им воспользоваться.

Мимо нее, размахивая мушкетом, как дубиной, пробежал матрос в черном. Он заметался по палубе, видя со всех сторон обнаженные сабли, и наконец упал, сраженный выстрелом Самбо.

— Плавать не умел, наверное! — предположил довольный негр. — Капитан Кристин, там одного поймали! Только он без руки по локоть, но говорить может!

— Веди его сюда! — Кристин оглянулась. Силуэт «Блэк стар» уменьшался, но они все еще находились в зоне прицельного огня его пушек. — Моррисон! Посчитай наши потери и доложи! И что там с Ли?

— Ли будет жить. — Китаец присел рядом на палубу и обхватил руками голову, наспех перевязанную смоченной в морской воде тряпкой. — Это странно, мне показалось, что его багор моими мозгами забрызгало.

— Какие у тебя могут быть мозги? — хмыкнула Кристин. — Боцман, я жду!

Моррисон пришел через пару минут, когда выстрелы с «Блэк стар» стали реже, а ядра почти не задевали лавирующий «Ла Навидад». Послав отставшему врагу длинное, заковыристое проклятие, боцман начал доклад.

— Потеряли пятерых убитыми, еще четверо ранены серьезно, у остальных царапины. Дешево от делались, можно сказать. Эти парни не очень-то обучены драться! Я сам видел, как один из этих чернышев зарядил мушкет и выстрелил еще раньше, чем успел его навести. Прострелил ногу

кому-то из своих, и вот таких у них половина. Так что им досталось больше.

— У нас осталось семь человек на ногах, я правильно поняла? — Кристин окинула взглядом фигуру боцмана, но, к своему облегчению, никаких ран, кроме рассеченной щеки, не заметила. — Что плотник? У него полно работы.

— Бен уцелел. Он сейчас смотрит, можно ли спасти нашу бизань.

— Что значит «спасти»? — глаза Кристин округлились. — Он хочет оставить меня без мачты?

— Бен не хочет, но основание пошло трещинами, а обручей у нас нет. Мне и самому кажется, что бизань вот-вот повиснет на такелаже, а чем так, лучше сбросить ее в море. Осталось немного, с дельфином дойдем и на двух мачтах.

— Мы не одни! — Пережитое наконец настигло Кристин, и на глазах выступили слезы, как уже бывало. Голос предательски срывалялся. — «Блэк стар» снова догонит нас! Еще одного боя не выдержать!

— Ну... — рука Моррисона потянулась было к плечу капитана, но боцман вовремя ее отдернул. — Ну, ты же Ван Дер Вельде. Что-нибудь придумаешь. Удача-то с нами.

Кристин искренне хотела удалиться от места боя, и дельфин притянул славный ветер. Еще до того, как на фоке и гроте подняли все паруса, черный

корабль перестал стрелять. Когда Кристин остановила штурвал и пришла на корму, посмотреть на повреждения, над горизонтом виднелись лишь его мачты и странный белый флаг. Черную десятилапую звезду на нем разглядеть было нельзя, но капитан будто чувствовала ее алчный взгляд.

— Что пленный? — спросила она, ощупывая разбитое основание мачты, которая отчаянно раскачивалась и скрипела.

— Молчит, — мрачно сказал Ли. — Я немного попробовал его разговорить, но он или кричит, или молчит.

— Дайте я попробовать! — потребовал Бартоломеу. — Я знаю как!

— Ты его убьешь! — заспорил Ли, морщась от головной боли. — Сердце человека не все может выдержать, а он ранен.

— Сдохнет — судьба его такой, — португалец пожал плечами. — Что толка он сидит и молчит? Пусть тогда сдохнет. Все равно убивать.

Кристин обнимала мачту, словно живую. Она чувствовала ее боль, боль истерзанного «Ла Навидад». Обойдя все основание, она наткнулась на мрачного, черного от пороховой гари Бена.

— Мачту надо ронять за корму, — сухо сказал он. — Будем ждать — упадет на палубу, пришибет кого-нибудь и порушит все. Починить не получится,

тем более что и большая рея разбита. Где взять новую в море? Или пристать к берегу, или ронять в море всю мачту. А у меня и так работы полно.

— Мой корабль будет словно без руки, — печально сказала Кристин. — Или, скорее, без ноги.

— Доберемся до родных мест, поставим новую мачту. Все равно нам надо где-то днище чистить, ремонт нужен большой... Куча работы! Но сейчас надо с ней расстаться. И, кстати, о береге... У нас опять течи, разошлись в трюме мои заплатки. Надо бы нам поближе к берегу держаться.

— Да, — кивнула Кристин, отпуская бизань. — Как только уйдем за горизонт от «Блэк стар», возьмем ближе к берегу. Может быть, они нас потеряют. Очень скоро погоня продолжится, и новая встреча нам ничего хорошего не сулит. Сбрасывайте мачту!

Она хлопнула Бартоломеу по плечу и ушла к мостику — смотреть, как ее «Ла Навидад» лишается части себя, капитан не могла. Спустя минуту португалец притащил туда пленного, бледного от потери крови. Связать ему руки не получилось, из-за отсутствия левой по локоть, поэтому правую просто прикутили веревкой к поясу.

— Попробуй перекинуться с ним словечком, — разрешила Кристин. — Только затыкай ему рот, если будет уж слишком громко орать.

— Ведро воды сюда! — потребовал Бартоломеу. — А плеть унести, Чарли, это уже пробовать. Ну что ж, поговори со меня, брат.

Португалец сорвал тряпку с обрубка руки пленника, и Кристин отвернулась. Пытка длилась минут десять, но ей показалось, что прошло не менее часа. Матрос то кричал, то замолкал на несколько минут и только мычал негромко. Один раз он потерял сознание, и тогда пригодилось припасенное ведро воды. Пираты, не склонные к сентиментальности и понимавшие, что и с ними однажды могут обойтись так же, столпились вокруг Бартоломеу и давали советы.

Первый вопрос палача — чтобы с чего-то начать допрос — был об имени.

Пленник не стал упрямиться и назвал его.

— Кристоф! — выдохнул он, бессильно повиснув на руках державших его моряков. — Меня зовут Кристоф. Убейте меня, я больше ничего не скажу.

— А почему? — Бартоломеу поцокал языком. — Если все равно дохлый станешь, почему не сказать? Кто твой капитан, куда твой корабль?

— Откуда, — поправил его Моррисон. — Откуда вы, а? Отвечай, раз английский неплохо знаешь!

— Я ничего не скажу... — повторил матрос. — Нельзя говорить. Никогда нельзя говорить.

Бартоломеу со вздохом опять взялся за нож.
Снова пленный кричал, но каждый раз все тише.

— Прекрати! — распорядилась Кристин, не обрачиваясь. — Он не скажет.

Моррисон, выругавшись, отпустил Кристофа, и тот тяжело упал на палубу. Содрогаясь всем телом, он начал что-то бормотать в бреду, и боцман тут же присел рядом, прислушался.

— Рыба-парус, — сказал он, наконец. — По-французски лепечет, подлец. У капитана — их капитана, наверное? — есть рыба-парус, которая не упустит добычи, куда бы вы ни бежали. То есть, наверное, куда бы мы ни бежали.

— Дай послушать! — Кристин шагнула к Кристофе и нагнулась над ним.

Пленный открыл глаза, увидел Кристин и чего-то испугался. Кто привиделся ему и чем ему угрожал, осталось неизвестным. Он с неожиданной силой оттолкнул девушку локтем изувеченной руки, вскочил и успел добежать до борта прежде, чем кто-либо успел его остановить. Короткий всплеск — и о Кристофе теперь напоминала только лужа крови на палубе.

— Не вылавливать, — распорядилась Кристин, хотя никто и не рвался спасать пленного. — Рыба-парус... Парусник, что ли?

— Видать, он, — кивнул боцман. — С длинным таким клювом. Я ел, довольно вкусная.

— И быстрая, — припомнила капитан. — Очень быстрая рыба. За добычей может океан переплыть. Быстрая и жадная.

— И на спине у нее такой парус, — сказал Чарли и показал, растопырив пальцы, на собственной спине. — Может растопыривать его и складывать!

Все посмотрели на него как на дурака: кто же не знает парусника? Пират смутился и потупился. А Кристин, вздохнув, погладила сквозь камзол дельфина. Если у капитана черного корабля есть свой предмет, своя серебристая фигурка, придающая быстроту его кораблю, то шансов на спасение немного. Вся надежда на доброго дельфина. Она быстро прошла на корму, опустевшую без бизань-мачты. «Блэк стар» почти не был виден, но флаг со звездой, которая превратилась в черную точку, все еще можно было рассмотреть.

— Рано менять курс, — решила капитан. — Да-вай, дельфинчик, помоги нам! Дай еще ветра!

— Куда сильнее? — заворчал Бен. — И так вот-вот развалимся. Пора бы проститься с нашими, Кристин. Самое время.

Трупы уже сложил в мешки из старой парусины, хранившейся про запас. На корабле не хватало всего, и запас ядер тоже почти иссяк. Поэтому в мешки к мертвым морякам в качестве груза сунули

разбитые мушкеты и зазубренные сабли — оружия на корабле хватало. Не хватало людей.

— Прощайте, — сказала Кристин. — Немного вам не досталось удачи, чтобы вернуться из самого удивительного рейда в своей жизни. И, как заканчивается морская похоронная служба, «тело да будет предано воде». Так вот и бросьте их туда!

Она развернулась на каблуках и вернулась на мостик, не дожинаясь конца церемонии. Последние слова были традицией, заведенной еще стариком Ван Дер Вельде, ее отцом, который тоже не никогда уже не вернется из рейда. Опять захотелось плакать, и Кристин в сердцах стукнула кулаком по штурвалу. Боль помогла успокоиться.

— Странно вел себя пленный, — проговорил Ли, который, несмотря на рану, исполнял обязанности рулевого. — «Никогда нельзя говорить», так он сказал.

— Крепкий малый, — пожала плечами Кристин. — Я еще и не таких видела.

— Кристоф. Он, видимо, француз, европеец. Европейцы так себя не ведут. Мусульманин-фанатик мог бы думать о рае и гуриях, а китаец, член тайного общества, мог бы думать о своей семье, которую вырежут, если он заговорит. У них есть что-то, что дает им силы принять смерть. Но европейцы думают о жизни и поэтому не умеют так умирать.

— Ты ошибаешься, — нахмурилась Кристин. — Я видела в детстве, как индейцы сжигали испанского миссионера. Они хотели, чтобы он отказался от своей веры, но он лишь молился об их душах, пока оставался живой.

— Интересное у тебя было детство, просто завидно! — усмехнулся Ли. — А я вот все время ходил за буйволами, ничего кроме их задниц не видел. Потому и сбежал. Хорошо, я не совсем прав. Но этот человек — не священник. Он просто молчал. Он тоже умер ради веры, но эта вера в своего капитана или в силы, которые за ним стоят. Это странно.

— Говори, если хочешь что-то сказать! — нетерпеливо потребовала Кристин. — Что ты думаешь?

— Я видел факиров. Некоторые из них могли ходить по углям, другие протыкали себя ножами без вреда, а третья могли заставить человека поверить во все, что угодно. Они говорили: тебе не жарко, тебе холодно! И человек начинал дрожать прямо на солнцепеке. Или они говорили: я режу тебя ножом! И на теле появлялась царапина, хотя факир лишь провел по коже пальцем. Мне рассказывали, что такой факир может внушить человеку ограбить другого, отдать деньги факиру, а потом все забыть. Но в это я не верю — зачем тогда факирам ходить в обносках и развлекать бедноту на ярмарках?

— Ты думаешь, что капитан «Блэк стар» — факир? — спросила капитан, которая тоже кое-что слышала о восточных волшебниках во время странствий «Ла Навидад». — Он заставил его поверить, что рассказывать ничего нельзя?

— Может быть, и так. Может быть, как-то иначе. Но многие матросы с их корабля сегодня дрались, будто не боятся смерти. Для них было что-то более важное, и наверное, это выполнение приказа капитана.

— Их капитан, может быть, и неплохой моряк, но в сражениях на воде ни черта не понимает! И среди матросов много таких, кто первый раз саблю в руки взял.

— Да, но все или многие готовы умереть, чтобы выполнить приказ! А это значит, что их бесполезно брать в плен, бесполезно угрожать им. — Ли удрученно покачал головой. — Они будут штурмовать вашу Тортугу, которую я надеюсь когда-нибудь увидеть, даже если на вашей стороне окажется сотня пиратских кораблей. Приказ — вот их вера. И они страшнее самых лучших бойцов, потому что остановить их может только смерть.

— А еще их много, — вздохнула Кристин. — Слишком много.

Когда белый флаг преследователя наконец скрылся за горизонтом, капитан изменила курс.

«Ла Навидад» спешил к берегу, надеясь спрятаться от новой, неизбежной погони. Закусив губу, Кристин думала, что даже если им удастся скрыться сейчас, «Блэк стар» будет ждать жертву на пути к островам, а если потребуется, то и на островах. Рыба-парус может преследовать добычу даже через весь океан, и она очень быстра.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОРСКОЙ БОЙ И ЧУЖАК

Погода благоприятствовала «Монморанси» и его команде. Только два дня матросам пришлось как следует потрудиться, пока судно шло галсами, а в остальное время ветер оставался попутным. Берегов Диего не видел с самого отплытия — Дико-браз на своих веревочках рассчитал максимально безопасный курс.

— Это же Куба! — объяснил ему как-то вечером Джеймс. — Эспаньола давно не имеет того значения, что прежде. Теперь Гавана — столица Карибского моря. Испанские корабли приходят сюда и уже из Гаваны отправляются в Испанию с серебром и прочими богатствами. Пиратов тоже сюда тянет, но испанцы не дураки, и военные корабли постоянно проводят рейды вдоль побережья. Поэтому чем дальше от берега, тем лучше.

— Разве нам страшен военный корабль? — Диего немного поддразнивал пирата, рассчитывая

услышать его откровенное мнение. — Мне казалось, что каждый член нашего экипажа стоит трех солдат как минимум.

— Они не ходят по одному в эти рейды, — пояснил О'Лири. — Это раз. Они избегают абордажных боев, а пушек у них побольше, это два. Наконец, в чем выгода победы над военным кораблем? Только сам корабль, но цена, с учетом платы за кровь, оказывается слишком высока. Нет, дело очень рискованное и без надежды на барыш.

— Но в бою один на один вы сильнее?

— Все зависит от количества пушек, маневренности и количества бойцов. Конечно, я предпочту пиратов, но только опытных. На островах полно парней из берегового братства, которые даже в рейды ходили, но никогда не нюхали пороха по-настоящему. — Джеймс повалился на кровать и блаженно потянулся. — Хорошо быть капитаном. В юности я многое не понимал, думал, капитан — это прежде всего власть и слава. А сейчас готов пристрелить кого угодно, чтобы только не вернуться в вонючий кубрик. Вы не находите, Диего, что дурачок Фламель оказался прекрасным поваром?

Алонсо постарался ничем не выдать своего искреннего недоумения. Вполне возможно, что мсье Фламель был прекрасным поваром, но скучный

и однообразный морской рацион не позволял ему никак этого проявить, что порой просто выводило из себя француза. Капитан оказался большим любителем оладий по утрам и полагал, что это, наряду с хорошим вином, отдельной каютой и мягкой кроватью, является капитанской привилегией. Никто не спорил, потому что даже матросы считали безвкусными эти оладьи, единственными ингредиентами для приготовления которых служили мука и морская вода — как полагал, что соль из океана вкуснее и полезнее! О'Лири разделял это мнение и с аппетитом упивался завтраком горку жаренных на прогорклом масле плоских блинчиков.

— Да, конечно! — согласился Алонсо. — Кстати, я не отказался бы от свежей рыбы. Уверен, Фламель мог бы чудесно ее приготовить.

— Рыба?.. — Джеймс округлил глаза. — Да она мне в детстве еще опротивела! Предавайтесь этому пороку после того, как мы получим все, за чем пришли. Если все выйдет как надо, будете питаться одной рыбой до конца жизни. А я вот предпочту парную говядину, приготовленную хорошим поваром. Пожалуй, возьму Фламеля. Как только разберемся с «Ла Навидад» и его приключениями, возьму его себе в услужение. Мы ведь уже скоро будем на месте, Флорида близко и прямо по носу. А потом

мы разбогатеем, я куплю себе прощение от короля, остров и стану там губернаторствовать, как Ле Вассер. И Фламель будет готовить мне оладьи на завтрак.

— Дикобраз — хороший штурман? — По частому упоминанию француза Алонсо уже понял, что капитан хочет поговорить о Фламеле, но попытался сменить тему. — Я правильно сделал, что прикрыл его от Грека?

— Я бы вздернул Грека, зарежь он моего штурмана! — О'Лири мгновенно вскипал и резко сел на кровати. — Вздернул бы на рее! Томазо оштрафован за то, что не позвал меня. Но и Дикобраз оштрафован тоже, потому что лишил меня хорошего бойца. Да черт с ним, с Греком, что вспоминать? Рассказывайте, о чем вы там болтаете с нашим дурачком.

— Мне всего лишь забавно общаться с ним, капитан. Не стоит вам волноваться. Фламель — человек, безусловно, весьма образованный, и его общество интересно. Кроме того, меня забавляет эта его убежденность в том, что он знает, где отыскать орихалк. Он вам не надоедал бреднями о металле атлантов? Ну, тех, у кого остров затонул, словно дырявая лодка.

О'Лири снова лег и тут же расслабился, растянулся на кровати, словно большой кот. Глядя в его

светлые, простоватые ирландские глаза, Диего в который раз подумал, что капитана нелегко понять. Казался он недалеким, чересчур эмоциональным человеком, склонным думать лишь о простых радостях. Вполне возможно, что так оно и было, но эмоции каким-то образом не мешали ему трезво и порой удивительно логично мыслить.

— Да, он приходил ко мне, в самом начале плавания. Жаловался на однообразие продуктов, а потом запел про этот самый орехалк. Я было послал его ко всем чертям, да наш дурачок куском угля начал рисовать на нашей двери карту. Я ее стер, не ищите. Нельзя сказать, чтобы очень точная была карта, но в целом Фламель недурно изобразил побережье Флориды. Тут уж я задумался. Либо я имею дело с моряком, который по каким-то причинам скрывает свое прошлое, и тогда стоит немедленно отправить его за борт! Обойдусь и без оладий, не в первый раз. Либо Фламель не врет и всего лишь видел карту. Тогда у него хорошая память, да и рисовальщик он неплохой. Тогда пусть печет оладьи, вот только где он такую карту видел?

Внешне оставаясь спокойным, Диего мысленно стукнул себя кулаком по лбу. Надо было заставить Фламеля нарисовать карту, ведь он говорил о ней! Но Альонсо больше всего интересовали загадочные охотники, связь с которыми француза он чувствовал.

— И чем же удивительна карта?

— Тем, что дурачок нарисовал не только побережье, но и реки, и болота. Мне неизвестно, кто и когда путешествовал по Флориде с целью составления такой карты. Там нет золота, зато много болот и аллигаторов. Королевские картографы заняты в куда более важных для государей странах.

— Вы всего лишь могли чего-то не знать, — пожал плечами Алонсо. — Наверное, он и город атлантов вам показал?

— Ага, — Капитан широко, по-кошачьи зевнул. — Говорит, там какое-то особенное место, и атланты собирались туда переселяться. Но не успели. Вы верите в Атлантиду, Диего?

— Нет. — Алонсо лукавил: убежденность Фламеля действовала на него. Он уже знал, как хорошо образован француз и как много прочел древних авторов. Вот только о своем прошлом мсье Никола говорить отказывался, так же как и о тех, кто показал ему карту. — Я полагаю, это сказки. Или ошибка. Один мой знакомый кюре полагал, что античные писатели под атлантами подразумевали жителей Испании.

— М-да?.. — недоверчиво протянул О'Лири. — А я было поверил. Орихалк, который дороже золота... Алхимик клялся, что, добудь он немного этого металла, нам золото просто некуда было бы девать.

Собирается варить его, словно пиво. Мало того, он готов обойтись и без орехалка, но ему нужна какая-то ртуть, еще всякие странные слова... Я бы дал ему попробовать, да боюсь, в конце опыта придется вздернуть дурачка. А повар он хороший.

Дверь приоткрылась, и Кнут просунул свою большую голову в каюту.

— Капитан, марсовый видит два паруса. Пока не разобрать кто, но мы сближаемся.

— Каким курсом они следуют?! — О'Лири порывисто вскочил и схватил подзорную трубу. — Подними всех, надо быть готовыми к маневру.

Взойдя на мостик вслед за капитаном, Диего ничего не смог разглядеть на горизонте, как ни напрягал глаза. Однако прильнувший к трубе Джеймс подтвердил: по правому борту шли два корабля в том же направлении, что и «Монморанси», но курсы не были параллельны и постепенно сближались.

— Отвалим? — спросил Дикобраз. — Может, они нас еще не видят.

— Не будь кретином! У нас один марсовый, у них два. Курс не менять! Okажемся поближе, рассмотрим их и тогда все решим. У нас полная команда, и мы пока не потратили ни одного ядра. Кого бояться?

В течение часа корабли приблизились достаточно, чтобы можно было рассмотреть их британские

флаги. Наверняка и англичане увидели испанский стяг, под которым шел «Монморанси». В открытом море встреча этих знамен не сулила ничего хорошего, но капитан хотел знать наверняка, кто именно вывесил на своем гроте «Юнион Джек».

— Это могут оказаться наши добрые знакомые, хотя я, пожалуй, не хотел бы их здесь видеть. — Он снова прижал к глазу трубу. — Трехмачтовик по-крупнее нашего. А вот за ним следует барк, быстрорходный, но небольшой.

Еще полчаса спустя все это смог рассмотреть и Диего. Впереди следовал корабль того типа, за которым в те годы постепенно закреплялось название «фрегат». Три высокие мачты, полное парусное вооружение, пушки, числом не меньше тридцати, спрятаны в порты. За ним едва поспевал двухмачтовый барк, у этого пушки стояли прямо на палубе, вдоль бортов. Алонсо насчитал всего четыре.

— Вполне возможно, они их перекатывать по палубе могут, — сказал Джеймс, когда Диего рассказал ему о наблюдении. — Наверняка что-то есть на корме или на баке. Так что... Пока нельзя сказать что-то определенное.

Он не отдал приказа, но команда вовсю готовилась к бою. Кнут приказал прочистить и зарядить пушки. Тихий Томазо формировал абордажный

отряд и объяснял стрелкам, на какие реи им в случае боя забраться.

— Думаете, будет стычка? — осторожно спросил аббат у Дикобраза.

— Будет, дьявол забери этих гостей! Я чувствую, что будет! — штурману происходящее не нравилось. — А как не быть, если они не меняют курс и мы не меняем?

— Но это могут оказаться такие же члены берегового братства, как и вы. Плынут себе по своим делам, да и все.

— Может, и так. Только какие у них тут дела? Впереди Флорида, и слева Флорида. Справа океан, пусть там и ловят испанские караваны с серебром. Или пусть вернутся на юг и грабят колонии, если они пираты. Что им надо здесь?

— Может быть... — Диего припомнил все, что ему удалось узнать о северной части Нового Света. — Может быть, решили ограбить Новый Амстердам.

— Голландцев? — Дикобраз рассмеялся и хлопнул Алонсо по плечу. — Они даже за трубки свои устроят такую драку, что потом курить не захочешь! Да и что там брать? Пушнину или, может, толстозадых голландок? Золота там нет, и серебра нет. Экспедиция на север не окупится. Вдоль берега много испанских и французских колоний,

есть вроде бы и британские, но все они крошечные. Жители прихватят все ценное и уйдут в леса, едва заметив парус. И плевать им, какой на мачте флаг! Все, кроме губернатора, попрячутся. И тогда начнется: губернатора пытать, потом по лесам бегать, а в результате сжечь колонию и уйти, имея в качестве добычи трех никчемных рабов и десяток чумазых баб. Чтобы кто-то из наших ради такого снарядил целых два корабля? Да не поверю!

— Но тогда что они здесь делают?

— Вот именно! — Луис посмотрел на Алонсо как на ребенка. — Я вам про это и толкую: что им тут надо?

«А что, если... — Аббат похолодел от неожиданной мысли. — Как же я не подумал об этом прежде всего! Что, если охотники за предметами решили не ждать и тоже встретить “Ла Навидад” здесь, у Флориды, которую кораблю с севера почти наверняка придется огибать?»

Он тревожно посмотрел на капитана. Джеймс, поправляя плюмаж на шляпе, перехватил его взгляд и ободряюще улыбнулся. Но спокойствие ирландца не передалось Диего. Он нервно прошелся по палубе и почти налетел на задумчивого Фламеля. Обычно француз не покидал камбуза без особой необходимости.

— Что вы думаете об этих кораблях, сеньор?

— Нет, Фламель! — Алонсо встал перед ним. — Скажите мне, что вы думаете!

— Я думаю, они могут быть очень опасны, — тихо сказал француз. — Будьте осторожны.

— Вот спасибо за предупреждение! — нервно прошипел Диего. — А вы не заметили, что я всегда осторожен? До тех пор, пока это возможно, но иногда излишняя осторожность бывает смертельной. Ничего не хотите мне рассказать?

— Я, может, и рассказал бы, мсье Алонсо, — тихо сказал Фламель. — Но разве вы мне поверите? Вы и в атлантов не верите, и в орихалк, и даже в алхимию. А если я скажу вам, что не только читал древние книги, но и лично разговаривал с людьми, которые видели атлантов, вы мне поверите?

— Видели атлантов... Ага, атланты живут где-то на острове, от всех спрятались, вы это имеете в виду, да? — арагонец фыркнул. — Хватит прикидываться дурачком, Фламель, а то ведь маски иногда прирастают!

— Видели атлантов, потому что были в Атлантиде. До того, как она затонула. Вам это странно?

Диего оскалил зубы, намереваясь сказать что-то грубое, но сдержался и счел лучшим оставить француза. Надо было проверить оружие и заодно успокоиться. Уже в каюте до него окончательно дошел смысл сказанного коком.

— Проклятье! — прошептал он, насыпая порох на полки пистолетов. — Я же сам уверял Джеймса в существовании способа перемещаться во времени! Чем же тогда фантастичны слова Фламеля о тех, кто побывал в Атлантиде до ее гибели?

В каюту, прервав ход его размышлений, ворвался капитан.

— Они подняли черные флаги! — весело сообщил он. — Что ж, я приказал ответить тем же. Хочу надеть лучший камзол! Если негодяи сберутся ограбить своего, то, клянусь черным сердцем Тича, их ждет большое разочарование!

— Но у них два корабля, — напомнил Диего.

— Барк неповоротлив. А фрегату мы не уступим ни в быстроходности, ни в маневренности. К тому же у нас прекрасная команда! Все они настоящие скитальцы морей и в шторме или бою забывают распри. Верьте в удачу капитана О'Лири, сеньор Алонсо!

Корабли не меняли курс и поэтому сблизились достаточно, чтобы можно было их хорошенько рассмотреть, лишь еще час спустя. Тогда «Монморанси» по приказу капитана взял право руля и пошел на корабли под черными флагами. Они исполнили тот же маневр. Марсовый матрос получил приказ сигнализировать о переговорах, но как именно он это делал, Диего снизу не рассмотрел. Фрегат

поднял еще парусов и ускорился, отрываясь от барка и уходя чуть к северу.

— Хотят нас в клещи взять, — усмехнулся О'Лири. — А ну, парни, поднимай все паруса! Покажем им, что тоже умеем ходить быстро!

Ускорение «Монморанси», который тоже взял к северу, нарушило планы капитана фрегата. Оба корабля, постепенно сближаясь, затеяли гонку: кто оттеснит противника к югу.

— Как думаешь, Луис, барк уже достаточно далеко? — спросил капитан.

— Разве что случайно попадут! — чуть дрожащим голосом высказал свое мнение штурман. — Мне показалось, пушки у них короткоствольные. Эх, опередить бы этого мерзавца на трехмачтовике...

— Зачем? — О'Лири отложил ставшую ненужной трубу. — Я согласен на ничью, да и англичанин, кажется, понял, что барк далеко и его задумка не удалась.

Почему капитан счел, что имеет дело все же с англичанами, для Диего осталось загадкой. На фрегате он видел примерно так же одетую ватагу морских разбойников, что и на «Монморанси». Джеймс, между тем, повел корабль прямо на врага. Еще не прозвучало ни одного выстрела, но всем было ясно, что переговоры не состоялись.

— Хитер! — рассмеялся О'Лири, когда фрегат стал разворачиваться бортом. — Хочет встретить нас залпом! Мы готовы, Кнут?

— Готовы! — Боцман выбрался из пушечного трюма. — Эй, лоботрясы! Всем свободным попрятаться в щели, скоро по нашей палубе загуляет картечь! Мне плевать на ваши грешные душонки, но мне надо, чтобы ваши мушкеты еще постреляли!

«Монморанси», нацелившись носом в самую середину борта фрегата, стремительно приближался. Алонсо, подумав, тоже предпочел убраться с мостика — какой смысл доверять свою жизнь слепой судьбе? Он присел за надстройкой камбуза и заметил, что Фламель высунул оттуда дуло мушкета.

— Мсье Никола, а вы умеете стрелять из этой штуки? — спросил он.

— Не слишком хорошо, мсье Диего, — ответил кок. — Но мне дал оружие боцман.

— Позвольте, лучше я! — Алонсо забрал у кока мушкет. — Больше будет толку, я полагаю.

Диего был неплохим стрелком. Еще в то короткое время, когда ему довелось служить аббатом, он получил возможность часто охотиться, полюбил эту забаву и с тех пор при каждой возможности упражнялся. Фрегат виднелся словно на ладони, но его капитана ищущий цель Алонсо нигде не заметил. У штурвала стояли два матроса, и, судя

по их испуганному виду, оба предпочли бы сейчас находиться в другом месте.

— Пора, капитан! — крикнул Дикобраз. — Они готовы!

Но ирландец медлил еще несколько мгновений. Что именно от него требовалось, Диего понял, когда О'Лири вместе с подскочившим штурманом закрутили штурвал вправо. Пушки, наведенные на «Монморанси», выстрелили, но корабль успел начать разворот, и все цели, на которые были наведены орудия, сместились. Когда дым развеялся, Диего с облегчением понял, что большого ущерба залп противника не нанес, а на палубе и вовсе разорвалось всего одно ядро. Кто-то, сильно раненный, истошно кричал на баке, но в целом враги упустили свой шанс.

Зато «Монморанси», продолжая разворот, оказался бортом к борту врага. Пушки фрегата были не заряжены, и пиратам ничто не угрожало. Послышался свист и веселые проклятия, адресованные незадачливым англичанам. Справа раздались несколько сильных всплесков. Диего испуганно обернулся, но тут же понял, что это всего лишь выпущенные с барка ядра упали в воду, не долетев до корабля.

— Огонь! — скомандовал О'Лири. — Покажите им, на что способны наши...

Последних слова капитана никто не рассыпал за прогремевшим залпом. Пушки «Монморанси» выстрелили более слаженно, и беззащитный фрегат задрожал от разрывов ядер. О'Лири даже не стал рассматривать нанесенного противнику урона и, закончив поворот, повел судно на барк.

— Что у нас, Кнут?

— Надо срастить пару канатов, капитан, а в остальном все в порядке. Томазо уже занялся. — Боцман не спеша поднялся на мостик. — Да, и еще Энрике оторвало руку.

— Какую?

— Левую. Я приказал отнести его в камбуз, пусть дурачок Фламель за ним присмотрит. Мы будем топить барк?

— Нет! — Капитан передал штурвал Дикобразу и взялся за трубу. — Мне показалось, там совсем немного людей. Приз небогатый, но отчего бы не раздобыть?

— Томазо! — Кнут отправился на палубу. — Готовь людей к абордажу!

Барк, не желая иметь дело с «Монморанси» один на один, теперь как можно быстрее шел к фрегату, забирая чуть в сторону. Но более маневренный корабль О'Лири не давал капитану барка шансов разминуться.

— Стрелки на реи! — скомандовал ирландец. — У них пушки на палубе, так отгоните от них канониров! Чтобы ни одна проклятая Сатаной железка по нам не выстрелила!

Диего, разгоряченный боем, полез по вантам вместе с несколькими стрелками. Он так и не нашел для себя цели во время первого столкновения и теперь горел желанием внести свою лепту в ход сражения. Капитан Джеймс, снова встав у штурвала, правил прямо на барк. «Монморанси», чьи борта были гораздо выше, шел на маленькое суденышко, словно готовый раздавить его колосс. Устроившись на рее возле самой мачты и кое-как зацепившись ногами за шкот, Алонсо поднял мушкет. На носу барка он увидел пушку, короткий ствол которой торчал чуть правее бушприта. Канонир то вставал во весь рост, что-то высматривая, то пригибался, прячась за борт и наводя свое орудие. Диего перестал дышать, покачивая мушкетом в такт качающемуся на волнах кораблю, изгнал из головы все мысли и выстрелил прежде, чем показался матрос. Арагонец не смог бы объяснить, откуда он знал, что вот сейчас канонир выглянет. Это приходило само, нужно было только поймать тот миг, когда разум становится чист, и тогда появлялась уверенность. Увесистая свинцовая пуля ударила пирата прямо в лоб и отбросила на далеко палубу. О'Лири задрал голову.

— Диего, вы? Недурно, обглодай рыбы мои кости!

Открыли огонь и остальные стрелки. Еще один матрос был убит, остальные попрятались. Даже капитан барка, стоявший за штурвалом, пригнулся за ним, укрываясь от града пуль. Он взял левее, уходя от столкновения, но О'Лири все же прошел впритирку, чуть ударив жалобно заскрипевшего малыша. С высокого борта «Монморанси» на палубу противника с гиканьем посыпалась абордажная команда. Их встретили нестройным залпом из мушкетов, который, как показалось Алонсо, даже никого не зацепил.

— Держу пари на бочонок рома, что они сдадутся Томазо без боя! — крикнул Джеймс и снова закрутил штурвал. — Что ж, вернемся к трехмачтовику!

Цепляясь за гудящую от напряжения мачту, Диего оглянулся и увидел, что фрегат следует за ними. На ходу устранив часть поломок, английский капитан намеревался взять реванш.

— Теперь они опасны! — сказал Дикобраз. — За то, как он вел бой, команда может и свестить!

— А я уверен, что ему недолго ходить в капитанах! — рассмеялся О'Лири. — Если переживет этот бой, быть ему низложенным! Кнут! Будем делать круг перед ним, через правый борт. Расставь людей и помоги парусами!

Больше ничего говорить боцману не требовалось, он и сам все знал. Как только фрегат приблизился на расстояние пушечного выстрела, «Монморанси» пошел на правый разворот и дал залп с левого борта, а минуту спустя второй, уже с правого. Диего не стрелял, он смотрел на разрывы ядер. Дрогнула фок-мачта фрегата, и Алонсо, сам не будучи моряком, понял почему: одно из ядер разорвалось прямо за бушпритом, разорвав соединявшие его с мачтой канаты.

— И встретим их носом! — прокричал О’Лири, завершая круг.

Фрегат развернулся бортом и дал залп, полностью повторив начало боя: пушки снова оказались наведены неточно, и в большинстве своем ядра или перелетели палубу, или ударились о нос и срикошетили в воду. «Монморанси» прошел мимо кормы противника. Канониры были заняты зарядкой пушек, и завязалась короткая мушкетная перестрелка. Выстрелив, Алонсо ранил какого-то матроса.

— А я начинаю верить, что вы были аббатом! — крикнул ему капитан. — Когда человек так хорошо стреляет, не хочется с ним спорить!

— Капитан! — Дикобраз схватил О’Лири за руку. — Он заслонил нам ветер, капитан!

Воодушевленный своими удачными действиями, Джеймс допустил небольшую ошибку: обходя

англичан, чтобы развернуться и дать новый залп, он не уследил за направлением ветра, и широкие паруса фрегата теперь лишили «Монморанси» движущей силы. Капитан противника, затеявший маневр, получил преимущество и теперь подходил борт в борт к пиратам. Пушки обоих кораблей молчали, пока канониры прочищали их стволы банниками и снова заряжали. Миг — и с палубы фрегата полетели тросы с «кошками» на концах.

— Проклятье! Все на палубу, задуши вас спрут! Я прикончу каждого, кто не выйдет на палубу! — взревел О'Лири, выхватывая саблю. — Останься у штурвала, Дикобраз!

Алонсо выстрелил, свалив с реи оказавшегося прямо напротив него английского стрелка, и быстро спустился по вантам. Абордажная команда «Монморанси», перейдя на барк, лишила команду половины бойцов. Команда же фрегата, численно превосходя теперь своих врагов, приободрилась. Не успели корабли как следует сцепиться, как англичане хлынули на палубу «Монморанси». Капитан Джеймс тут же показал себя удальцом, проткнув живот здоровенному смуглому матросу, и сеча началась.

В отличие от О'Лири — ему пришлось собрать на палубе всех способных держать оружие — британский капитан мог послать на реи нескольких

стрелков, и они теперь наносили заметный урон. Дружно надавив, англичане отвоевали себе хороший кусок палубы «Монморанси», постепенно вытесняя его команду с носа. Диего оказался зажат в толпе. Получив невесть откуда удар прикладом мушкета под ребро, он едва не упал, рискуя оказаться затоптанным — матросы давили друг друга, будто в какой-то странной игре. Оглушительно кричали оба капитана, перекрывая гул схватки, но их приказы из-за возникшей давки невозмож но было выполнить. Подавшись назад, Диего смог отчаянным усилием выбраться из толпы и увидел рядом Кнута. Тот, опустившись на колено, быстро перетягивал себе кровоточащее плечо и озирался по сторонам. Лицо боцмана сохраняло странно спокойное выражение.

— Что делать? — задыхаясь, спросил Алонсо. — Отступать к корме?

— За мной иди! — приказал Кнут. — Только не отставай! На кону наши души, которых заждался Сатана!

Боцман схватил палаш и побежал к носу. Здесь англичане почти добились победы и постепенно теснили команду О'Лири от фок-мачты. Кнут не стал ввязываться в бой. Вместо этого он, не сбавляя скорости, прорвался сквозь строй врага в самом слабом месте, лишь отражая удары. Бегущему

следом Диего и вовсе не пришлось пускать в ход саблю.

Оказавшись за спинами противников, Кнут в откнулся палаш в палубу и выхватил пистолеты.

— Прыгай на фрегат, я прикрою!

Диего лишь на миг замедлил бег. Оказаться одному на неприятельском фрегате совсем не хотелось, но сейчас он чувствовал себя членом команды и готов был на все ради спасения своего корабля. Он зажал саблю в зубах, не заметив пореза губы, оттолкнулся сапогом от фальшборта и сумел зацепиться за шкот. К нему тут же кинулся какой-то матрос, намереваясь сбросить в воду, но Кнут был начеку и всадил ему в живот пулью. Диего вскарабкался на бак. Услышав, как кто-то еще старается, пыхтя, забраться на борт, Диего оглянулся. Это, к удивлению аббата, оказался Фламель. Не без труда Алонсо втянул француза наверх. Не успел он перевести дух, как был вынужден отражать атаку одноглазого пирата с топором. Когда ему удалось дотянуться клинком до горла головореза, рядом уже стоял Кнут.

— Надо продержаться! — проревел боцман и пошел вперед, к мостику, нанося налево и направо богатырские удары палашом. — Помощь близко!

За спиной Кнута пристроился Фламель, и переводивший дух Диего поразился, насколько умело

действовал толстяк. Он то отражал удары, защищая боцмана, то совершал короткие контрвыпады, раня противников и заставляя их отступить. Случайно аббат посмотрел налево и увидел тех, про кого успел позабыть. К двум сцепившимся кораблям шел барк, он был уже близко, и Диего рассмотрел у штурвала Тихого Томазо. Барк благоразумно подкрадывался с кормы, держась подальше от ощетинившегося пушками борта фрегата. Арагонцу бросилось в глаза название барка: «Триумф».

Воодушевленный, Алонсо врубился в гущу схватки. С борта «Монморанси» уже перескакивали обратно британские пираты, спеша на защиту своего корабля. Еще с минуту продолжалась сеча, а потом заговорили пушки «Триумфа». Барк обстрелял корму фрегата. Английский капитан, замысловато выругавшись, дал команду всем возвращаться. Застучали топоры — англичане сами рубили тросы и багры, связывавшие два корабля. Подал звонкий голос и О'Лири. Алонсо рассыпал: не преследовать, не ввязываться в новую драку.

— Уходим, уходим! — закричал боцман Фламелю и аббату. — Быстрей!

Им не мешали, бой внезапно кончился. Алонсо с товарищами вернулись на «Монморанси» и сразу угодили в объятия товарищей.

Диего сделал вывод — морские сражения так же переменчивы, как и морская погода. С барка дали еще один залп, после чего фрегат отвалил и за скользил по воде прочь.

— Может, поговорим?! — по-английски прокричал капитан Джеймс своему коллеге. — Насчет барка и команды, а?

— Убирайся ко всем чертям, О'Лири! — хрипло ответили ему. — Сегодня удача с тобой, а завтра я заткну этот вшивый барк тебе в ирландскую глотку!

— Прежде лопнет твоя английская морда, старый ты бульдог! — О'Лири от души веселился. — Увидимся, Стивенс, если прежде тебе не выпустит кишки какой-нибудь юнга! Ты уже не годишься в капитаны, ты потерял хватку!

Команда «Монморанси» ликовала, преследовать противника никто не собирался. Немного успокоившись, Алонсо зашел в каюту и без разрешения капитана открыл бутылку вина. Сегодня все они могли погибнуть, но вместо этого обзавелись еще одним кораблем. Победа! Прихлебывая прямо из горлышка, арагонец вернулся на палубу и обнаружил, что туда уже выкатили бочонок рома. Еще один готовился принять пришвартовавшийся барк. О'Лири, блаженно улыбаясь, стоял на мостике и полировал платком лезвие сабли.

— Так это оказался ваш знакомый? — Аббат протянул капитану бутылку. — Странно, что вы раньше не называли его имени.

— Так он все время отворачивался и надвигал шляпу на глаза. Старый мерзавец Стивенс! Я когда-то ходил под его флагом, да и Кнут тоже.

— Мы бы сразу его узнали, будь он на «Бонавентуре», но этот фрегат никогда не видели, — пояснил Дикобраз.

— Ага, — кивнул хлебнувший вина капитан и утер губы рукавом. — Уж потом смотрю — много знакомых харь ломится на мой корабль! Это им даром не пройдет, или я не О'Лири. Мы только убитыми потеряли пятерых.

— Всего? — не удержался от вопроса Алонсо. Ему казалось, что жертв боя должно быть в три раза больше. — Простите, я хотел сказать...

— Я понял, — кивнул ирландец. — Увы, будет больше. Четверо, скорее всего, не доживут до рассвета. Проклятье, и крепко же он в нас вцепился! Если бы не Томазо на барке, Стивенс сумел бы захватить нас на корме. Но удача с нами!

— Слава удаче капитана О'Лири! — закричал Дикобраз, поднимая чарку рома. — Пьем за победу!

Пока команда ликовала, Алонсо рассмотрел барк. Как и предполагал Джеймс, семеро остававшихся на нем матросов не стали вступать в напрасный

поединок и просто сдались. Теперь все они, брошенные капитаном Стивенсом, связанные сидели на палубе и с тоской наблюдали, как напиваются победители.

— Может быть, стоит их допросить? — спросил Диего капитана. — Зачем они на нас напали?

— А знаете что, амиго? — уже нетрезвый Джеймс положил руку ему на плечо. — Вот вы ступайте туда и сделайте это.

Алонсо не заставил себя просить дважды и направился к борту. Рядом зашагал неизвестно откуда взявшийся Фламель.

— Вы что-то хотели, мсье Никола?

— Да, если позволите. Я тоже хотел бы поговорить с этими несчастными.

Фламель говорил серьезно, сдержанно, и Алонсо впервые почувствовал нечто общее между ними. Он кивнул, и минуту спустя оба стояли на палубе «Триумфа». Алонсо обратился к пленным пиратам на английском языке, спрашивая, куда направлялся Стивенс, но они молчали и угрюмо переглядывались.

— Не скажут! — Томазо прихлебывал ром из большой кружки. — То есть скажут, конечно, когда я с них шкуры линем начну спускать, но пока будут молчать. Стивенс здесь не просто так, а ради какой-то добычи. Кто язык развязет, тот и лишится своей доли.

— Разве они уже не потеряли то, что им было обещано? — удивился Диего. — Стивенс ушел.

— Они взяты в плен в честном бою, — пояснил Томазо. — И если останутся живы, имеют право на долю в добыче, так пишут в договорах.

— Томазо верно говорит, — согласился полный, немолодой матрос. Он говорил на ломаном испанском. — Мы не виноваты, что Стивенс отправил нас управлять этим случайно захваченным барком. Но даже не думай, Тихий Томазо, что я соглашусь лишиться своей доли, рассказав тебе наш план. Тогда по договору я потеряю все. Мы с тобой много где побывали, и ты должен меня понять и поступить со стариком по-человечески.

— Пусть капитан решает, — беспечно сказал Томазо и снова отхлебнул. — А впрочем, Хокинс, можешь выпить. Нам и правда есть что вспомнить.

Алонсо разочарованно вздохнул, но его окликнул француз. Едва только подойдя к пленным, он занялся единственным серьезно раненым. Английский моряк получил мушкетную пулю в ключицу и теперь стонал от боли, пока Фламель соединял разбитые кости.

— Он сказал, что все расскажет, если мы защитим его от товарищей, — по-французски прошептал Фламель. — Надо отвести его на «Монмранси».

Предосторожность оказалась тщетной, все пираты хоть сколько-то владели сразу несколькими языками.

— Да чтоб крабы во сне выели твои мозги, Старк! — тут же закричал один из англичан. — Ты не только сам останешься без доли, ты еще и пустишь О'Лири по следу Стивенса! А тогда вообще дело не выгорит!

— Клянусь своей чернокожей женой, Том Старк, ты мне сразу не понравился! — присоединился Хокинс, только что глотнувший рома. — Но я все тебе прошу, если заткнешься! А если нет — от берегового братства не спрятаться, и если не я, то другие тебя найдут и намотают потроха на длинный нож!

— А ну, заткнитесь! — прикрикнул на пленных Томазо. — Он сам хозяин своей судьбы, как и каждый из нас. Берите его на «Монморанси», а то здесь его в трюме придушат.

Фламель закончил свою «операцию», наложил жесткую повязку и, поддерживая раненого пирата, помог ему забраться на борт корабля. Вслед Тому Старку летели проклятия. Их встретил удивленный О'Лири.

— Что такое? Один согласился говорить? — сразу догадался он. — Фламель, я думал, ты ему помогаешь, а ты там пальцы в рану совал, что ли? Ха-ха,

да ты просто полон загадок! Не только кок, но еще и мучитель!

— Если я и совал пальцы в рану, то только в лечебных целях! — чинно ответил француз. — Он согласился говорить добровольно, сеньор капитан.

— Только одно условие! — хрипло проговорил Старк. — Вы примете меня в команду. Этот человек сказал, что моя рана не опасна, а я и одной рукой могу действовать умело. У вас потери, почему бы не взять меня?

— Лишний человек — лишняя доля! — заявил О'Лири. — Все погибшие кому-то да отписали свою часть добычи, и ее теперь не уменьшишь. Твою судьбу должна решать команда. Как капитан скажу, что я не против.

— Я соглашусь на любые условия команды, дороги назад нет. Я согласен даже только на премиальную долю, если заслужу.

— Это еще что? — удивился Алонсо.

— Если команда сочтет, что получила достаточный барыш от рейда, то часть добычи может быть выделена на премии, — пояснил капитан. — Томазо, например, за то, что он сегодня вовремя подоспел. Или вам, за то, что купили корабль и заслужили расположение команды — а вы на верном пути, Диего! Ну ладно, если ты согласен на любые

условия, моряк, то пойдем и поговорим в моей каюте. Вы со мной, сеньор Алонсо?

Арагонец оглянулся на Фламеля и увидел в глазах француза печаль: ему тоже очень хотелось присутствовать на допросе. Диего едва сдержался, чтобы не показать ему язык.

«Нет, мсье кок, ты у меня узнаешь столько, сколько я сочту нужным. Если, конечно, не сумеешь разговорить Старка сам... Но боюсь, сумеешь. Хотя это может оказаться к лучшему».

В каюте Старк тяжело опустился на табурет и попросил воды. Налив ему стакан, О'Лири закрыл дверь на задвижку и молча уселся напротив. Старк напился и невесело усмехнулся.

— Да, верно: зачем задавать вопросы? Я и сам все расскажу. Вы слышали о корабле «Ла Навидад»?

— Хм... Сеньор Алонсо, вы слышали что-нибудь о судне с таким названием? — Ирландец задумчиво поскреб подбородок. — Вот что, Старк, я тебе скажу. Если я не задаю вопросов, это еще не значит, что вопросы будешь задавать ты. Рассказывай все, как обещал.

— Ладно, капитан, не сердитесь. Так понимаю, что вы слышали легенду. Корабль должен вернуться через семь месяцев, с большой добычей и обойдя за эти семь месяцев весь мир. Не знаю, что тут правда, а что вранье... Может быть, все вранье.

Только со Стивенсом толковали какие-то люди и дали ему денег на хороший фрегат. Ему не везло последнее время, и он согласился. Половина добычи причиталась его нанимателям, но их из команды никто не видел. Стивенс сказал нам, что если «Ла Навидад» не появится, то сделка будет считаться расторгнутой, а корабль нашим. Так вроде бы и в договоре прописано. Но Стивенс уверен, что Ван Дер Вельде или кто другой приведет судно. Говорил, что ему предъявили доказательства, клялся, и команда ему поверила. Вроде как Стивенс — старик честный. Вот и теперь все решили молчать, чтобы вы не кинулись на наш кусок. Только мне терять нечего, я человек на островах новый. Могу в их команде быть, а могу и в вашей. Вы мне как капитан больше нравитесь, удачливый вы. А Стивенс то боялся сделать как надо, то делал, а уже поздно было. Он слишком стар.

— И откуда же ты такой взялся, Том Старк? — спросил его О'Лири, протянув руку, вдруг схватил пирата за запястье и быстро ощупал ладонь. — Моряк, и давно уже моряк. Это хорошо.

— Я из Ливерпуля, есть такое местечко на западе Англии. Сын рыбака, в юности в порту горбатился, мечтал на больших кораблях ходить. Ну, и сбежал однажды с голландцами. В Индонезию ходил, даже в Японию. А потом сюда судьба занесла.

Капитан посмотрел на Диего, показывая, что у него вопросов больше нет.

— А ты сам, Старк, веришь в легенду? — спросил арагонец. — Веришь, что «Ла Навидад» придет?

Моряк поднял на аббата светло-серые глаза.

— Нет, не верю. Просто надо было куда-то прибиться. Теперь хочу с вами. Но если хотите проверить, прав ли Стивенс, — ждать осталось недолго. И ждать надо у Флориды, мы почти на месте.

Капитан позвал боцмана и велел позаботиться о Старке, но глаз с новичка не спускать. Собрание команды назначили на завтра, сегодня слишком многие были пьяны. Пиратам предстояло решить, как быть с барком «Триумф», кто исполнит последнюю волю покойных относительно их доли и принимать ли в команду перебежчика. Когда Диего и Джеймс остались одни, капитан спросил:

— Ты ему веришь?

— В то, что он рассказал о Стивенсе, верю. Вообще же... Не очень.

— Вот и мне не нравятся люди, о которых никто ничего рассказать не может. — О'Лири вздохнул. — Я могу сделать так, что команда его не примет. А потом он за борт упадет, или еще что-нибудь случится.

— Нет, Джеймс! — Алонсо вскочил. — Старк что-то знает. Стоит подождать. Вот что: пока он

болен, приставь его к Фламелю, пусть помогает. Наш дурачок не так прост, так, может быть, у него что-то получится?

— Мне бы увидеть борт корабля, на котором будет написано «Ла Навидад», — со вздохом сказал О'Лири. — И тогда я хоть на один вопрос получу ответ, в который сам поверю. И с этой самой секунды начну раскручивать весь клубок. — Он жестко посмотрел на Диего. — Я сделаю это, амиго, и получу ответы на все вопросы, не будь я родом из Типперэри, что стоит на Зеленом острове.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА «БЛЭК СТАР»

Теперь «Ла Навидад» шел неподалеку от земли, хотя и держался подальше от встречающихся островков и возможных мелей. Дважды они видели дымки над далеким берегом, говорящие, скорее всего, о наличии поселений. А однажды две рыбакские лодки оказались прямо перед кораблем. Завидев черный флаг, они, словно две мелкие рыбешки, в ужасе кинулись к берегу. Соберись Кристин ограбить колонию, рыбаки, конечно, не успели бы никого предупредить. Но даже если бы капитан Ван Дер Вельде никуда не спешила, даже если бы шла на новом, полностью снаряженном корабле, маленькие колонии не заинтересовали бы ее. Так учит отец: рисковать только ради того, что стоит риска. Кристин презирала «морских крыс», готовых грабить хоть нищих.

Она устала. Короткий и тревожный сон всегда прерывался кошмарным воспоминанием и испугом: а как там притаившийся на груди дельфин, какой ветер он шлет кораблю, куда гонят «Ла Навидад» волны? Капитан выбегала на палубу и обычно обнаруживала, что скорость их продвижения к югу снова заметно упала. Тревожность передалась и команде, а больше всех нервничал корабельный плотник.

— Кристин, — говорил ей Тощий Бен, — всему есть предел. Если ты погонишь нашего старичка домой так же быстро, как когда-то мы шли на север, он просто развалится. Я не успеваю заделывать течи, да уже и нечем. То немногое, что мне удалось сохранить, когда сбрасывали бизань, уже истрачено на заплаты! И если мы оторвались от «Блэк стар», почему бы нам не найти тихую бухту и не спрятаться там? Пусть себе плывут хоть до Бразилии, а мы тут не спеша приведем «Ла Навидад» в порядок.

— И думать забудь! — неизменно отвечала Кристин. — Нас найдут. У него предмет.

— Да ты даже не знаешь свойств этой рыбы-папус... — бурчал Бен, но отходил.

Отсутствие бизань-мачты и ее парусов тоже скрывалось. У «Ла Навидад» не хватало сил для последнего рывка. И Кристин даже не предчувствовала,

а твердо знала: новая встреча с черным кораблем неизбежна. Ожидание выматывало. Постепенно вся команда стала раздражительной, участились ссоры. Поэтому, когда однажды Самбо, от скуки почти все время проводивший на марсе, закричал о парусах за кормой, Кристин вздохнула почти с облегчением.

— Прибавим? — спросил Моррисон, с сомнением глядя на Кристин. — Да? Дельфин теперь даст нам больше ветра?

Капитан спокойно рассматривала черный корабль под белым флагом в подзорную трубу, будто и не слышала вопроса боцмана. Умеренный ветер все так же ровно дул в паруса, он и не собирался усиливаться.

— Бен говорит, что «Ла Навидад» не выдержит гонки, — наконец сказала Кристин. — Да, Тощий Бен?

Обладатель прозвища тут же появился на мостице, будто прятался поблизости и ждал шанса в очередной раз пожаловаться. Впрочем, так оно и было.

— Я еще раз предлагаю идти к берегу, — твердо сказал он. — Если мы не можем уйти от них на море, сумеем на суше.

И Кристин, и боцман уставились на Бена с нескрываемым удивлением. Стоявший у штурвала

Ли сложил губы так, будто собирался присвистнуть, но передумал.

— Ты хочешь бросить корабль? — тихо спросила Кристин.

— Нет, не хочу! — Бен испугался. — Я очень не хочу его бросать, но... Но посуди сама, капитан: идти быстрее мы не можем, драться с ними больше нет сил, ядер почти не осталось. И что делать?

— Здесь леса, полные индейцев... — вкрадчиво сказал Моррисон. — Знаешь, как они поступят с твоей нестриженой башкой? О, им понравится твой скальп! Они будут гордиться им и доставать только по праздникам! Нам же год идти по суше, чтобы выбраться, отсохни твой язык!

— Мы могли бы спрятаться, переждать, — несмотря на испуг, плотник решил высказаться до конца. — Не смогут же эти, в черном, вечно тут торчать? А потом пошли бы вдоль берега. Захватили бы какую-нибудь колонию, а там хоть лодки, да найдутся. С дельфином доберемся до Кубы. Не пропадем!

— Я не оставлю «Ла Навидад»! — Кристин скрипнула зубами. — Забудь про это, Бен, просто забудь и не искушай меня поступить с тобой так, как ты этого заслуживаешь. Сделаем иначе.

Спустя некоторое время с подобравшегося ближе «Блэк стар» наблюдали, как преследуемый

корабль сперва ускорился, примерно на час, а потом вдруг спустил половину парусов. Жертва рыбы-паруса была все ближе, и моряки в черном видели, как суетится команда, как под нос «Ла Навидад» пытаются подвести парус, а из трюма вытаскивают на палубу запасы провианта. Сменив курс, корабль медленно, будто хромая, направился к далекому берегу.

— У них открылась большая течь, — сухо произнес капитан «Блэк стар». Фигурка рыбы-паруса жгла ему грудь, будто была готова выпрыгнуть и вплавь броситься на добычу. — Снова подойдем с кормы. На абордаж идут все! И те, кто не захочет умирать в бою, умрут после боя, вот на этой палубе. Сейчас решится все.

Стоявшие вокруг него помощники ощерились, словно волки. Остальные матросы, пряча глаза, приготовились к новой стычке. После предыдущего сражения казнены были трое, выбранные по жребию. Команда не проявила должного рвения и отступила. В глубине души капитан понимал, что только он виноват в том, что «Ла Навидад» не захвачен, но и сам он был жестоко наказан. По ночам серебристая фигурка жгла его, словно раскаленным железом, но снимать ее строжайше запрещено.

Запрет исходил от того, кто дал ему самый быстрый корабль и самую послушную команду

в мире. Человек этот, могучий и далекий, отнял у будущего капитана «Блэк стар» свободу и только после этого вручил предмет. Жадный предмет, предмет-охотник, который уже получил цель: висящий на шее Кристин Ван Дер Вельде дельфин манил рыбу-парус. За все страдания обещано вознаграждение, но лишь после того, как хозяин, имени которого капитану не полагалось знать, получит требуемое. А до той поры нельзя было даже умереть — и это ему запретили. Капитан не понимал, каким образом его помощников превратили в беспрекословно подчинявшихся ему псов, а команду — в послушных рабов. Могущество хозяина, отдавшего приказ, казалось безграничным. И здесь явно не обошлось без колдовства. Впрочем, рабы иногда бунтовали, трусливо по одному. Они могли предпочесть смерть, и иногда капитан чувствовал себя менее свободным, чем матросы. Он с наслаждением своими руками придушил тех, кто заставил его повиноваться и бояться, но время нельзя было повернуть вспять.

— Лучших пловцов в бой не вводить! — отдал последнее распоряжение капитан. — Как только пришвартуемся, спустить обе шлюпки. Пусть пловцы выловят всех, живых или мертвых, кто упадет или прыгнет за борт! Но только из команды «Ла Навидад».

Спустив часть парусов, они приблизились к умирающему кораблю. «Ла Навидад» неловко попробовал развернуться боком и даже выстрелил из нескольких пушек, но лишь одно ядро чиркнуло по борту «Блэк стар» — черный корабль легко уклонился, подходя к незащищенной корме. Матросы, прячась за бортами, заряжали мушкеты для первого залпа. Полетели первые «кошки», цепляя жертву, но большой необходимости в них не было. Спустя несколько мгновений длинный бушприт преследователя мягко скользнул по борту «Ла Навидад», и капитан открыл рот, чтобы выкрикнуть команду к атаке. И тогда кормовая надстройка противника будто взорвалась.

План Кристин был прост и по-детски наивен. Будь капитан «Блэк стар» осмотрительнее, он бы сразу заподозрил подвох. Демонстрируя борьбу с течью, пираты в ящиках из-под провианта достали из трюма последние ядра и порох. Часть пушек протащили по палубе на канатах, чтобы их нельзя было рассмотреть за фальшбортами. В кормовой надстройке, за закрытыми ставнями окон, пушки кое-как расположили и закрепили. Рискни черный корабль подойти с борта, открыть по нему огонь оказалось бы очень затруднительно. Но «Блэк стар» оказался именно там, где надеялась его увидеть капитан Кристин.

— Еще лево-лево чуть-чуть! — Бартоломеу выглядел в трещину в обшивке, оставшуюся от попадания ядра, и помогал Моррисону наводить пушку. — Лево, моя говорить! Лево!

— Вправо, ты имеешь в виду! — разозлился боцман. — Когда английский выучишь, баран?!

— Эй, лево-право с детства путать, при чем английский? — обиделся португалец. — Так хорошо, прямо на мачта глядеть.

Они успели разместить на корме шесть пушек. И когда капитан в черном был готов начать бой, пушки выстрелили. Ядра вышибли ставни, пролетели чрез бак «Блэк стар», отрывая головы тем матросам, что успели привстать, и разорвались на палубе. И корму «Ла Навидад», и вражеский нос полностью заволокло дымом. Но кашляя и чихая, почти задыхаясь, пираты сумели прочистить дула, снова зарядить пушки и приготовиться еще к одному залпу.

Кристин с немногими свободными людьми готовилась отразить нападение. Когда прогремел первый залп, капитан с топором в руках первой кинулась в дым, освобождать от кошек и багров корму. К ее удивлению, ядра ударили в «Блэк стар» с такой силой, что корабли уже разделяло несколько футов воды. Лопнули канаты кошек, упали в воду багры, оторвав длинные щепы от бортов «Ла Навидад». Абордаж стал невозможен.

— Дельфин! Уводи нас еще раз! — Капитан побежала к штурвалу, а за ее спиной раздался второй залп.

Новый удар нанес «Блэк стар» не меньше урона, чем первый. Более того, он покончил с уже поврежденной фок-мачтой. Закачался и грот, на основании которого, сложенном из крепких толстых дубовых брусьев, лопнули несколько обручей. Одно из ядер разорвалось поблизости от капитана. Чугунные осколки пощадили его, но, оглушенный взрывом, он несколько минут не мог командовать. За эти минуты «La Навидад», подгоняемый свежим ветром, в третий раз оторвался от стремительного преследователя.

Кристин прошла в свою каюту, которую унаследовала от отца. Каюты практически уже не существовало — вместо большого окна, когда-то украшенного цветными стеклами, теперь была огромная рваная дыра. Две установленные здесь пушки валялись на полу. В обломки превратился стол, та же судьба постигла и прибитую к полу кровать. Несмотря на то что матросы укрепили уложенные на мебель орудия канатами, отдача сорвала их с места. Пахло пороховой гарью, а за кормой виднелся удаляющийся «Блэк стар». На черном корабле тушили пожар, упавшая фок-мачта вытянулась вдоль борта до самой кормы.

— Это тебе за мою бизань, гнилой краб! — процидила Кристин. — И пусть я буду лежать на дне, но и ты окажешься там не позже!

— Самбо! — в каюту заглянул Бен. Плотник отводил глаза от новых разрушений и выглядел совершенно потерянным. — Идем в трюм, снова та течь по левому борту открылась.

— Мы же прижали ее бочонком с золотом? — Кристин обернулась. — Надо поставить второй, наверное.

— Поставим второй — оба в дыру и провалятся, — вздохнул Бен. — А бочонок сбросило, когда нас качнуло. Возьми отсюда обломков, Самбо, какие крупнее. Нам теперь все сгодится.

Плотник подобрал обрывок каната подлиннее и вышел, за ним последовал чернокожий матрос. К Кристин подошел Ли. Он держал в руках пушечное ядро.

— Это последнее, капитан.

— Оставь себе, на счастье, — посоветовала Кристин. — Всегда носи с собой, и удача тебя не оставит.

— Что будем делать дальше? — Ли пропустил колкость мимо ушей. — Ты веришь, что они не догонят нас снова?

— Полдня им придется простоять здесь. Это еще если с погодой повезет. За это время мы снова

скроемся... Проклятье! — Кристин стукнула кулаком по переборке и тут же пожалела об этом: в перекошенных досках появилась новая щель. — Мы не можем отойти от берега, вот что плохо. Корабль может в любой момент заговорить по-итальянски.

— Это что значит?

— Отец так шутил. Есть у итальянцев такое слово: «Баста!» Мы должны держаться берега, чтобы не оказаться на шлюпках посреди океана. Впрочем, нам теперь и одной шлюпки вполне хватит. Может, Бен прав и пора оставить корабль?

— Они нашли бы нас в океане, признай это, — китаец говорил вкрадчиво. — У капитана предмет. Это рыба-парус не дает ему нас потерять. И на берегу парусник тоже будет нас преследовать. Свойств его мы не знаем, но дельфин теряет силу, удаляясь от воды. Нас будут преследовать везде и всегда.

— Тогда уж меня, а не вас, — уточнила Кристин. — Не утомляй меня, Ли. Говори короче.

— Капитана «Блэк стар» остановит только смерть. Возможно, и этого будет мало для рыбы-паруса, но мы могли бы попробовать захватить предмет. Это нелегко сделать, но вечно убегая — просто невозможно.

— И ты считаешь, я об этом не думала? — Капитан фыркнула и вышла на палубу.

На досках палубного настила виднелись глубокие борозды от протащенных недавно пушек. Моррисон с двумя матросами, переругиваясь, поднимали на гроте многократно чиненный, но все равно дырявый большой парус. Коснувшись пальцами дельфина, Кристин мысленно попросила его послать ветер попутный и сильный, но такой, чтобы парус выдержал.

Скоро корпус «Блэк стар» скрылся за горизонтом, и лишь его черные паруса еще виднелись несколько часов. Бартоломеу взялся на этом примере рассказывать Самбо о форме земли. Негр, который и так знал, что и земля, и вода находится на шаре, язвительно попросил португальца объяснить, почему так все устроено, ничто никуда не падает. Тогда Бартоломеу ловко перевел разговор на свои путешествия в Индию и принялся рассказывать о какой-то прекрасной женщине в золотых браслетах, которая умоляла увезти ее в Португалию. Под эту сказку команда поужинала остатками солонины и сухарями, запас которых тоже подходил к концу. Кристин кусок в горло не лез, и она ушла спать в трюм, на свободный гамак из обрывка паруса.

Сон пришел неожиданно быстро, так уже давно не было. Во сне она увидела корабль. Странствуя, «Ла Навидад» и его команда встречали немало

разных судов, в том числе и очень больших. Но такого огромного они не видели даже в других временах. Это был гигантский плавучий остров из стали. Его вес был огромен, но странный корабль не тонул. Его приводили в движение не паруса, а спрятанные под водой винты, которые заставляли крутиться большие паровые машины. Корабль нес на себе большой запас угля для этих машин и оставлял длинный хвост густого черного дыма из нескольких труб. Борта были толсты, чтобы выдерживать удары вражеских ядер. Кристин видела эти ядра в бесконечно глубоких трюмах: продолговатые, заостренные. Ими стреляли из больших пушек с длинными, очень длинными стволами, и ядра летели до самого горизонта. Некоторые пушки были такими большими, что ядра для них весили, словно толстые нижние реи парусников. Матросы не могли донести их на руках и использовали всевозможные приспособления.

Никому не видимая, Кристин с любопытством исследовала плавучий остров или, скорее, плавучий город — так много было на нем моряков. Она научилась отличать матросов от офицеров: у последних на строгой, одинаковой форме блестели золоченые пуговицы. Ей совершенно не понравился их наряд и особенно смешные шляпы. Кристин как раз думала, разглядывая одного симпатичного

офицера, что он неплохо смотрелся бы в красивом камзоле и высоких ботфортах с пряжками, когда поняла, что это Клод.

— Совсем плохо? — спросил он со своим легким, но очень узнаваемым французским акцентом. — Кажется, что все пропало?

— Клод... — Во сне ей захотелось плакать. — Клод, нас почти не осталось. Корабль едва держится на плаву, нет ядер, и даже бизань потеряли. Правда, острова совсем рядом, но что, если нас ждут и там? Я уже не знаю, что делать. И остров Демона теперь закрыт для нас, потому что я использовала Ключ до конца. Все, что осталось, — дельфин. Он чувствовал мои желания, он вел меня туда, куда я хотела. Я не могу его отдать, потому что тогда потеряю последний шанс тебя найти.

— Ты все делаешь правильно. — Клод, как всегда, оставался спокоен. — Не сдавайся, тяни «Ла Навидад» дальше и дальше к югу. Помощь близко.

— Какая помощь?! — Кристин постаралась дотянуться до Клода, но во сне оставалась бестелесной. — Кто нам поможет? И где ты, Клод, где мне тебя искать?

— Не здесь... — Он сел за стол и стал разбирать на части маленький, смешной пистолет. — Надеюсь, мы когда-нибудь встретимся, а может быть, и нет. Сейчас просто знай, что у «Ла Навидад» есть

друзья и они хотят тебе помочь. Вот их тебе и надо найти. Самое главное: нужно снова научиться доверять людям. Но будь осмотрительна, не ошибись!

Клод стал чистить свое странное оружие, одновременно уменьшаясь, будто Кристин улетала от него. С головокружением и замирающим сердцем она проснулась в трюме. Сквозь щели с палубы пробивался свет — солнце уже взошло. Так хорошо Кристин не высыпалась уже много месяцев.

На мостике дремал Моррисон, обнимая штурвал. Ровный ветер неторопливо гнал «Ла Навидад» вдоль берега. Она сама бросила за борт линь и наскоро сделала замеры. Потом прошла в разгромленную каюту, отыскала карты и попыталась хоть приблизительно прикинуть, где теперь находился корабль, если всю ночь шел с такой скоростью. Выходило, что совсем рядом Флорида, за которой — родные воды. Рейд «Ла Навидад» и его команды скоро должен был завершиться, но капитан сомневалась, что на этом кончатся ее злоключения.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МОРСКАЯ ПОГОДА ПЕРЕМЕНЧИВА

— Здесь, — уверенно сказал Дикобраз и постучал грязным ногтем по карте. — Мы находимся здесь, и если есть место лучше, чтобы подкарауливать корабль, идущий с севера, покажите мне его. Справа Багамские острова, слева Флорида. Конечно, они могут воспользоваться другими проливами, восточнее, но там больше шансов повстречаться с военными кораблями.

— Или обходить Багамы океаном, или идти здесь, — пояснил капитан О'Лири для Алонсо. — На островах много поселений, и несколько лет назад у пиратов появилась мода их грабить и жечь. Надо же как-то кормиться? Тогда военный флот взял острова под свою защиту. Пиратам пришлось уйти в привычные места, от Тортуги до Арубы. Я бы не стал прокладывать курс через архипелаг.

— Так мне и объясняли в тавернах Гаваны... — задумчиво прошептал Диего, а заметив удивленные

взгляды моряков, пояснил: — Я не был уверен, что мой план хорош, и заводил разговоры с пьяными мореходами. Все говорили, что, двигаясь на север или на юг, проще всего идти между Багамами и полуостровом. Я еще не мог понять: отчего испанские адмиралы не устроили там ловушку для пиратов?

— Оттого, что пиратам нечего делать севернее Багамских островов, — недовольно поджал губы ирландец. — Если вы только намекали кому-то, кроме меня, что собираетесь перехватить корабль, идущий с севера, вы совершили большую ошибку, Алонсо.

— Да в тот же вечер о ваших вопросах знала вся Гавана! — запаниковал Дикобраз. — Почему вы нам не сказали раньше?

Аббат пожал плечами. Он не видел смысла обсуждать это теперь, когда полдела сделано и осталось только ждать и надеяться.

— Давайте лучше о текущих наших делах, — предложил он. — Как мы поступим, если увидим «Ла Навидад»? И еще: что, если они пойдут через пролив ночью?

— Поступать будем не мы, а я! — чуть повысил голос О'Лири. — Вы все время будто забываете, сеньор, кто здесь капитан. Я поступлю так, как сочту нужным. Что до ночного времени, то будем

курсировать по проливу с потушеными огнями.
Луис, ты ведь неплохо знаешь мели?

— Неплохо, но... — Штурман замялся. — Я бы предложил на ночь разводить костры по обоим берегам. Чтобы нас не снесло течением — тут ведь не стоячая вода! Имея маяки, я могу головой отвечать, что мы ни на что не налетим и никого не пропустим.

— А вы уверены, что военных кораблей нет севернее? — перебил его Алонсо, которого немного тревожил этот вопрос. — Никак не может получиться, что «Ла Навидад» встретится с каким-нибудь стопушечным грандом раньше, чем с нами?

— Диего, вы меня удивляете! — начал злиться ирландец. — Видимо, я зря позволил вам здесь присутствовать. На островах говорят, что «Ла Навидад» вернется с золотом, и документы, которые вы видели, вроде как это подтверждают. Если он встретится с военным кораблем, имея днище в десяти слоях ракушек, то... Даже если «Ла Навидад» каким-то чудом вернется, то уж точно без золота. Значит, они не встретятся.

Наступила короткая тишина, все трое задумались. Первым прервал молчание Дикобраз.

— Подождите. Так получается, что и мы это золото не возьмем, если всем известно, что «Ла

Навидад» привезет его на острова? Что-то я перестал понимать. Капитан?

— Не морочь мне голову, Луис! — прорычал О'Лири. — Если они пойдут океаном, мы их не остановим. Если сунутся сквозь архипелаг, мимо колоний и кораблей, — тоже. Что ж, тогда мы получим этот корабль. Мы, кажется, это еще на Кубе обсуждали.

— Ах вот как! — усмехнулся Алонсо. — Вы уже решили забрать мой корабль? Каков сюрприз!

— А как вы хотели?! Вы обещали нам добычу, и мы готовы ее взять и поделиться с вами. Если вы ошиблись — понесете ответственность. — Капитан вздохнул и снова склонился к карте. — Вот, Дикобраз, тут мы будем их ждать, за этим мысом, в устье реки. На карте отмечена скала, там будет наш наблюдательный пункт. Днем, конечно же, а ночью — курсировать. Костры, пожалуй, можно развести. Заподозрят они что-то или нет, а все равно неожиданно нам не напасть. На море из-за угла не выпрыгнешь. «Триумф» отправим вот сюда, на остров. Пусть соберут топлива, и если что-то заметят со своей стороны — сигнализируют дымом. На этом все. А думать много не надо, сеньоры, пожалейте свои головы. Ступай, Луис, веди «Монморанси» к мысу.

Штурман, оглянувшись на Алонсо, вышел. Рано утром, когда Дикобраз стоял на вахте, Диего

удалось немного с ним потолковать. Помощи, оказанной в столкновении с Греком, штурман не забыл и в благодарность был откровенен. Конечно, с самого начала никто не собирался поступать с судовладельцем честно, и некоторые члены команды предлагали сразу от него избавиться. Но Диего повел себя правильно — показал себя хорошим бойцом и честным парнем, что склонило симпатии многих на его сторону. Это вовсе не означало, что корабль принадлежал ему, об этом не было и речи. Но если Алонсо попросится в команду и в качестве взноса сам отдаст судно в коллективное пользование, то ему гарантировано уважение не только тех, кто на борту, но и всего берегового братства. Тогда аббат решился затронуть более острые темы: довольно ли команда капитаном? Верят ли матросы в «Ла Навидад» или считают, что теряют время?

— Видите ли, сеньор аббат, или как к вам полагается обращаться... — Дикобраз в который раз огляделся. В ранний час палуба была пуста, вахтенные матросы дремали на баке. — Видите ли, О'Лири — капитан с удачей, это очень ценно. Никто не хочет оказаться на судне такого неудачника, как Стивенс. Но эта история с «Ла Навидад»... Ну, кто-то верит, кто-то нет. Всем, конечно, хочется увидеть корабль, который за семь месяцев весь мир обошел. Интересно же, дьявол побери всех

любопытных моряков! Хотелось бы узнать кое-что об их путешествии. Но если корабль не появится в течение дней трех... Парни не любят скучать, а рома осталось мало. Да еще место такое, что особо не разгуляешься: слева дикий берег да болота, справа острова и военная эскадра, которая еще и сюда может сунуться в любой момент. Кому это нужно?

— Может случиться бунт? — быстро спросил Алонсо.

— Бунт — это вряд ли. Хотя... Смотря что вы называете бунтом. Команда в любое время, кроме боя или шторма, может провести собрание. И первым делом капитана могут попросить это собрание покинуть. Только я вам откровенно скажу, сеньор Алонсо, — Луис усмехнулся и подмигнул Диего, — по доброте и искренней благодарности к вам скажу: вам в это дело лезть не надо. На корабле есть моряки, которые и сами были капитанами. Море они знают не хуже, чем О'Лири, и уважают их не меньше. Вот хоть Кнут — чем не капитан? Правда, ему сильно не повезло как-то раз, разбил судно о рифы и потерял почти всю команду. Но это было давно! А еще Тихий Томазо. В общем, на каждом корабле есть люди, которые могут и хотят стать капитанами. И не стоит ирландцу не давать команде повода задуматься, какой для них капитан лучше. Поэтому больше недели ждать «La Навидад» я бы

ему уж точно не советовал. А вам не советую претендовать на капитанскую каюту. Вы ее не заслужили, уж простите. Вас не выберут, зато отношение некоторых людей в команде к вам может из безразличного сразу стать очень плохим. Лучше вам поссориться с капитаном, чем с ними.

Уяснив таким образом, что происходит на «Монморанси», Алонсо понял, что власть капитана Джеймса лишь выглядит непоколебимой. Если корабль с севера не придет, Диего надо немедленно вступать в команду и ждать, когда они вернутся на острова, чтобы продолжить свое расследование. Предметы, охотники... Порой он просто не мог думать ни о чем другом. Но следовало быть осторожным и сдержаным.

Потом, когда солнце стало припекать, Фламель и Старк разложили на палубе запас сухарей. Как ни старайся, а постепенно этот основной продукт питания моряков становился влажным и плесневел. Эти двое, как и ожидал Алонсо, прекрасно погадили. Фламель говорил много, мрачноватый Том Старк напротив, больше слушал. Но аббат был уверен, что француз уже немало выведал. Добиться откровенности Фламеля у Диего не получалось — кок все время переводил разговор на свой «ори-халк». Что ж, арагонец готов был подождать удобного момента, который рано или поздно наступит.

Про себя он почти уверился, что оба, и Фламель и Старк, были посланцами охотников. Вот только не похоже, что действовали они сообща, скорее — встретились случайно и быстро поняли, с кем имеют дело.

«Наверное, из разных кланов этих охотников, — размышлял Диего, наблюдая, как парочка ворочит сухари. — Хорошо, мсье Никола, узнай побольше. Тогда однажды ты и мне побольше расскажешь. А я буду внимательно следить. Если “Ла Навидад” появится, то одному из вас, а может быть, обоим будет известно, что искать и где. Играя вслепую, лучше сперва дать вам попытать счастья. Мы на корабле, деться вам некуда, и я найду способ добраться до предмета».

Короткое совещание в капитанской каюте не внесло в этот план никаких изменений. Вот только военных кораблей Диего немного побаивался, не зря когда-то спрашивал о шансах в бою с ними у О’Лири. Тогда капитан ответил подозрительно уклончиво.

— Ночью вы решили курсировать без огней, потому что все-таки надеетесь напасть «из-за угла»? — спросил Алонсо, когда Дикобраз вышел.

— Ночью большая часть команды отдыхает, и можно попробовать застать их хотя бы невыспавшимися... — О’Лири продолжал разглядывать карту. — У старика Ван Дер Вельде были лучшие люди.

Все, на кого он показывал пальцем, бросали других капитанов и шли к нему. Схватиться с ними... Это серьезное дело.

— Не сердитесь, Джеймс, но я спрошу прямо: вы боитесь этого Ван Дер Вельде?

— Думаете, с глазу на глаз можете мне говорить все что угодно? — Ирландец бросил на Диего недобрый взгляд. — Не советую так думать. Ван Дер Вельде, если еще жив, чертовски удачливый негодяй. Да еще легенда и эти ваши документы говорят, что «Ла Навидад» вернется с грузом золота... Как испугался Дикобраз, когда наконец это сообразил! У него золотая голова и чутье как у рыбы, когда речь идет о плавании. Но во всех остальных делах он глуп, жаден и подл. Особенно, конечно, глуп. А я знаете что думаю?

— Что же?

— Что тот капитан, известный на островах и не уходивший с «Ла Навидад» на север, это я. Вот что я думаю, мой друг. И легенда будет подтверждена, когда я приведу судно на Тортугу.

— А как же «Монморанси»? — Алонсо был порядком удивлен таким смелым предположением О'Лири. — Да еще и «Триумф»!

— Про них легенда ничего не говорит. А в ваших инквизиторских пергаментах было хоть слово про «Монморанси»?

Аббат покачал головой.

— Ну вот видите! Какая разница, что с ними будет? Может, пойдут ко дну. А может, я приведу целую эскадру. Важно другое, Диего: нападать или не нападать на «Ла Навидад», буду решать я. Только — я. И хочу напомнить, что вам лучше держаться моей руки, что бы ни случилось. У нас с вами есть определенный договор, и я, кажется, его соблюдаю — никто вас и пальцем не тронул, а ведь могли утопить в первый же день.

«Сомневаюсь, что это твоя заслуга! — подумал Алонсо, теперь узнавший предостаточно. — А быть под твоей защитой — все равно, что в твоей единоличной власти. Нет, сеньор О'Лири, я не из тех, кто кладет все яйца в одну корзину».

— Так вот, Диего... Что бы я ни делал, вы должны остаться на моей стороне. А иначе наш договор будет расторгнут.

— Я буду с вами, пока вы выполняете то, что обещали мне, — сказал арагонец. — Мы ведь дадим «Ла Навидад» достаточно времени, чтобы добраться сюда?

— Да, не сомневайтесь, — подтвердил капитан. — Я пришел сюда за этим судном, его золотом и его историей. И мне плевать, если кто-то в легенду не верит и хочет отправиться на Барбадос, воровать у местного губернаторишки столовое серебро.

Вы посоветовали мне отправить Старка на камбуз.
Узнали что-нибудь?

— Пока нет, но я уверен, что Старк станет откровеннее, когда корабль с севера придет.

— Ну-ну... Спиной только к нему не поворачивайтесь, — с усмешкой посоветовал О'Лири. — Идите отдыхать, сеньор. Мы теперь как пауки — сплели сеть и ждем свою муху.

Алонсо кивнул и вышел, довольно подкручивая усы. Капитан был настроен решительно, а значит, история с путешествием во времени ради морского разбоя запала ему в душу. Что удивляться? Все пираты жадны, а тайна «Ла Навидад» — билет в неисчерпаемую сокровищницу. А о том, как все устроено, они думать не хотят. «Пожалейте свои головы, сеньоры!» Диего же, напротив, желал во всем как следует разобраться. Загадочные предметы, из орихалка они или нет, явно стоили дороже золота и крови. Он всерьез предполагал, что идет по следу чего-то, цены вовсе не имеющего. До сих пор чутье не подводило Алонсо.

— Парус! — закричал марсовый, не успел Диего выйти на палубу. — Парус с востока!

— Все наверх! — заревел Кнут. — Эй, на «Триумфе»! Вам слышно?!

С барка, шедшего в паре десятков футов позади, подтвердили, что все слышали. Там тоже началась

суматоха. Алонсо, недоумевая, отправился на мостик, куда уже поднялся капитан.

— С востока?.. — Диего, щурясь, пытался хоть что-то разглядеть, но мешало солнце. — Почему с востока?

— Потому что это скорее всего не «Ла Навидад», вот почему! — У О'Лири окончательно испортилось настроение. — Марсовый, что за флаг?

— Не разобрать пока! — донеслось в грот-мачты. — Еще парус, капитан! И еще! Три паруса с востока!

— Они идут от островов, — вслух размышлял Джеймс. — Испанцы? Если это военная эскадра, придется бежать. И бежать мы будем... На север! Ты понял, Дикобраз?

— Понял, — кивнул штурман. — Ветер благоприятствует, до темноты не достанут, а уж там мы укроемся, я знаю пролив... Только, может, нам их не ждать и сразу отплыть на север? Тогда могут и не преследовать, флаг у нас испанский.

— Ты сам сказал, что ловить «Ла Навидад» лучше всего здесь. Узкое место, хорошая глубина у полуострова и посередине, а у островов мели... — Капитан нервно расхаживал по мостику. — И как их дьявол принес, не успели мы расположиться? Разве что Стивенс позвал кого-то отомстить? Тогда

я ему язык вырежу и скормлю, прежде чем целиком поджарю подлеца в масле!

— Капитан! — снова закричал марсовый. — Один флаг вижу, королевский испанец, большой корабль! Другие поменьше, но, кажется, один голландец.

— Час от часу не легче! — О'Лири покачал головой. — Испанец конвоирует пойманного голландца? И что ему надо у Флориды? И почему голландский флаг оставили? Следи за их курсом! На юг идут, к Гаване?

— Нет, идут, похоже, прямо на нас! Капитан, это испанец, голландец и англичанин! И этот англичанин похож на фрегат Стивенса, капитан!

— К дьяволу! — рявкнул ирландец. — Это уже ни в какие ворота не лезет!

Он сунул подзорную трубу в карман, взял шляпу в зубы и сам полез на мачту. Диего и штурман переглянулись, оба тоже были изрядно удивлены.

— Одно скажу: это плохо, — буркнул Дикобраз и сплюнул за борт. — Лучше бы нам уйти. Скорее всего, это три пирата ради шутки под разными флагами парад устроили. А шутка эта — над нами. Стивенс мстить пришел, точно говорю!

«Монморанси» продолжал не спеша двигаться к устью широкой реки, название которой не было указано ни на одной карте. Незванные гости

приближались, и никто уже не сомневался, что идут они именно к пиратскому кораблю. Капитан Джеймс, рассмотрев хорошенько суда гостей, спустился и широкими шагами расхаживал по палубе. Не очень понимая, почему О'Лири не пытается избежать встречи с потенциальным противником, гораздо более сильным, Диего встал на его пути. Почти наткнувшись на аббата, капитан выругался и вдруг резко задрал голову.

— Дьявол! Я уж думал, мы флаг не тот подняли. Нет, флаг у нас испанский, так что здесь нужно военному флоту Испании, а?

— Я не знаю, Джеймс. Но я обеспокоен и осмелиюсь спросить: капитан, мы примем бой?

— Конечно, нет, чтоб вас сапоги на дно утянули! — Ирландец был в бешенстве, и на миг Диего показалось, что сейчас он его ударит. — Три корабля, и один из них имеет не меньше шестидесяти пушек! Какой может быть бой? Они просто утопят нас.

— Тогда почему же мы не уходим?

— Алонсо, уйти отсюда означает вдвое или втрой уменьшить шансы перехватить «Ла Навидад»! Если нас вообще отпустят... Стивенс возвращается, это его фрегат под британским флагом. А он, как мы знаем, охотится за той же дичью! Но что здесь делают голландец и испанец?

— Может быть, корабль Стивенса захвачен? — осторожно предположил Диего. — И все это — хитрая ловушка для нас.

— Да подите вы к дьяволу! То ставите все на карту, чтобы урвать куш, то вдруг перепугались и готовы уйти, оставить наш законный приз каким-то пришлым мерзавцам. Капитан О'Лири так не поступает! Стивенс нашел себе друзей, вот и пусть... Марсовый! — заорал капитан, снова задрав голову. — Уже достаточно близко! Сигналь Стивенсу переговоры!

На этот раз англичанин оказался более сговорчив. Его корабль продолжил движение, в то время как спутники легли в дрейф. Не открывая ставен пушечных портов, но готовые к бою, пираты сблизились, чтобы поговорить. Стивенс, довольно ухмыляясь, стоял у самого борта.

— Ну что, О'Лири, понравился тебе «Триумф»?

— Славный барк, Стивенс! — О'Лири старался выглядеть спокойным, и это у него недурно получалось. — Я решил не продавать его, а использовать как плавучий склад для добычи. Ты что-то забыл на нем? Трубку, шпагу, сапоги, надкусенное яблоко? Я верну, ты не стесняйся!

— Я позабыл тут барк! — отозвался Стивенс. — И еще, возможно, пару ирландских ушей, которым место на моем бушприте. Я их туда однажды приколочу гвоздями, с головой или без. Но сейчас

есть дело к тебе, О'Лири. Ты ждешь «Ла Навидад», я тоже. И вот эти джентльмены, — Стивенс ткнул пальцем себе за плечо, — здесь тоже по душу старика Ван Дер Вельде! Интересная складывается ситуация, верно?

— Не многовато ли ртов на один кораблик? — Джеймс перестал играть, посерезнел и уперся обеими руками в фальш-борт. — Кто они?

— Голландец — капитан Ван Бателаан, ты, возможно, о нем слышал. Пока сопляки вроде тебя драили палубы, мы с ним провели немало славных денечков у побережья Венесуэлы. Потом он ушел на юг и занялся поставкой рабов в Бразилию. Но вернулся, когда узнал о стоящем дельце. Мы встретились в проливе между островами, и Ван Бателаан предложил охотиться вместе!

— А второй? — О'Лири мрачнел с каждым мигом. — Что здесь делает королевский военный корабль?

— Не знаю, как Ван Бателаан нашел с ними общий язык, но и испанцы принимают участие в охоте. Мало того, мой голландский друг сообщил мне, что на севере стоит еще одна эскадра, она сторожит дорогу к островам. Это повышает наши шансы, не находишь?

— Ты сказал «наши»? — Ирландец оглянулся на Кнута, тот пожал плечами. — Это предложение?

— Да. — Стивенс перестал ухмыляться. — Если такая облава затеяна ради одного судна — значит, везется что-то очень ценное. Ты, конечно, можешь выйти из игры, но тогда уходи прочь, или мы отправим вас на дно вместе с вашей посудиной. Если согласишься участвовать в доле — имеется мое личное условие, с которым согласны Ван Бателаан и испанец. Ты отдашь мне «Триумф». Это будет, как бы сказать, твой вступительный взнос!

— Зачем же мы вам? Боитесь не справиться с «Ла Навидад» целым флотом?

— Ты сам знаешь, что такое «удачлив, как Ван Дер Вельде»! С ним ушли на север лучшие люди, и его корабль — один из лучших, что когда-либо спускали на воду. А еще он хитер, такую рыбу надо ловить в частую сеть. Да и вообще... — Стивенс подался вперед, будто хотел сказать О'Лири что-то личное. — И вообще, кто знает, с какими дьяволами он там, на севере, связался? Короче говоря, или ты соглашаешься, или уходишь, но барк ты должен вернуть мне в любом случае.

— Я обязан посовещаться с командой, — сказал Джеймс. — И, конечно, в случае нашего согласия мы должны провести совет капитанов эскадры.

— О чём разговор? Если команда не будет возражать, спускай шлюпку и иди к Ван Бателаану.

И, конечно, подготовь «Триумф» к передаче. Не забудь про моих людей! Я помню о пленных.

На этом переговоры закончились. У Диего имелось несколько вопросов к капитану, но О'Лири молча указал арагонцу на бак. Туда ему и пришлось отправиться. Скуяя, Диего принял разглядывать корабли, пока команда проводила срочное совещание. Впервые Алонсо рассмотрел название фрегата Стивенса, выписанное кое-как, черными неровными буквами: «Дракон». Под ними угадывалось прежнее наименование судна, приступавшее красивыми, выпуклыми литерами. От скуки арагонец попытался его прочесть, и у него получилось «Анна». Вряд ли пираты имели неприязнь к женскому имени, скорее, второпях изменили имя отбитого приза, чтобы запутать следы. А может быть, Стивенс собирался скрыться на фрегате с другим названием и от своих таинственных заказчиков.

«Охотники... — Алонсо, опершись на фок-мачту, наблюдал за тихо переговаривающимися матросами. — Они решили перехватить «Ла Навидад» до прихода на острова, собрали и правда целый флот. Значит, их не беспокоит тот документ, где сказано, что корабль все же вернулся с золотом. Выходит, прошлое... Ах, проклятье! Не прошлое, а будущее, выходит, можно изменить. Молодец, Диего, ты

сделал удивительное открытие! Конечно, будущее можно изменить. Лучше подумать о делах насущных. Если задействованы такие силы, то, скорее всего, здесь действуют сразу несколько кланов этих таинственных охотников. Они могли объединиться на какое-то время, но как бы не началась большая драка, когда приз окажется прямо перед ними. Или не начнется? Тот шестидесятипушечный испанец выглядит так, будто ему бояться нечего».

Том Старк, которого хоть с поражением в правах, но приняли в команду, сидел молча, внимательно вслушиваясь в испанскую речь товарищей. Зато француз, к удивлению Алонсо, разок-другой вставил словечко. Диего очень хотелось быть там, хотелось убедить пиратов остаться... Он просто не мог уйти сейчас, когда и сам наконец всем сердцем поверил, что «Ла Навидад» появится в проливе, имея на борту что-то невероятно ценное. Жалея, что ради поддержания расположения капитана так и не попросился в команду, Диего в сердцах отвернулся.

«Если команда заставит Джеймса уйти, черт с ним! — подумал он. — Хоть за борт прыгну, останусь со Стивенсоном или с голландцами!» К соотечественникам ему отправляться не очень хотелось, потому что слухи о некоторых проделках аббата

в Испании могли уже быть известны капитану военного корабля. «Интересно, что будут делать Фламель и Старк... Особенно Фламель. Не верю, что его интересует только орихалк».

Испанский и голландский корабли тем временем подошли ближе. Капитан Ван Бателаан дал своему судну гордое и длинное название «Конинг ван де Океаан», которое Алонсо перевел как «Король Океана». Испанское судно называлось проще: «Кастилия». Диего рассмотрел матросов и офицеров — похоже, корабль продолжал оставаться на военной службе, и капитан не стал пиратом.

«Может быть, сам король замешан в этой игре и использует военный флот для поиска предметов? Меня уже ничто не удивит!»

Наконец собрание закончилось. К облегчению Алонсо, матросы сразу стали спускать обе шлюпки. Одна из них должна была доставить капитана на «Конинг», другая — снять с «Триумфа» все маломальски ценное, из чего Диего сделал вывод, что барк решено вернуть добровольно. Впрочем, при существующем теперь соотношении сил иного ожидать было трудно. Не сумев поговорить с мрачным капитаном, Диего поймал за рукав Фламеля. Француз выглядел довольным.

— Чему радуетесь, мсье Никола? Команда приняла какое-то ваше предложение?

— Да, представьте себе! — он просто сиял. — Боцман Кнут вместе с Тихим Томазо хотели сместить капитана О'Лири, отдать барк и уплыть. Их поддержали несколько членов команды и даже штурман. Кстати сказать, вас они собирались оставить на барке.

— На барке?.. — Диего понял, что зря готовился добираться до фрегата вплавь. — Да, это было бы удобнее. Что, и пленных мы возвращаем? Как же поступят со Старком?

— Том Старк — член команды «Монморанси»! — важно заметил француз. — Этот вопрос не обсуждался. Мнения разошлись, и речь капитана многим не понравилась. Но я сказал, что ждать осталось недолго, и если капитан выторгует нам четвертую или хотя бы пятую часть добычи, то зачем спешить? С такими силами нам «Ла Навидад» не страшен. Представьте, эти головорезы побаиваются тех, что отплыли с Ван Дер Вельде на север. Надо думать, голландец набрал себе в команду каких-то удивительных негодяев! Проще говоря, команда решила со мной согласиться и дать О'Лири еще неделю. Если корабль не появится, то они его сместят и уйдут на юг. Смешные люди!

— Почему же?

— Река! — Фламель широко улыбался, но за его плечом Диего видел боцмана, который поглядывал

на кока совсем недобро. — Я узнал эти места. Именно на этой реке атланты начали строить свой город, но не успели закончить. Туда ушел корабль с орихалком, а значит, несметные сокровища совсем недалеко от нас! Сеньор Алонсо, вы близки с нашим капитаном — может быть, поговорите с ним?

— В прибытии «Ла Навидад» вы не сомневаетесь, — сделал вывод Диего, глядя в глаза француза. — Старк что-то рассказал вам. Он человек охотников, верно? Будьте осторожны, Фламель, мне жаль было бы найти вас с перерезанным горлом. Лучше бы вам быть со мной пооткровеннее, тогда вы имели бы больше шансов добраться до вашего орихалка.

— Сеньор Алонсо, вы потратили немало денег, но корабль, по сути, вам не принадлежит. Вы даже не член команды. А дружба с капитаном — вещь довольно зыбкая, учитывая и его вспыльчивый характер, и желание многих его сместьть. В сущности, это вам стоит поберечься, а не мне. О себе я позабочусь. Том как раз отправился за пистолетами на «Триумф» — он знает, где там припрятана парочка весьма хороших.

Француз подмигнул Диего, словно взрослый симпатичному, но недалекому ребенку, и отошел. Арагонец, удивленный таким отношением,

не сразу обрел дар речи. Если уж кок считает себя выше его, то, может быть, Алонсо и правда неверно оценил ситуацию?

— Все здесь переменчиво! — пробормотал он. — И погода, и ход сражения, и отношение команды. Надо было попроситься в кубрик, но ведь тогда О'Лири совсем перестал бы мне доверять... Эх, капитан Джеймс, не подведи меня. Иди до конца.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

КАПКАН, ДИЧЬ И ХИЩНИК

Пролив между Флоридой и Багамами, узкий и хорошо знакомый, должен был вывести «Ла Навидад» прямо в родные воды. Там — много кораблей, много колоний. На материке или любом острове можно сойти на берег, чтобы спрятаться. Кристин всерьез рассматривала такой вариант: ей казалось, что рыба-парус поведет «Блэк стар» не за кораблем, а за ней, хозяйкой такого нужного преследователям дельфина. Наверное, капитан судна под черными парусами полагал, что и другие предметы Кристин держала при себе. Тогда цена охоты возрастала многократно. Но решения капитан Ван Дер Вельде пока не приняла — а что, если, потеряв ее след, черный охотник возьмется за «Ла Навидад» и его команду, надеясь выведать хоть что-то? Ей казалось, что все станет яснее, когда рядом окажутся Куба, Эспаньола и другие хорошо знакомые с детства места.

— Только бы не встретить кого-нибудь! — Моррисон, стоявший у штурвала, перекрестился. — Упокой морские дьяволы наши грешные души, но не в этот раз!

— Если бы мы хотели кого-нибудь встретить, пошли бы на Багамы. — Кристин больше интересовало, не появились ли еще сзади черные паруса. — Здесь делать нечего, ни нашим, ни военным кораблям. А торговец какой попадется... Ну, пусть считает, что ему очень повезло.

Они держались ближе к материку — у островов много мелей, это всем известно. Дикий, необжитый берег зарос лесом, который скрывал множество болот. Здесь не устроишь плантацию, а в земле нет серебра. Никого, кроме индейцев. На второй день после того, как они вошли в пролив, стало очень жарко, но это моряков лишь радовало: жара говорила о приближении к цели. Холодный и негостеприимный север остался далеко позади, как и все неприятности. Так, по крайней мере, полагал Самбо, который с утра распевал в своей бочке на гроте какие-то победные песни. Тем неожиданнее был его крик:

— Капитан! Три, нет, четыре паруса впереди и один, слон его растопчи, парус сзади!

Кристин и Моррисон переглянулись. Такого просто не должно было быть, но Самбо, видимо, через чур увлекся пением и не сразу заметил корабли.

— Кто ближе? — Кристин кинулась искать где-то позабытую подзорную трубу.

— Те, которые спереди, ближе, особенно большой, который слева... Нет, справа! Ой, нет, этот, который сзади, «Блэк стар», тоже ближе!

— Я начинаю думать, что удача оставила меня окончательно! — заявила Кристин и поджала губы. — Давай карту, боцман. Надо искать выход из этого мешка.

— Я тебе без карты скажу, Кристин, — как раз сейчас нам деться некуда. — Моррисон почесал отросшую рыжую шевелюру. — Когда я был совсем молод, мы гуляли по этим местам с Джеком Мерфи и Жюлем-Холостяком. Капитан Жюль тогда говорил, что среди Багамских островов его никому не взять, потому что он знает их, как свои пять пальцев. Клянусь, так и было. Так вот: мы в узком проливе, здесь взяли бы и Жюля. Надо разворачивать корабль и прорываться обратно, к северу.

Посмотрев за плечо, туда, где уже и с палубы можно было рассмотреть далекую черную точку, Кристин покачала головой.

— Это он, «Блэк стар». Он нас не пропустит. Лучше уж идти вперед и надеяться, что тем кораблям, что идут с юга, нет до нас никакого дела. Снимите черный флаг! Теперь не время шутить, поднимите испанский. И все же принесите мне карту!

— Испанского нет. Есть португальский и датский.

— Тогда датский! Португальцев в этих морях испанцы не любят.

Моррисон и Тощий Бен, переглянувшись, пошли искать флаг. Команда, бодрость которой возрастила по мере продвижения к югу, разочарованно молчала. Миг — и опять всем казалось, что до Тортуги «Ла Навидад» добраться не суждено.

— Вряд ли все четыре корабля на юге управляются охотниками, — сказал капитану Ли, подавая карту. — Можно было бы вступить в переговоры. В конце концов, мы можем купить проход. Если хорошо договориться, они даже задержат «Блэк стар».

— В твоих краях — возможно. — Кристин присела прямо на палубу и расстелила карту на коленях. — Но у нас каждый любит получать все. Единственная цена, которую они примут, глядя на состояние моего корабля, — все золото, что есть в нашем трюме. И еще обыщут каждого матроса. А получив золото, они не будут чувствовать себя чем-либо обязанными.

— Что-то мне не очень нравятся ваши обычаи.

— Надо всего-то иметь хороший корабль в хорошем состоянии, пушки, ядра и полную команду, готовую идти в огонь и в воду. Тогда все в порядке, и у пирата много друзей. Но не в нашем

положении, Ли. Действительно, мы зажаты между островом и Флоридой. — Она водила по карте пальцем с обломанным ногтем. — А эти корабли на юге стоят возле устья реки...

Четыре паруса впереди по курсу были уже отчетливо видны. Мало того, в стороне оказался еще один корабль, по всей видимости небольшой. Самбо разглядел даже испанские флаги самого крупного из преграждающих путь судов. Чуть позже, когда «Ла Навидад» подошел ближе, Кристин уже не знала, что и думать: испанский военный корабль, полсотни пушек как минимум, три корабля поменьше под испанским, голландским и английским флагами и барк, на котором флага не имелось вовсе.

— Это что за дьяволова ярмарка?! — Тощий Бен хрипло рассмеялся. — Может, за время нашего отсутствия тут новая Тортуга появилась? Я только в гавани Ле Вассера такое видел! Стоят рядышком, как голубки. Какой план, Кристин? Нам не миновать их!

— План... План у нас может быть только один.

...Пока «Ла Навидад» приближался, марсовые ждущих его кораблей обменивались сигналами на том странном интернациональном языке, который сам собой выработался в южных морях. В ход

шли и шейные платки, и сабли, и даже маленькие зеркала.

— Я правильно понял, что нам предлагают пойти вперед?

Боцман Кнут после собрания команды стал вести себя по отношению к капитану почти как равный и постоянно находился на мостице. О'Лири хмурился, но пока терпел.

— Правильно, ты же еще не ослеп.

Все, включая даже Диего, который ровным счетом ничего не понимал, напряженно следили за сигналами.

— Что ж, в этом есть смысл. Наш испанский шестидесятипушечный друг — сила, козырной туз. Голландец давно не был в карibbeanских водах, а Стивенс не в ладах с Ван Дер Вельде. — Капитан хлопнул по спине Дикобраза, стоявшего за штурвалом. — Правь им навстречу.

— Мне это не нравится. — Губы Кнута стянулись в тонкую злую нитку. — Мы получаем только пятую часть добычи и должны идти первыми?

— А мне плевать, что тебе это не нравится! — Ирландец был доволен. — Чего ты хочешь? Чтобы эти королевские вояки потопили и судно, и наше золотишко? Нужно поговорить с капитаном «Ла Навидад». Кроме того, я знаком со многими из команды, да и ты тоже.

— Меня Ван Дер Вельде не жаловал, — чуть дрожащим голосом сказал Дикобраз. — Уйти бы мне в трюм.

Вместо ответа капитан Джеймс положил ему на плечо тяжелую руку. Диего понимал: О'Лири вполне устраивает быть первым, кто заговорит с «Ла Навидад». Он и правда верил, что может стать тем не ходившим на север капитаном, о котором упоминали островные сказители. Капитаном, который приведет корабль с золотом на острова. Вот только как это могло бы произойти, Алонсо не понимал. Даже если «Ла Навидад» и «Монморанси» объединятся, им не устоять против эскадры. Тем более что выглядел возвращающийся с севера корабль весьма потрепанным.

— Да у них бизани нет! — закричал марсовый. — Мне видно! И корма вроде как разбита. О! Капитан!! Позади них вижу парус, кажется, черный!

— Черные паруса?.. — О'Лири невольно оглянулся на оставшиеся позади корабли.

Все стоявшие на мостице, кроме Диего и Джеймса, испуганно перекрестились. Спустя мгновение так же поступили и не спускавшие с них глаз матросы. Весть о черном парусе пронеслась по кораблю от бака до кормы, и пираты начали гадать, какой дьявол мог прийти вместе с «Ла Навидад».

— Если он так далеко, то вряд ли он его друг! — сделал вывод Тихий Томазо. — Может, еще и обойдется.

— Мне с самого начала эта затея не нравилась... — процедил Кнут. — Если бы не ты, О'Лири, мы могли бы на этом кораблике преспокойно гулять вдоль побережья Панамы, вот прямо сейчас!

— Ты не верил, что «Ла Навидад» придет! — спокойно напомнил ему ирландец, положив, впрочем, руку на эфес. — Так вот он, Кнут, смотри. И позволь впредь капитану решать, как поступить. Марсовый! Сигналь Ван Дер Вельде, что мы хотим переговоров!

Прошло еще несколько минут, корабли сближались, но ответа на сигнал не поступило. Немного нервничавший Диего решился задать вопрос, который занимал его больше всего:

— Джеймс, вы сказали, что у них датский флаг. А что, если это вообще не «Ла Навидад»?

Пираты уставились на него, как на сказавшего глупость ребенка, а потом дружно расхохотались.

— Для вас, Диего, все корабли, наверное, на одно лицо? — спросил его О'Лири, отсмеявшись. — Да каждый из нас узнал бы «Ла Навидад» с расстояния, в два раза большего. Лучше помолчите. Марсовый! Что видишь?

— Ничего не происходит, капитан! Кажется, берут чуть правее.

— Повторить маневр? — спросил Дикобраз, нервно сжимая штурвал. — Нам бы пушечные порты хотя бы открыть, раз уж они не хотят разговаривать.

— Ты что, таранить их собрался? Старый курс. Ставни портов не открывать. Кнут, наши пушки готовы?

Боцман только кивнул. За спиной Диего начал шептать какую-то молитву Тихий Томазо. Все притихли. Алонсо тоже, хоть и гордился своим неверием в мистику, затаил дыхание. «Ла Навидад» и правда выглядел так, словно обошел весь мир. Они уже видели заплаты на парусах и даже узлы в местах, где кое-как срашивали истрепанные канаты. А еще они видели черные паруса, вырастающие над горизонтом за кормой беглеца.

— Их преследует очень быстрый корабль, очень быстрый... — прошептал Томазо. — И если это корабль дьявола, который хочет вернуть свое, то лучше нам ему не мешать.

— Боцман! — Капитан, поняв, что происходит, повысил голос. — Готовиться к повороту! Поднимай паруса — они идут на попутном ветре! Надо пристроиться им в корму!

«Монморанси» успел сделать половину разворота, когда «Ла Навидад» прошел мимо в какой-то полусотне футов. У штурвала стояла девушка,

и, когда она повернула голову, Диего показалось, что они на миг встретились глазами. Кроме нее, на палубе не было ни единой живой души. Когда корабли разминулись, Алонсо увидел совершенно развороченную корму.

— Спаси и помилуй... — Томазо шагнул к капитану. — Ты видел, Джеймс? Она одна! Она призрак, призрак дочери Ван Дер Вельде, и корабль — тоже призрак!

— Призрак не оставил бы следов даже на воде, а я вижу кильватерный след. Корабль настоящий! — О'Лири сильно побледнел. — За ними, Дикобраз, за ними! Но почему такой ветер? Им в паруса все время дует северный ветер, а я готов поклясться, что, когда мы шли им навстречу, ветер был с востока!

— Не к добру это все! — Кнут направился к корме. — Теперь мы между этим призраком и черным кораблем дьявола! Куда ты нас ведешь, капитан?

— Туда, где стоят еще три корабля наших приятелей, не считая барка, дьявол забери твою трусивую душу! — О'Лири оттолкнул Дикобраза и сам встал к штурвалу. — Что случилось-то? Увидели девчонку за штурвалом? Так все мы помним — это Кристин, сумасшедшая дочка своего сумасшедшего отца! Правда, повзросла... Но это же нормально, плавание было долгим, так говорит легенда! Вот и корабль постарел. Все, как нам

обещали сказочники на островах! Значит, и золото имеется. А за ним мы и пришли!

Несмотря на отсутствие мачты и низкую осадку — которая говорила, что трюмы «Ла Навидад» вовсе не пусты, корабль шел довольно быстро, подгоняемый ровным попутным ветром. Поймал этот ветер и «Монморанси», чье днище не заросло ракушками, и расстояние между кораблями мало-помалу сокращалось. Но куда быстрее приближался к этой паре корабль с черными парусами, хотя был еще далеко.

— Они будто летят на черных крыльях! — закричал один из матросов. — И у них белый флаг!

Белый флаг отчего-то напугал этих головорезов сильнее, чем черные паруса. Алонсо, едва сдерживая возбуждение, подошел к камбузу. Фламель сидел на палубе рядом с дверью и оттирал закопченный котелок. Его приятель-англичанин таился в глубине камбуза. Чем он был занят, арагонец разглядеть не сумел.

— Ну что, мсье Никола, что вы скажете по поводу тех черных парусов?

— Что же я могу сказать? По всей видимости, тот корабль преследует «Ла Навидад» так же, как и мы, — спокойно ответил француз. — Знаете, я до последней минуты сомневался, что «Ла Навидад» появится, и вот он здесь! Это удивительно само по

себе. Еще бы у сеньоров пиратов хватило выдержки его не потопить, чтобы мы могли побеседовать с той мадмуазель.

Любопытный Алонсо улучил момент, когда Фламель чуть нагнулся вперед, и быстро просунул голову в низкую дверь камбуза. За столом сидел Старк и сноровисто чистил дуло мушкета. Рядом лежали два пистолета и перевязь с саблей. На Диего англичанин покосился весьма враждебно.

— Вы мне мешаете, мсье! — Фламель мягко, но сильно оттолкнул Алонсо. — Что вам здесь надо? Ужинать еще не время, да и неподходящий момент сейчас устраивать трапезу.

— К какому бою вы готовитесь, Фламель? С кем?

— Да вам-то какое дело? — Полное лицо алхимика выглядело немного забавным, когда он злился. — Вы лучше для себя решите: вы на чьей стороне?

— У меня свой интерес, — ответил Диего. — Я хочу прежде всего знать правду. А уж потом решу, на чьей я стороне.

— А хотите знать — так не дайте убить тех, кто знает! Потому что есть много тех, кто очень хочет, чтобы знание умерло вместе с ними! — Фламель осекся, словно решил, что сказал слишком много. — Если вам нужно золото, то вы с пиратами. А если знания, тогда с нами. Вот и все, мсье Алонсо, что я могу вам сообщить.

Желая продолжить разговор, который наконец-то коснулся интересующих его тем, Диего набрал было в грудь воздуха для следующей реплики, но его потянул за рукав штурман. Оттащив арагонца к борту, зашептал ему в ухо:

— Все, никто больше не хочет капитаном О'Лири, и проклятое золото Ван Дер Вельде никому не нужно! Посмотрите на черный корабль — он словно летит, он уже близко! Я отношусь к вам как к другу, но говорю один раз: прямо сейчас ступайте к Кнуту и скажите, что хотите в команду и примете все условия. Пока вы остаетесь вроде как приятелем О'Лири — вы в беде. С этим Фламелем тоже не стоит якшаться! Все, сеньор, мы квиты.

Дикобраз, испуганный собственным отчаянным поступком, почти бегом отправился на корму, где собралась кучка моряков во главе с боцманом и Тихим Томазо. Тогда Диего понял, что пора решаться. Если он поддержит команду, то «Монморанси» выйдет из гонки и все возможные призы достанутся другим. В том числе самый главный приз — предмет. Или даже предметы. И не важно, кому они достанутся, Диего в любом случае будет в стороне. Все будет напрасно: и воровство, поставившее его вне закона, и риск, которому он подверг себя, отправившись в плавание на пиратском судне.

«Так не пойдет! — Диего огляделся. — Теперь понятно, что Фламель и Старк на самом деле готовы поддержать капитана. А Джеймс пойдет до конца, он как охотничий пес, взявший след. И, самое главное, этот пес служит только себе, а не каким-нибудь «охотникам»! Будь что будет».

Он прошел в каюту и к пистолету за поясом добавил второй. Поразмыслив мгновение, распихал по карманам запас пуль и кожаный мешочек с порохом. Когда Диего вновь появился на палубе, путь ему преградили два матроса. Арагонец положил руку на эфес сабли и вопросительно посмотрел на них. Переглянувшись, пираты пропустили его к мостику.

— О'Лири, твоя команда, кажется, решила сместь капитана.

— Уже? — хохотнул ирландец. Разбитая, обгоревшая кормовая надстройка «Ла Навидад» была прямо перед бушпритом «Монморанси». — Чертovy трусы! Но в чем-то Томазо и Кнут правы: скорее всего, будет драка, и у нас плохие шансы. У испанца пушки в несколько рядов, как зубы у акулы! Он может забрать все. Отчего ему так и не поступить? Я бы взял свое.

Остальные корабли маленькой эскадры были уже рядом, они стягивались ближе к материку, загораживая путь упрямо шедшему вдоль берега «Ла Навидад». Оглянувшись, Диего увидел и черного

преследователя. Теперь можно было рассмотреть матросов на его палубе.

— А на флаге у него — черная звезда! — сообщил ирландец, заметив взгляд Алонсо. — Быстр, как редкая рыба! Эх, мне бы такой корабль. Но думаю, моя судьба — встать на мостик вот этого разбитого корыта, что перед нами!

— Вы в самом деле в это верите, Джеймс? — Диего, положив руки на пистолеты, наблюдал, как вооружается команда. — Они вот-вот нападут! Что нам делать?

— Вы со мной? Я в это верил, потому и защищал вас! Да, я верю в свою удачу, она это любит! — О'Лири взял на румб левее, чтобы не врезаться в «Ла Навидад», и начал обгонять его, идя борт в борт. — Нет, пристрелить капитана в спину — это не по нашим понятиям. Сперва они будут говорить. Хотя и недолго. Когда настанет время, стреляйте, не заставляйте повторять.

— Стрелять? Но их много, а мы как на ладони!

— Не брошу же я штурвал? А передоверить никому нельзя, они ведь этого и хотят. Верьте в удачу, Диего, и стреляйте не раздумывая. У вас это, помнится, неплохо получалось. А как не из чего будет стрелять, работайте саблей. Надеюсь, мы не будем вдвоем, найдутся еще желающие продолжить погоню. Я видел, вы ходили на камбуз?

В этот момент Диего схватил его за плечо и указал на «Ла Навидад» — ему показалось, что в щели разбитого борта мелькнуло чье-то лицо.

— О, конечно, Кристин там не одна! — рассмеялся ирландец. — Команда там есть, и в руках у них мушкеты. Но я желаю еще успеть перекинуться парой слов с малышкой Ван Дер Вельде.

— О’Лири! Ты слышишь меня, ирландец? — на палубу перед мостиком вышел Томазо с мушкетом в руках. — Команда провела собрание. Все, кроме двух, согласны, что нам нужно выбрать нового капитана. Мы не хотим больше играть с дьяволом и «Ла Навидад»!

— А я хочу, и я все еще капитан! — прокричал в ответ Джеймс. — Собрания команды не проводятся во время шторма или боя!

— Нет никакого боя! — возразил Томазо.

— Нет, так будет! — «Монморанси» почти поравнялся с «Ла Навидад», и невольно взгляды всех обратились на девушку за штурвалом полуразбитого корабля. — Не хочешь поздороваться, Кристин? Я качал тебя на коленях! Как поживает твой грешный папаша?

— Когда меня качали на коленях, О’Лири, ты пил молоко и ходил в церковь на своем задрипанном острове! — звонко ответила Кристин. — Рада видеть тебя не на виселице! Отец никогда не вернется из рейда.

— Жаль, он был славным пиратом! Может быть, переговорим в чьей-нибудь каюте? Твоя, кажется, немного пострадала, но я не гордый!

— Прыгай, если хочешь! — донеслось с «Ла Навидад». — Но вообще-то мне немного некогда.

— Скажи хоть, кто за нами идет под белым флагом с черной звездой?! — крикнул О'Лири, но Кристин, не отвечая, закрутила штурвал, уходя еще ближе к берегу.

На выстроившихся перед ней кораблях открывали пушечные порты, что-то оживленно сигнализировали марсовые матросы. Диего снова оглянулся и увидел, что силуэт черного корабля вырос в два раза. Он и правда словно летел по волнам. Капитан с запозданием повторил маневр «Ла Навидад».

— Проклятье, ветер тоже изменился... — изумленно пробормотал он. — Снова попутный!

— Отводи нас от «Ла Навидад», О'Лири, или, клянусь... — Кнут поднял мушкет и прицелился.

— Пора! — крикнул Джеймс, но Диего выстрелил еще раньше.

Теперь все решилось окончательно, и даже призрачная надежда что-либо исправить исчезла. Не успел боцман упасть с пробитой пистолетной пулей грудью, как почти одновременно грянули еще два выстрела. С головы капитана О'Лири слетела

его щегольская шляпа, а матрос, чей выстрел ее сбил, рухнул на палубу. Стоявший возле камбуза Старк отшвырнул мушкет и выхватил пистолеты. На судне воцарилась тишина, нарушаемая лишь хлопаньем парусов и поскрипыванием корпуса. Десяток мушкетов смотрели на капитанский мостик, еще столько же — в сторону камбуза.

— Джеймс, ты ведешь нас на мели! — закричал вдруг Дикобраз. — Остановись, она сейчас разобьет «Ла Навидад», и мы налетим прямо на них!

Действительно, Кристин вела свое судно возле самого берега, а впереди дорогу ей преграждал мыс, за которым располагалось устье безымянной реки. Три корабля под разными флагами ложились в дрейф, разворачиваясь бортами для пушечных залпов. Но на «Ла Навидад» и не думали менять курс.

— Дьявольщина! — в каком-то восторге заорал О'Лири. — С моря идет волна, смотрите! Нас поднимает футов на пять!

Тихий Томазо кинулся к борту и тоже выругался. Моряков охватил священный ужас — таким волнам просто неоткуда было взяться в узком проливе. Но они были и помогали кораблям проходить над песчаными мелями. И тогда раздались первые пушечные выстрелы. Они донеслись со стороны кормы, а мгновением позже прямо перед носом «Монморанси» воду вспенили упавшие ядра.

— Может, он в нас стрелял, а может, и в «Ла Навидад», — прозвучал низкий голос Томазо. — Джеймс, если ты сейчас не свернешь, ты погубишь нас всех.

— Или сделаю богатыми, забыв все зло! — хрюп-ло ответил ирландец. — Ну же, такого с вами больше никогда не случится!

Все произошло очень быстро. «Ла Навидад» прошел возле самого мыса, минуя сторожившие его корабли, и никто из них не выстрелил — там до последнего момента ждали крушения. Когда же дымы залпов окрасили борта сразу всех кораблей, каждому на «Монморанси», следовавшем тем же курсом, что и Кристин, стало ясно, куда попадут ядра.

— Спасайся!! — успел вззвизгнуть Луис Дикобраз, и матросы кинулись врассыпную.

Совместный удар сразу с трех бортов, в том числе могучего испанца, был страшен. Взрывы следовали один за другим, и Диего показалось, что взорвался уже и сам «Монморанси». Его сбросило с мостика и покатило по палубе, которая вздыбилась обломками досок и отшвырнула его к грот-мачте. Он вцепился в ее основание и закрыл глаза, слыша взрывы уже не оглохшими ушами, а всем телом. Когда канонада прекратилась, он не сразу это понял.

— Встань, встань!! — кричал ему прямо в ухо черный от дыма Фламель. — Надо уходить!

С третьего раза Диего удалось подняться, а когда француз успел вложить ему в руки заряженный мушкет, он так и не понял. К его удивлению, «Монморанси» продолжал плыть и, хотя на палубе валялось немало обломков рей, сохранил все мачты. Где-то на корме начинался пожар. Стонали раненые.

— О’Лири, передай привет Тичу, когда встретишь его в аду! — Томазо, шатаясь, шел к мостику, размахивая топором. — Кончай его, парни, он предал интересы команды!

Корабль ощутимо кренился на левый борт. Окончательно прия в себя, Диего разглядел среди клубов дыма капитана — тот продолжал управлять кораблем. Проскочив мыс, они вошли в реку, и теперь усилившийся ветер гнал их вверх по течению. «Ла Навидад» виднелся уже в паре сотен футов впереди. Поискал взглядом Фламеля, Алонсо обнаружил француза рядом со Старком, который держался за плечо.

— Остановись, Томазо! — Диего поднял мушкет. — Остановись или я разнесу тебе голову!

— Убейте аббатишку! — не оглядываясь, распорядился Томазо, и сразу несколько матросов двинулись к арагонцу. — Обернись, ирландское отродье, я уже рядом!

Джеймс не обернулся. «Ла Навидад» уходил вверх по течению и словно уносил с собой ветер. Вот только что он надувал уцелевшие паруса, а теперь едва дул, собираясь окончательно стихнуть. В ярости ирландец закрутил штурвал, направляя «Монморанси» к заболоченному берегу. Томазо уже поднимался на мостик, когда Диего решился и выстрелил. Тут же перехватив тяжелый мушкет, он, словно дубиной, расчистил себе дорогу и подбежал к Фламелю.

— Что теперь?! — закричал Диего, обращаясь к коку. — Что теперь, как мы догоним их?

— Теперь надо покинуть этот корабль, а потом разберемся! — ответил француз и попытался поднять Старка. — Помоги мне!

Новый удар сотряс корпус «Монморанси», и все опять повалились на палубу. Теперь корабль налетел на песчаную отмель возле берега. О’Лири на прощанье стукнул кулаком по штурвалу и выхванил пистолеты.

— Если кто хочет получить свинец вместо золота, пусть попробует последовать за мной!

Капитан, теперь уже бывший, перемахнул через борт и оказался в зарослях высокой речной травы. Туда же Диего и Фламель спустили раненого Старка, прежде чем покинуть «Монморанси» самим. С борта по ним никто не выстрелил — потерявшей

обоих лидеров команде было чем заняться. Утопая в иле, черпая краями сапог воду, четверо беглецов кинулись прочь.

— Проклятье! — выкрикнул вдруг О'Лири, оглянувшись. — Как он все-таки быстр!

Мимо «Монморанси» проходил галсами черный корабль, а ровные буквы на борту сообщали его название: «Блэк стар». Матросы в черном сновали по палубе и вантам. На мостице стоял человек в плаще с капюшоном, по всей видимости — капитан. Ветер не помогал «Блэк стар», ему приходилось бороться с течением, и «Ла Навидад» постепенно увеличивал расстояние. Но длинный, хищно вытянутый бушприт корабля будто заявлял о несгибаемом упорстве преследователя.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВВЕРХ ПО РЕКЕ, ПОД ПАРУСОМ И ПЕШКОМ

Парусное судно способно на многое. Самый недружелюбный ветер можно использовать, если есть хорошая оснастка и умелая команда. А если на шее капитана к тому же висит серебристая фигурка дельфина, ветер будет попутным всегда. Тогда не страшно течение, и даже мели незнакомой реки корабль сумеет обойти. Но все это — пока есть паруса. Без них даже попутный ветер становится бесполезным.

Кристин вела «Ла Навидад» вверх по реке до сумерек, стараясь уйти как можно дальше от устья. Она не верила, что пираты рискнут далеко продвинуться по пресной воде — если здесь что-нибудь случится, помочь не придет. Когда сторожа не дождутся возвращения жертвы в море, возможно, сюда придут другие искатели приключений. У них

будут юркие каноэ, и тогда поиски легендарного корабля с грузом золота станут вполне реальным делом. Пока же путешествие по неизвестной реке было для загонщиков равносильно самоубийству.

Когда на реку стали опускаться сумерки, Кристин начала приглядывать местечко, подходящее для стоянки. Прежде ей не доводилось ходить по рекам, не говоря уж о том, чтобы бросить якорь. В пути она держалась стремнины, справедливо полагая, что дельфину легче справиться с течением, чем с речным илом у берегов, который в любой момент мог облепить киль судна. Им повезло, и, несмотря на все притчания Тощего Бена, «Ла Навидад» ничуть не пострадал.

— Прямо тут и зацепимся за дно! — предложил плотник, когда капитан решила остановиться. — А что? Здесь глубина хорошая, зачем же приключений искать? Хватит на сегодня.

— Течение! — напомнила Кристин. — Под нами ил. Если ночью якоря поползут, то куда нас снесет?

Немногочисленная команда во главе с капитаном дружно прошла на корму и присмотрелась к небольшому мысу, заросшему высокой травой. За мысом начинался густой, влажный лес, почти сплошь покрывающий берега реки. Потревоженные кораблем птицы кричали все тише.

На Флориду мягко опускалась ночь.

— Если вот туда снесет, то там и останемся, — боцман сплюнул за борт, и еще с минуту все молча следили, как плевок плывет по течению. — Ну точно, туда. Речной ил — коварная штука, Бен, а местные реки его много тащат. Наш киль просто занесет под водой этим илом, а тогда и дельфин нам не помощник — силенок не хватит сдвинуть «Ла Навидад».

Повинуясь желанию Кристин, серебристая фигурка приманивала слабый ветерок, позволявший «Ла Навидад» держаться на одном месте, но на ночь так оставаться было нельзя. Быстро темнело. Всмогревшись в берега, капитан приняла решение.

— Вон тот проток! — указала она. — Подойдем поближе и на шлюпках отвезем якоря на берег. Зачепим их за деревья по обеим сторонам протока и вытравим цепи так, чтобы течение нас не снесло ни в одну, ни в другую сторону. Что думаете?

Лучшего выхода никто не предложил. Кристин, шепча просьбы дельфину, как можнотише подвела «Ла Навидад» к узкому протоку, над темной водой которого с обеих сторон нависали тяжелые ветви. В сотне футов уже ничего нельзя было разглядеть: туда не проникали лучи заходящего солнца. Они начали спускать шлюпки, когда ниже по течению раздался шумный всплеск.

— Все демоны ада! — Боцман оглянулся и схватился за мачту, чтобы не упасть. — Он спятил!

Моррисон имел в виду капитана «Блэк стар», который черным призраком выходил из-за поворота реки. Снова закричали птицы, но Кристин их не слышала. Она во все глаза смотрела на черные силуэты матросов — в сумерках те снимали и ставили паруса, борясь с опасным боковым ветром и встречным течением. Плавание по неизвестной реке было смертельным риском, но капитан «Блэк стар» или слишком верил в свою удачу, или...

— Парусник! — выдохнул Бен. — Рыба-парус ведет его, почти как наш дельфин! И как быстро!

Они промедлили лишь минуту, а «Блэк стар» уже нацелил на «Ла Навидад» свой длинный бушприт, словно чудовищное жало. На разворот иозвращение к стремнине времени не было.

— Отставить шлюпки! — Кристин крепче ухватилась за штурвал. — Теперь только вперед!

Она испугалась и очень хотела увести корабль, всем сердцем. Дельфин услышал капитана, и ветер наполнил паруса. Корабль вошел в проток, ломая реями ветви деревьев. От бортов до берега с обеих сторон оставалось не более трех футов.

— Мы сядем!.. — с ужасом прошептал Моррисон, и киль тут же заскреб по дну. Корабль почти

остановился, но новый порыв ветра сорвал его с мели. — Ну, не здесь, так дальше! Это конец!

Далеко впереди, в узком и почти прямом коридоре, образованном высокими берегами и деревьями, блеснул оранжевый свет заката. Там, по всей видимости, протока расширялась. И дельфин, повинуясь воле капитана, погнал «Ла Навидад» на этот свет. Они скребли бортами по берегам, киль выворачивал со дна огромные коряги, которые всплывали за кормой, трещали и ломались о ветви реи, но сильный ветер толкал корабль вперед. Светлое пятно приближалось, и моряки замерли, никак не управляя судном. Только Кристин оставалась за штурвалом и старалась не думать ни о чем, кроме желания оказаться там, где уже сверкала широкая водная гладь.

И «Ла Навидад» вырвался из протока. Мачты, оставшиеся почти без реи, угрожающие раскачивались — поддерживающая их оснастка была оборвана. Искромсанные ветвями паруса повисли огромными лоскутами, почти полностью скрыв палубу. И все же они оказались в широкой заводи. Корабль скользил по воде лишь силой инерции, потому что ветер, посланный дельфином, уже никак не мог ему помочь. Парусные суда способны на многое, но лишь пока у них есть паруса.

— Кое-что можно сшить! — ободряюще сказал боцман, выпутываясь из-под упавшего на него обрывка. — Если «Блэк стар» не настигнет нас раньше. Они вот там могут обойти, слева, за островком! Там основное течение реки.

Мгновение спустя все, не сговариваясь, кинулись к корме. Они уже отошли на некоторое расстояние от протока, но там, в темной глубине, угадывались контуры черного корабля. Длинный злой бушприт сломался, застряв меж двумя деревьями. Оттуда доносился отдаленный гул перебранки, потом грохнул пистолетный выстрел.

— Уйти подальше... — шепотом сказала Кристин, будто ее могли услышать на «Блэк стар». — Хоть на милю! Спрятаться где-нибудь и чиниться!

— За ночь хоть один парус, а как-нибудь закрепим! — пообещал Моррисон. — И по главному руслу обойдем их. Им не выбраться, в самой середине засели! А мы назад к морю и домой!

— Нас там ждут, боцман, — прервала его капитан. — Мы не сможем сделать ремонт за одну ночь, но этого и не нужно. В устье реки нас ждут, они не уйдут так просто, слишком хорошо подготовились. А еще... Что-то мне не нравится этот крен.

— Сейчас посмотрю, — вздохнул плотник. — Самбо, начинай собирать обломки, опять все в ход пойдет.

Темнота в южных лесах наступает внезапно. В неверном свете ламп они спустили на воду шлюпки и отбуксировали корабль через широкую заvodь. Всю ночь они ждали нападения и целились из мушкетов в каждый шорох. Но от протока, где оказался заперт самый быстрый корабль, который пираты когда-либо видели, лишь один раз донеслось еще несколько выстрелов. Больше «Блэк стар» и его команда никак их не побеспокоили.

Утром Кристин нашла маленькую бухточку, укрытую со стороны воды частым рядом деревьев, и сумела направить туда корабль. Половина дня ушла на то, чтобы замаскировать его ветками. Потом все вместе взялись за поломки, пытаясь хоть как-то сделать «Ла Навидад» снова пригодным для плавания. Моррисон и Ли, чертыхаясь, пытались сшить подобие парусов из расползающейся под швами истрепанной ткани. Спешить, по мнению Кристин, было некуда: их должны были сторожить еще достаточно долго. Но капитан остерегалась атаки на шлюпках со стороны «Блэк стар» или даже шлюпочной экспедиции пиратов вверх по реке от устья. Нужно было как можно скорее вернуть их общему дому плавучесть и способность использовать силу ветра. Дельфин — их единственный козырь. Но работы оказалось больше, чем она думала.

На следующий день к «Ла Навидад» вышли четверо грязных людей, в одном из которых Кристин узнала улыбчивого ирландца О'Лири.

— Соскучилась? — спросил он, не обращая внимания на направленный на него пистолет. — Нет? А я соскучился. Познакомься с моими приятелями!

После бегства с севшего на мель «Монморанси» они оказались в самом настоящем болоте. То ли река недавно разлилась, то ли деревья здесь росли какие-то особенные, не гниющие в воде, но путники пробирались между их стволами по пояс в грязной жиже. Порой кто-нибудь проваливался в глубокие ямы или увязал в засасывающей трясине, и тогда всем приходилось его вытаскивать.

— Хватит, привал! — скомандовал О'Лири примерно через полтора часа страданий. Им как раз удалось найти небольшую возвышенность, по сути крохотный глиняный островок. — Давайте отдохнем. Если за нами кто-то и пошел, то порох у них теперь такой же мокрый, а рубиться лучше, слегка отдохнувши.

Он сапогами разогнал гревшихся на островке разноцветных змей и спокойно уселся. Одна маленькая оранжево-красная змейка, спасаясь,

проплыла прямо между ног у Алонсо, и он испуганно вскрикнул.

— Боитесь змей? — усмехнулся ирландец. — Тогда я вам не завидую, этих тварей тут полным-полно. К счастью, если погромче шуметь, они сами расползаются. Не считая удавов, конечно. Есть и такие, что легко задушат человека!

— Не в этих краях! — возразил потный Фламель, помогая Старку снять сапоги и вылить из них воду. — Подобные твари водятся в Бразилии.

— Вот как? Ладно, пусть в Бразилии, — легко согласился О'Лири. — Но ядовитых пауков и тут полным-полно, не будете спорить? А еще зараза. В этих болотах можно подцепить тысячу лихорадок, и все смертельные. Без рома — пропадем. Но у меня есть фляжка, и я вас спасу.

Алонсо, боязливо пиная сапогами невысокую траву, вышел на островок и первым взял предложенную флягу.

— Что мы будем делать дальше? Далеко ли по реке может уйти корабль?

— Корабль под всеми парусами по незнакомой реке не уйдет никуда! — проворчал бывший капитан, выковыривая пальцем мокрый порох с полки пистолета. — Надо пустить вперед шлюпку, мерить дно... Но у «Ла Навидад» почему-то получается то, что больше не получается ни у кого. Впрочем,

я не прав! У этого «Блэк стар» тоже вышло неплохо, вот только ветер ему не помогал. Лихо же все получилось! Такая сильная эскадра, такая хитрая ловушка... А теперь они там стоят и думают: вернется «Ла Навидад» вниз по течению или исхитрится уплыть по рекам в Тихий океан? Я бы не удивился.

— Скоро стемнеет! — сказал Старк. — Я не верю, что даже такой волшебный корабль может идти ночью по здешним рекам.

— А вот это верно! — согласился О'Лири. — Еще можно надеяться, что у Кристин нет карты этой реки — не ждала же она ловушки? Тогда просто не повела бы корабль этим проливом. Зато у нас карта есть.

Все посмотрели на Фламеля, который с удрученным видом копался в мешке. Заметив, что все притихли, алхимик поднял голову.

— Сухари промокли. Даже доставать страшно, каша одна... Да, я видел карту этих мест, и у меня была возможность хорошенько ее запомнить. Но глубины мне неизвестны.

— Плевать на глубины, нам же плыть не на чем! — воскликнул ирландец. — Вспомните карту и скажите: как далеко может пройти корабль? Ну, как бы вам сказать... Если помните карту, прикиньте как-нибудь. Широка река к западу или разбивается на рукава?

Прикрыв глаза, француз сосредоточился, вспоминая виденную когда-то карту. Когда он долго, несколько часов рассматривал ее, запертый в кабинете у одного очень необычного месье, ему и в голову не приходило, что придется решать такую задачу. Фламель мечтал в те часы, что удобный лагерь он устроит на мысе близ устья реки, а поисковые экспедиции на шлюпках будут отправляться выше по течению, к поселению атлантов. Забирая карту, хозяин кабинета с усмешкой сказал алхимику, что он обязательно побывает в этих местах. И вот это сбылось.

— У атлантов были достаточно большие корабли, — сказал он наконец, и Диего с Джеймсом переглянулись. Начало их не слишком обнадежило. — Они поднимались по руслу до самого города, это милях в тридцати выше по течению. Но с тех пор, за тысячи лет, многое могло измениться. Вот и капитан О'Лири говорил, что я немного неверно рисую берег моря — это и есть те самые изменения. Не думаю, что река стала более судоходной. Вполне возможно, что атланты сами углубили ее русло, создав, так сказать, фарватер. Орихалк давал им невиданные возможности!

— А если все же не про атлантов, а про «La Навидад»? — попросил Диего. — И покороче, пожалуйста.

— Извольте. Я думаю, «Ла Навидад» вряд ли ушел выше озера, или разлива, который река должна образовывать милях в десяти-пятнадцати к северу. Если, конечно, за тысячи лет с этим озером ничего не произошло. Дальше — много притоков. Маловероятно, что по ним пройдет корабль.

— Десять-пятнадцать миль! — Алонсо нацепил сброшенную перевязь с саблей и быстро натянул не успевшие просохнуть сапоги. — Надо идти. Это не так далеко, и если...

— А если завтра на рассвете мы увидим «Блэк стар», идущий вниз по течению, и Кристин Ван Дер Вельде, привязанную к его мачте, что тогда? — прервал его ирландец. — Не торопись, Диего, верь в удачу. Я думаю, нам уже пора перейти на «ты»? Прекрасно. Вот вам кинжал, Фламель. Рисуйте карту на глине, хоть приблизительно.

— Зачем же приблизительно? — Алхимик с готовностью взял стило. — Я помню точно. Вот только возможные изменения местности могут стать для нас сюрпризом...

Диего мало что понимал в нацарапанной кое-как схеме. Зато О'Лири и Старк склонились над ней с большим интересом.

— А это что? — спросил англичанин, ткнув пальцем здоровой руки в рисунок. — Гора?

— Скалистая гряда. Она начинается на мысе и уходит в материк, постепенно становясь выше.

— Отлично! — О'Лири отобрал у француза кинжал и провел линию. — Перед скалами наверняка возвышение, значит, болота там нет. По сухому лесу мы сможем двигаться быстрее, хотя и отойдем от берега. Небольшой крюк себя окупит: мы уже завтра выйдем к этому озеру, если оно есть.

— И там найдем «Ла Навидад», с командой или без, — согласился Старк. — Да, надо идти к скалам.

Фламель спорить не стал, а мнением Диего никто не интересовался, что немного расстроило арагонца. Решив выбраться из заболоченной местности до заката, они быстро прикончили флягу Джеймса, зачерпнули по горсти «каши из сухарей» и опять по пояс окунулись в теплую, грязную воду. Во время нового марша Алонсо окончательно измотался, а заодно познакомился еще с одним видом обитателей болот: аллигатором. Крупный, в человеческий рост хищник был почти незаметен среди тины, и Диего имел все шансы встретиться с его зубами. Но О'Лири заметил аллигатора раньше.

— Красавец! — сказал он и, выхватив тяжелую саблю, несколько раз ударил плашмя перед его носом. — Пшел вон, пучеглазый! Ну, кричи на него, Диего!

Аллигатор убрался неохотно, и арагонец понял, что окажись он тут один — не выйти бы ему из флоридского болота. Остальной путь они миновали без приключений и на закате, покрытые грязью и нахлебавшиеся болотной воды, выбрались на поросшую лесом возвышенность. Там они, обессиленные, и заночевали, не разводя костра.

Утром, позавтракав ставшей чуть более плотной «кашой», путники по сухому лесу пошли гораздо быстрее и к вечеру услышали чьи-то голоса. Оставив раненого Старка и слишком шумного Фламеля позади, Диего и О'Лири отправились на разведку. Так они и вышли к тому самому протоку, через который благодаря фигурке дельфина смог пройти «Ла Навидад» и где застрял, казалось, навсегда, узкий корпус «Блэк стар». Глазам разведчиков открылась удивительная картина: моряки в черном трудились слаженно и самоотверженно, словно муравьи. На могучих стволах деревьев оказались уже закреплены блоки, крепкие канаты приподнимали и тащили вперед по протоку корабль. Тянули канаты матросы дружно, под резкие команды то ли офицеров, то ли надсмотрщиков — у некоторых в руках были плетки, их они без промедления пускали в ход. Работа явно спорилась, хотя выглядел корабль со сломанным бушпритом словно инвалид.

— Удивительные люди! — прошептал О'Лири. — Где набрать такую послушную и трудолюбивую команду? Вот что дороже золота, а никакой не орихалк!

— Тут земля вскопана... — Диего осторожно раздвинул кусты. — Смотри, Джеймс! Зачем они вскопали землю?

— Догадайся! — Ирландец ухмыльнулся. — Бывалый ты парень, сеньор Алонсо, а свежих могил не видел?

— Кто же тут лежит? Это же надо...

«Надо быть великанином», — хотел сказать Диего, глядя на большой прямоугольный холм свежевскопанной земли, но осекся. Здесь похоронили человека пять-шесть, а копать для каждого отдельную яму сочли излишней роскошью.

— Значит, они догнали «Ла Навидад». Был бой, но дочь Ван Дер Вельде сумела улизнуть!

— Может, и был бой. — Капитан с сомнением покачал головой. — А может, кто-то работал плохо. Интересные люди на этом корабле... Говорят по-английски, а ведут себя словно грешники в аду. Тогда в начальниках у них — сущие черти! Пойдем искать «Ла Навидад». На наше счастье, «Блэк стар» его не настиг.

Они вернулись к товарищам и продолжили нелегкий путь вдоль берега. Только на следующий

день, скорее случайно, чем в результате целенаправленных поисков, им посчастливилось наткнуться на спрятанное судно...

— Ну, опусти же пистолеты, сестренка! — О'Лири показал Кристин пустые ладони. — Мы пришли как друзья, мы нуждаемся в помощи. Это сеньор Диего Алонсо, и обычно его усы не висят вниз, как у мокрого кота. Это — Никола Фламель, большой ученый. Ну, и еще с нами Том Старк, который говорит о себе как о простом моряке, но больше всего похож на человека, которого кто-то послал проследить за судьбой «La Навидад».

Кристин направила пистолет на Старка, и измученный поисками англичанин с трудом улыбнулся.

— Да, так и есть.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ДВА КАПИТАНА И ХРОМОЙ КОРАБЛЬ

К вечеру корабль был способен плыть. Любой шторм, даже самый робкий, представлял для «Ла Навидад» серьезную опасность, а о том, чтобы выдержать хоть сколько-то серьезный бой, не было и речи. Тем не менее плыть корабль мог. Единственный кливер и немного неровный нижний парус на гроте позволяли ловить достаточно ветра, только обращаться с ними следовало очень осторожно. Пробное плавание по созданному рекой озеру капитан решила провести следующим утром, но появление беглецов с «Монморанси» спутало ей все карты. Проверить «Ла Навидад» пришлось раньше, у них на глазах, и капитану было стыдно.

— Позор какой-то! — вздохнула Кристин. — Вот уж не думала, что буду капитаном на такой посудине! Но ничего, мы еще приведем «Ла Навидад» в порядок.

— Капитан... — протянул О'Лири и с хрустом разломил очередной сухарь. — Все на островах знают, что ты хотела быть капитаном, — но кто мог подумать, что ты им станешь? Но какого корабля! М-да, я бы тоже хорошенько подумал, прежде чем стать капитаном на судне, которое исхитряется плыть, хромая на обе несуществующие ноги...

Кристин мрачно посмотрела на чересчур болтливого ирландца, но тот в это время весело подмигивал Диего. Арагонец понял: О'Лири напоминает, что о его мечте стать капитаном «Ла Навидад» и привести его с грузом золота на острова лучше помалкивать. Он улыбнулся в ответ. Пока что не было ни одной причины ссорить двух капитанов, и об окончании островной легенды о «Ла Навидад» действительно не стоило болтать. Правда, ни Диего, ни Джеймсу не было известно, что успел рассказать девушке Фламель.

— Я могу поговорить с капитаном наедине? — спросил француз парой часов раньше, когда Кристин и ее товарищи держали пришельцев на прицеле. — У меня, возможно, есть ценная информация для вас.

— У него — точно есть! — Кристин качнула пистолетом в сторону Тома Старка. — Кто тебя послал?

— Я не знаю имен. Меня нашли в Греции, когда я после некоторых неприятностей с законом... Да что рассказывать? У них моя семья. Мне приказали вступить в команду капитана Стивенса, на Тортуге кто-то замолвил ему за меня словечко. Я должен был следить за ним и, если у Стивенса, которого наняли за плату, окажутся некоторые вещи, — убить его, забрать приз и принести его в один дом в Гаване. Что это за вещи — вы лучше меня знаете.

Моррисон негромко выругался и придинулся ближе к Кристин, продолжая целиться в Старка из мушкета.

— Вообще-то я хотел сказать кое о чем более важном! — снова заговорил О'Лири. — Мы видели «Блэк стар». Они тащат его по узкому руслу, как муравьи гусеницу, клянусь, и мой друг Алонсо подтвердит мои слова!

Диего кивнул.

— Сегодня им не вытащить корабль, но, если будут работать и ночью, а скорее всего так и случится, уже завтра к полудню они продолжат погоню.

— Проклятье! — Капитан подошла к ирландцу. — Скажи правду, О'Лири: нас будут ждать у моря или эта эскадра — просто случайность?

— Будут ждать, — вместо О'Лири ответил Диего, и теперь кивнуть пришлось Джеймсу. — Все

уверены, что у вас на борту большой куш. И у меня есть основания полагать, что дело не только в золоте.

— Не только в золоте? — насторожилась Кристин.

— Нам стоит поговорить наедине! — настойчиво повторил Фламель. — Мсье Алонсо знает немногого, а мсье Старк, поверьте, лишь пешка в чужой игре. К тому же он искренне хотел бы отомстить своим... нанимателям за нанесенную обиду. Ему лишь нужно помочь.

— Я сразу понял, что ты человек охотников, Том, — Диего стало обидно, и он решил показать Кристин, что знает не так уж мало. — Капитан Ван Дер Вельде, если я правильно к вам обращаюсь, могу ли я рассчитывать, что вы расскажете мне вашу удивительную историю?

Он церемонно раскланялся и понял, что перепрограммировал: с ног до головы покрытый грязью человек, кланяющийся тем, кто готов его пристрелить, выглядел по меньшей мере смешно. Впрочем, рассмеялся только Джеймс.

— Вот что! — Кристин не обратила особого внимания на слова Алонсо. — Как вас там... Фламель? Будь по-вашему, отойдем.

Но прежде, чем француз смог подойти к капитану, два матроса, чернокожий и китаец, сняли

с него перевязь с саблей и пистолетами, а потом тщательно обыскали. О'Лири отпустил шутку по поводу преданности команды своему юному капитану непривычного пола, но пираты с «Ла Навидад» посмотрели на него так, что ирландец смущился.

— Давайте-ка побыстрее! — потребовала Кристин, как только они с Фламелем отошли от остальных на несколько шагов. — И предупреждаю, я пристрелю вас раньше, чем вы только соберетесь напасть. Та же судьба ожидает ваших друзей — нам терять нечего.

— Я постараюсь, — честно сказал Фламель.

Он изменился. Исчезла мягкая складка возле рта, так шедшая образу толстого добряка, жестче стал взгляд внимательных глаз, и даже щеки каким-то образом перестали быть пухлыми. Кристин видела Фламеля всего несколько минут, но и она почувствовала произошедшую в нем перемену. Особенno ее удивили и даже немнogo напугали глаза: они будто мгновенно постарели, хотя морщин вокруг них вовсе не прибавилось.

— Вы напрасно ввязались в это, — сразу сказал француз. — Совершенно напрасно, мадмуазель. Насколько я понимаю, дело пирата — нападать на корабли и колонии. Вы замахнулись на большее. Мне сообщили, что вы, кажется, хотели ограбить

самого «Эль Драко», сэра Дрейка, и для этого переместились в то время, когда он захватил караван с серебром?

— Вы сами сказали: дело пирата — грабить. Да, таков был наш первый план, но потом мы нашли добычу пожирнее. Вы обещали быть короче, так я вам подскажу, как это сделать: расскажите все по порядку. Кто вы?

— О, это была бы слишком длинная история! — улыбнулся Фламель. — А многие знания — многие печали, вы теперь и сами это знаете. Вот что важно для вас: я живу на этом свете давно и знаком со многими людьми. Некоторые из них всегда представляли для меня загадку, но я — ученый, а не следователь. В конце прошлого года один из таких моих знакомых отыскал меня в Европе и показал нечто, относящееся к предмету моих научных изысканий. Речь об орихалке, металле с совершенно необычными свойствами, который дал необыкновенную власть и славу Атлантиде. Секрет орихалка был утерян, и никто не знает, существуют ли еще его залежи где-либо на земле. Мне показали древнейшие книги, и мне страшно подумать, из какой библиотеки их могли принести. Боже, что еще там может пылиться! Я узнал о том, что атланты предвидели катастрофу и собирались переселиться сюда, на Флориду. Они что-то нашли

здесь, но что — я не знаю... Перед самой гибелью Атлантиды сюда отплыл корабль с грузом орихалка. Мне показали карты, где было четко отмечено место. А потом рассказали о «Ла Навидад».

— Наконец-то! — Кристин, начавшая терять терпение, поглядывала в сторону Алонсо. Сеньор, подкручивая усы, пытался завязать разговор с Бартоломеу. — Вот и я заметила, что слишком много людей, оказывается, знают о моем корабле едва ли не больше, чем я! Что вам рассказали и кто рассказал, черт вас возьми?

— Вам ничего не скажут их имена, — уверенno сказал алхимик. — Имена меняются, люди остаются. Их нельзя найти, они сами могут отыскать вас, если захотят. И у них есть враги, столь же неуловимые. Мне рассказали, что вы вернетесь, с золотом и... кое-чем еще, более ценным. Вы рискнули воспользоваться шансом перенестись во времени, капитан Кристин. Как естествоиспытатель и ученый, я вас понимаю и завидую. Но вы ограбили золотой запас тех, кто куда сильнее вас. И даже не в золоте дело, золото для них как пыль под ногами. Вы за владели несколькими предметами.

Кристин вздрогнула. Француз, не отрываясь, смотрел в ее разноцветные глаза.

— Я могу хотя бы взглянуть? — вдруг спросил он.

— Нет, — отрезала девушка. — И я не понимаю, о чем вы говорите.

— Перестаньте, пожалуйста! Вы забрали самое ценное для охотников. Мне ничего, почти ничего не известно о предметах и охоте на них. Но что, если они созданы из орихалка... — Ученый вздохнул, и сосредоточенное выражение вернулось на его лицо взамен мечтательного. — Хорошо, оставим орихалк. Этот человек, мой странный знакомый, сказал, что я обязательно увижу поселение атлантов, и вот теперь я полностью ему верю. Еще он сказал, что я увижу вас и должен передать вам вот что: капитан «Блэк стар» обладает предметом в виде рыбы-паруса. Она будет идти за вами, чувствуя ваш предмет. Эта фигурка обладает свойством выслеживать добычу. Если хозяин предмета намерен что-то получить, то рыба-парус подскажет ему, где найти искомое, будь то золото, человек или предмет, как у вас. Мне сказали также, что рыба-парус могла начать преследовать жертву еще до того, как попала к нынешнему обладателю. Его тоже могут просто использовать, а он не в силах сопротивляться и стал лишь приложением к предмету.

— Рыба-парус — предмет, который может найти человека? — заинтересовалась капитан. — Любого, везде?

— Рыба-парус преследует жертву. Человека или вещь. Например — ваш предмет, — повторил Фламель. — Укрыться от нее можно только или на очень большом расстоянии, что невозможно в создавшейся ситуации, или... В другом времени, например. Насколько я понимаю, оттого «Блэк стар» и поджидал вас в засаде. Я прав? Вы пришли из другого времени?

Кристин, услышав, что от рыбы-паруса можно скрыться в другом времени, почти утратила к разговору интерес и молча смотрела на француза. Он пожал плечами.

— Напрасно вы мне не доверяете, у меня нет причин для вражды. Я всего лишь передаю вам то, что обещал. А мне сказали: если ваш корабль больше не может уходить от преследования, вы должны оставить его и попытаться скрыться от быстроходного «Блэк стар» каким-то иным способом.

— Оставить «Ла Навидад»? — Кристин немного неестественно удивилась. — Я — капитан. Я могу оставить только тонущее судно.

— Еще этот человек просил передать вам, что предметы, вам принадлежащие, не должны достаться ни капитану «Блэк стар», ни другим претендентам. Это повлечет за собой неблагоприятные для вас, и не только, последствия. Да, и последнее: пока с вами тот предмет, что привел вас к острову

Оук, вы еще можете снова увидеть Дюпона. Я передал вам все дословно, что именно это означает — вам видней. Могу только добавить, что человек, говоривший со мной, явно имел некоторое представление о будущем. Например, о сроках возвращения «Ла Навидад». Откуда на островах взялась легенда — понятия не имею.

— О чем-то он имел представление, а о чем-то почему-то нет... — Она вздохнула, с подозрением разглядывая француза. — Если ваш знакомый знал будущее, зачем ему понадобилось вас посыпать? Мы бы и так встретились, если все предопределено.

— В другом нашем разговоре он заметил как-то раз, что будущее не может быть определенным, оно всегда неизвестно. А если так, то не может быть определенным и прошлое. Тут дело в одном довольно забавном уравнении, о котором нам, наверное, не время говорить...

Кристин совершенно не понравилось предложение Фламеля покинуть корабль. Не понравилось потому, что сама она часто об этом думала в последние дни, а теперь услышала от человека, доверять которому не имела никаких оснований. Если, конечно, не считать основанием сон о Клоде Дюпоне, где тот советовал научиться снова доверять людям. «Только не ошибись!» — предостерегал

Клод. И капитан «Ла Навидад» понимала — сделав ошибку, она потеряет все.

— А зачем вы привели сюда Старка? Насколько я поняла, он служит другим людям.

— Не то чтобы служит... — Фламель замялся, подбирая слова. — Его шантажировали безопасностью близких. Уверен, что на каждом из кораблей, ждавших вас у Флориды, были такие. Старк — авантюрист, сорвиголова, такие люди очень не любят, когда их берут за горло. Да вы, простите великодушно, и сама такая... Одним словом, Старк с самого начала решил во что бы то ни стало за получить ваши предметы, а потом начать торг со своими нанимателями. Но он не питает зла лично к вам. Я объяснил мсье Тому, что, пока предметы не попали ни к кому другому и судьба их неизвестна, за свою семью он может не беспокоиться — в Европе будут ждать от него вестей. Таким образом, Старк сейчас совершенно безопасен: даже похитив предметы, он не сможет в одиночку выбраться отсюда. Разве что долгим маршем по берегу, но это рискованно, а рисковать он, по понятным соображениям, никак не может. Уверен, я уже почти убедил его связаться с моими друзьями и воспользоваться их помощью.

— Ваши друзья, его наниматели... Всем им нужно одно! — Кристин слегка оттолкнула Фламеля,

давая понять, что разговор окончен, и вернулась к пиратам. — Разоружили? Обыскали? Отведите их на палубу, пора перекусить и продолжить работу. Нечего ждать, попробуем пройти немного по заводи — проверим работу Бена.

Несмотря на возражения плотника, так они и сделали. Вода почти не проникала в трюм «Ла Навидад», и паруса позволяли кое-как с ним управляться. Вот тогда О'Лири и сказал, что подумал бы еще, прежде чем стать капитаном такого корабля...

— Я забыл сказать! — Фламель, рискуя получить пулю от боцмана, шагнул к Кристин и горячо зашептал ей прямо в ухо: — На островах рассказывают сказку о возвращении «Ла Навидад», но говорят, что приведет корабль капитан, который не уходил с Van Der Вельде на север.

— И что? Это должно стать для меня поводом уступить кому-то мостик? — скривилась девушка.

Алонсо в этот момент впервые обратил внимание, что у нее разноцветные глаза: один голубой, а другой ярко-зеленый. В памяти арагонца всплыли некоторые строчки из прочитанных документов. «Отличительный признак обладателя предмета — глаза! — вспомнил он. — Так вот что случается с глазами!»

Кристин, между тем, о чем-то тихо посовещалась с боцманом и китайцем.

— Скажи мне, О'Лири, как опытный и славный капитан, — спросила она, вернувшись к пленникам, — а как бы ты спас корабль и команду на моем месте?

— На твоем? Никак, все погибло, — серьезно ответил Джеймс, в то же время холодно усмехаясь в лицо Кристин. — Но на своем месте я бы довел «Ла Навидад» до самой Тортуги вместе с командой. Не так давно я побывал на совещании капитанов четырех кораблей. Мы делили твое золото, уж извини. Но удалось немного переговорить и между собой, я хочу сказать — без испанского капитана... Пираты не любят королевских капитанов, да еще на больших кораблях. Так вот, и негодяй Стивенс, и голландец Ван Бателаан — испанцу не верят ни на грош. Он слишком силен и слишком заносчив. А еще — слишком легко согласился на всего лишь пятую часть добычи. Он что-то задумал, этот испанец, и... Я легко договорюсь со Стивенсом и Ван Бателааном. Моя бывшая команда на «Монморанси», который наверняка уже снят с мели, будет вынуждена присоединиться к договору — не с военным же флотом Испании им договариваться? Нас будет четверо против него. Но золотом придется поделиться. Его много, Кристин? Я хочу посмотреть.

Девушка кивком позвала его и первая спустилась в трюм. Бросив сухари, О'Лири почти бегом

отправился за ней. Попытался присоединиться к ним и рыжий боцман Моррисон, но его капитан отослала наверх.

— И что это значит? — Диего чувствовал себя не в своей тарелке. — Она что, в самом деле так вот возьмет и отдаст Джеймсу корабль?

— Возможно, у капитана Кристин есть на это какие-то причины, — веско заметил Фламель и взял еще один сухарь. — А вы, мсье аббат, или бывший аббат, что предпочтете: отплыть с вашим другом или сопровождать мадмуазель Ван Дер Вельде?

— Будто вы сами не знаете! — оскалился Алонсо. — Ох, Фламель, как я не люблю, когда меня ведят за нос... Лучше бы вам, мсье алхимик, этого никогда не узнать.

От Фламеля он дождался только усмешки, а спустя пару минут на палубу поднялась Кристин. Она отправила вниз боцмана, а сама отошла в сторону, чтобы спокойно поговорить с Ли.

— Решение принято, — сказала она. — О'Лири — балабол, но моряк стоящий, да и удача редко ему изменяет.

— Ты же говорила, что договориться с пиратами нельзя и они заберут все золото! — напомнил Ли.

— Да, но О'Лири имеет авторитет больший, чем я. Я для них — девчонка, которая почему-то вдруг оказалась капитаном корабля. С О'Лири они пойдут

на переговоры. Не знаю, что выйдет... Но команда будет жива, и корабль вернется на острова. А золото — черт с ним! Я разрешу матросам взять себе, кто сколько захочет. Часть они найдут где спрятать, а остальное наденут на себя. Не станут же Стивенс и этот голландец срывать с них цепи и перстни? Так не принято поступать с членами берегового братства. Ты тоже можешь взять все, что захочешь, — там всем хватит, ты знаешь.

— Воздержусь, — склонил голову китаец. — Не люблю золота, люблю только то, что на него можно купить. С тобой также хотят пойти Самбо и Бартоломеу. Мы трое — одиноки в этом мире, в этом времени. Нас никто не ждет.

— Хорошо, — кивнула Кристин. — Я рада, потому что этих трех подозрительных джентльменов придется взять с собой. О'Лири думает только о золоте. Выторговал себе двойную долю от всего, что сможет доставить на острова. Он не просился со мной, а значит, то ли совсем ничего не знает о предметах, то ли не интересуется ими.

— А нашим путешествием? — спросил Ли. — Неужели совсем ничего не спросил?

— Спросил, правда ли, что мы ходили грабить в другие времена. Я призналась, что Ключ от Подземелья Демона у нас был, но он больше не поможет. О'Лири сделал вид, что поверил. Он не глуп,

Ли, и я думаю, что Джеймс просто не хочет навлечь на свою голову все те неприятности, что преследуют нас. Золота ему вполне достаточно. Он даже обещал оставить наши доли, если мы когда-нибудь объявишься. И почему-то просил беречь Фламеля, который хорошо печет оладьи, но этой шутки я не поняла.

— Ты доверяешь этим троим?

— Не совсем. Но это лишний повод не оставлять их на «Ла Навидад». Скажи Моррисону, что отплытие назначено на раннее утро, пусть будет готов. Надо спешить вывести в море корабль и людей, пока «Блэк стар» еще не может всех нас уничтожить. А потом уйдем от реки прочь, и ночные труды «чернышев» окажутся напрасны — их капитану тоже придется оставить судно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

КАПИТАНЫ БЕЗ КОРАБЛЕЙ

На рассвете «Ла Навидад» выбрал якоря и тихо отошел от берега с новым капитаном. О'Лири, сияющий, словно получил не едва живой корабль, а как минимум новенькое стопушечное судно, помахал на прощание с мостика. Горстка оборванных матросов, составлявших команду, вовсе не выглядели веселыми.

— Вы и в самом деле так доверяете Джеймсу? — спросил у Кристин Диего. — Надо признать, капитан — человек непростой.

— Пытаюсь доверять, — У Кристин подозрительно блестели глаза, когда она смотрела на уходящее судно. — Ну, в крайнем случае Моррисон его пристрелит, такой у него приказ. Вы же не думаете, что команда подчиняется новому капитану беспрекословно? Они его не выбирали. О'Лири нужен только затем, чтобы было кому договариваться.

Это он умеет, когда очень надо. Но он — временный капитан. Я еще вернусь к своему кораблю.

Очертания «Ла Навидад» быстро растаяли в рассветном тумане. Надев шляпу, которой она махала скорее боцману, чем новому капитану, Кристин повернулась к Фламелю.

— Вы начертили карту?

— Да! — Он протянул ей обрывок старого пергамента, на котором в восточном красочном стиле было изображено побережье Восточной Африки, и пояснил: — Боцман не нашел ничего пригоднее, и я нарисовал карту на обороте.

— Так... — Кристин перевернула пергамент и брезгливо всмотрелась в неловкие каракули француза. — И где север?

— Примерно в направлении правого верхнего угла. Я думал, важнее понять, где мы находимся, и тогда по изгибам реки станет понятно, что...

— Вы и маршрут наметили? — Кристин поджала губы. — Вот об этом я вас не просила. Зачем нам идти вверх по течению?

— Но город атлантов?.. — Ошеломленный таким отношением к своим изысканиям, француз повернулся к Диего и Старку в поисках сочувствия. — Орихалк намного дороже золота, мадмуазель Ван Дер Вельде! И, хотя для меня дело не в цене, не можем же мы пройти мимо, оказавшись так близко...

Алонсо, сделав бесшумный шаг, заглянул через плечо Кристин. Линия реки на карте описывала широкий полукруг, обходя скалистую возвышенность.

— Вот там сухой лес и идти можно быстро, — сказал он, заставив девушку вздрогнуть и отшатнуться. — И еще там скалы. Скалы всегда лучшее место для засады, чем заболоченный берег.

— Но город атлантов! — Алхимик повысил голос. — Да с помощью орихалка я без особого труда создам вещество, которое будет взрываться с силой, в тысячу раз превосходящей порох!

— Мистер Алонсо туда и предлагает идти. — Кристин сунула карту под нос Фламелю. — Только не вдоль берега, а напрямик. Это ведь возможно? Местность позволит нам сократить путь?

— Не знаю, я не запоминал эту часть карты. — Француз насупился. — Я когда-то строил планы серьезной экспедиции, а она возможна только по реке.

Кристин в который раз вздохнула. Эта троица успела ей надоесть. Старк все время молчал, и это раздражало. Пришлось поручить Бартоломеу следить за ним постоянно и в случае чего — сразу прикончить. Португалец, не любивший тянуть, ждал подходящего момента с нетерпением. Второй, которого О'Лири охарактеризовал как «неплохой человек и хороший стрелок, только вот бывший

аббат», кажется, вздумал проявить к ней интерес как к женщине — постоянно разглядывал, когда думал, что Кристин этого не замечает, и старался хоть как-то помочь. Наконец, Фламель — этот то говорил загадочно и тогда выглядел даже угрожающе, то превращался в малохольного ученого. Когда он валял дурака, а когда был самим собой, Кристин не могла взять в толк. И тем не менее всем им пришлось вернуть оружие.

— Скалы — это хорошо, — решил помочь капитану Ли. — Мы пойдем впереди, а значит, успеем найти местечко для обороны или даже засады.

— Хорошо, — кивнула Кристин. — В сущности, нам все равно, куда идти. Рыба-парус не потеряет след. Скалы так скалы, а там хоть в город этих ваших атлантов. Если так, то сделаем еще небольшой крюк. Посмотрим, в самом ли деле они вытащили корабль из протоки.

Для этого им пришлось идти несколько часов, продираясь через густой прибрежный кустарник. Диего, которому хотелось заслужить доверие Кристин и проникнуть наконец в тайну путешествия «Ла Навидад», старался держаться впереди и заботливо придерживал ветви. Не привыкшую к такому обращению девушку это скорее раздражало, но он ничего не замечал. А еще не замечал Диего, что ему нравится заботиться о необычном капитане.

— Тише! — сказал он, когда впереди блеснула вода. — Где-то здесь мы подходили к берегу. Судя по тому, как поломаны кусты и перепахана земля, они ушли дальше к выходу из протока.

— Работали ночью, — хмыкнул Ли. — Вовремя, значит, мы отпустили «Ла Навидад».

Со стороны разлива реки донесся громкий всплеск. Кристин, отпихнув Диего в сторону,глянула из кустарника. Там, где подгоняемый мощным ветром «Ла Навидад» вышел из протока с ободранными бортами и рваными парусами, теперь качался на воде «Блэк стар». Ночью матросы не только тащили его, но и чинили на ходу — снасти корабля были приведены в порядок.

— И правда, словно муравьи, — пробормотала она. — Мои разгильдяи так работать могли только перед лицом смерти.

— Может быть, и эти — тоже? — прошептал ей в ухо Ли. — Надо уходить, капитан. Фламель ведь сказал тебе, что парусник чует добычу, а его добыча — это ты и...

Он замолчал, в последний момент заметив на вострившего уши Диего. Арагонец сделал вид, что ничего не слышал, но ему сделалось обидно. И Фламель, и даже Старк стали будто бы приятелями Кристин, обладали каким-то общим знанием, и только он оставался чужаком.

— Я подойду ближе, — сказал он. — Стоит взглянуть, что у них с бушпритом, да и вообще разведка нам не помешает.

Не дождавшись разрешения Кристин, он, пригибаясь и прячась за кустами, побежал вдоль берега. Ли, недовольный его своеволием, хотел пойти следом, но капитан остановила его.

Добравшись до «Блэк стар» незамеченным и притаившись в каких-то пятидесяти футах, Диего увидел странную картину. Вся или почти вся команда корабля стояла на берегу, выстроившись в две шеренги. Перед строем прохаживались несколько крепких мужчин с плетками в руках, и он узнал в них тех «надсмотрщиков», которых они прежде видели с Джеймсом. Диего бросилась в глаза усталость и матросов, и их командиров. Запавшие глаза, землистого цвета лица — все говорило о нелегкой ночи. Капитана корабля разведчик сперва не заметил — он стоял в стороне, заложив руки за спину, и будто о чем-то раздумывал. Потом фигура в неизменном длинном черном плаще повернулась в сторону маленького отряда. На миг Алонсо показалось, что он увидел глаза капитана, и арагонец испуганно пригнул голову. До него отчетливо донеслись слова, произнесенные сиплым голосом на хорошем английском языке, но с заметным акцентом:

— Я ее чувствую. Он жжет меня.

— Мой капитан? — К нему подбежал один из «надсмотрщиков». — Корабль готов, мелкий ремонт закончим на ходу. Какие будут приказания?

— Он на земле. Там! — Диего не видел вытянутой руки, но знал, что она безошибочно указывает направление на Кристин. — Мы немедленно выступаем. Возьмите тридцать человек.

— Слушаюсь! На корабле останутся двенадцать... — в голосе помощника прозвучал невысказанный вопрос.

— Я сказал: возьмите тридцать человек! Немедленно.

Диего, стараясь не дышать, отползая в кусты. Только когда, по его расчетам, он уже не находился между странным капитаном и Кристин, Алонсо решился приподняться. Как он и предполагал, фигура в плаще не сдвинулась с места, всматриваясь вглубь протока. За его спиной помощник отдавал распоряжения. Часть матросов бегом направилась на корабль, и вскоре оттуда стали передавать на берег оружие, припасы и прочее снаряжение. Кто-то заспорил с помощником, показывая на ногу, видимо, поврежденную во время ночных трудов. Капитан медленно повернулся к ним, не спеша вытянул из-под плаща пистолет с серебряными насечками и как-то безразлично выстрелил. Спорщик

упал с простреленной головой, а «надсмотрщики» побросали плетки и тоже схватились за пистолеты.

— Пристрелите всех недовольных! — опять произвучал сиплый голос. — Только помните, что мне нужно тридцать человек.

Диего, пятясь, отполз в кусты, поднялся на ноги и бегом вернулся к своим. Если бы он задержался хоть на минуту, то, возможно, услышал бы еще один разговор.

— У нас есть четыре переносные пушки, — сообщил помощник. — Прикажете все взять или две и побольше картечи?

— Оставьте их. Ван Дер Вельде не использовала ни один предмет, кроме дельфина, — сказал капитан помощнику. — У нее их просто нет. Надеюсь, она спрятала предметы, а не бросила в море. Дельфин слабеет вдали от воды, значит, хватит и мушкетов. Ты останешься на «Блэк стар» и отведешь корабль к основному руслу реки выше разлива. Если появятся пираты на шлюпках — топи их из пушек. Если вдруг Ван Дер Вельде попробует спуститься по реке на плоту или еще как-либо, сделай все, чтобы взять ее живой. Я должен знать, где находятся остальные предметы. И следи, чтобы дельфин не оказался в реке. Если так случится, то лучше выпей реку и найди его, потому что иначе я заставлю тебя самого снять с себя кожу.

Помощник покорно склонил голову. Капитан нетерпеливо оглянулся. Десант, полностью снаряженный для похода по суше, уже построился. Фигура в черном плаще взмахнула рукой. Усталые, хмурые матросы двинулись вперед. Они разбились на два отряда, и капитан занял место в центре. К этому времени запыхавшийся Диего уже успел сообщить новости Кристин.

— Фламель! — Девушка положила руку на плечо француза. — Я вам поверила. Не подведите меня, выводите из леса к скалам.

— Я счастлив, что вы проявили благородство! — Алхимик раскланялся. — Поверьте мне, мадмуазель Кристин, я очень хорошо запомнил карту, а произошедшие за тысячи лет изменения оказались не столь велики. Да и они в основном касаются береговой черты полуострова, и...

— Не сейчас, Фламель! — повысила голос Кристин, а Бартоломеу, потеряв терпение, силой развернул француза к лесу. — Ведите же нас, враги совсем рядом!

Поняв, что от него требуется, алхимик молча повел отряд. Держась за раненое плечо, сразу за ним последовал Старк. Диего чем-то не нравилось поведение молчаливого англичанина. Старк видел карту, нацарапанную Фламелем кинжалом на глине, и так же, как и Джеймс, прекрасно в ней

разобрался. Сам Диего, неопытный в работе с картами, с трудом понимал, в каком направлении они идут теперь, и ему оставалось лишь довериться Фламелю. Старк, таким образом, оказывался единственным в отряде, кто мог хоть как-то контролировать француза, а в случае его гибели — вести их дальше.

«Нужно обязательно заставить Фламеля нарисовать еще одну карту и сравнить с первой. Что, если он морочит нам головы? Странно, что Кристин об этом не подумала. Наверное, ей просто не хватило времени... — Диего снова попытался идти перед девушкой, чтобы уберечь ее от хлестких ветвей тропического леса, но, когда обернулся, увидел китайца. — Она старается держаться от меня по дальше? Вот еще не хватало! Я же не враг, я только хочу побольше узнать! И вообще, если бы не я, то кто купил бы «Монморанси» и с кем бы сейчас была Кристин?»

Фламель вел группу уверенно. В который раз Алонсо поразился выносливости и ловкости пухлого ученого. Мало того, тот и в передвижении по пересеченной местности неплохо разбирался: время от времени останавливалась, француз поглядывал на солнце и иногда немного изменял движение. Так продолжалось пару часов, и все, особенно раненый Старк, успели устать. Только Фламель

продолжал мерно шагать, чавкая сапогами по влажной земле. Наконец они пошли в гору. Меньше стало кустов, а через несколько минут и земля стала твердой и сухой.

— Вот! — с чувством исполненного долга сказал Фламель на опушке леса и посторонился, чтобы все могли видеть вытянувшуюся с востока на запад скальную гряду. — Если удастся пройти здесь и перевалить через хребет, то город атлантов будет прямо перед нами, в низине. Но если нет, придется обходить с запада, как я и предлагал с самого начала.

— Хватит про твоя город! — хрипло проворчал усталый Бартоломеу, который во время пути не сводил настороженных глаз со спины Старка. — Твоя город не нужен никому! Капитан, где засада делать и чужой капитана убивать?

— Наверное, там, — Кристин указала на место, где скалы были пониже. — Но лучше всего найти проход, чтобы нас не прижали к скалам. Разделимся. Самбо, выбери себе место для наблюдения и, если увидишь погоню, — стреляй. Услышав выстрел, все собираемся вот там, куда я сейчас показала. А пока двумя группами возьмем левее и правее. Будем искать проход на ту сторону гребня и понемногу сходиться к этим маленьким скалам. Со мной пойдут Старк, Ли и Бартоломеу. Фламель

и сеньор Алонсо пусть поищут с левой стороны. Не задерживайтесь, а если найдете тропу — сразу бегите за нами.

Неутомимый Фламель забросил на плечо мушкет и, не оглядываясь, направился к скалам. Слюнув от злости, пошел за ним и Диего. Кристин и правда старалась не подпускать его близко! Чем он так провинился перед ней? Девушка в поношенном камзоле и шляпе, что не всякий нищий рискнул бы надеть в Мадриде, выводила его из себя. Тем не менее Диего не мог забыть ее глаз, хотя все еще думал, что дело в их цвете, говорящем об обладании «предметом».

Так, размышляя о том, что завоевать доверие Кристин выбранная тактика не поможет, он и доплелся вслед за французом до скал. Они тянулись сплошной серой стеной, в которой лишь временами попадались то трещины, то широкие разломы или заросшие травой углубления. Путники честно исследовали каждое такое место в поисках прохода, но раз за разом упирались в тупик. Удобного места для засады среди гладких скал тоже не находилось, и Диего уже начал подозревать, что, желая увести врагов подальше от корабля, они совершили ошибку. В тон его мыслям и Фламель снова завел разговор о дороге к своему «городу атлантов» вдоль берега реки как о более надежном маршруте.

— Да как вы не понимаете! — вскипел наконец Диего. — Никому ваш город не нужен, нам бы в живых оставаться! Фламель, вы же не дурачок, зачем прикидываться?

От обиды у ученого затряслись пухлые щеки. Он уже собрался сказать в ответ что-то едкое, как вдруг раздался выстрел. Занявший удобную позицию за обломком скалы, Самбо вовремя разглядел выходящий из леса отряд противника и подал сигнал. Вздрогнув от неожиданности, Диего потерял равновесие и упал в колючие кусты. Изрядно ободравшись, он неожиданно заметил узкую, длинную трещину, в которую мог прятаться человек. Махнув рукой французу, чтобы немного подождал, Диего как мог быстро исследовал проход и обнаружил выход к другой стороне возвышенности.

— Нашли! — выпалил он, вернувшись к Фламелю, с головы до ног ободранный и исцарапанный. — С вашей комплексией... А впрочем, прятиснетесь! Оставайтесь здесь, а я побегу и позову остальных!

Подхватив мешавшую бежать саблю и пригнувшись, Диего со всех ног помчался вдоль скалистой гряды. По нему пока не стреляли, зато Самбо успел выпалить еще трижды. Каждый выстрел звучал чуть ближе, сообщая, что Самбо жив и шаг за шагом отступает. Всякий раз ему отвечали целой

канонадой, но звучала она гораздо тише — негр пока сумел задержать врагов у леса.

— Какого дьявола?! — Кристин едва не выстрелила в Алонсо, когда выбежала из-за валуна. — Фламель жив?

— Мы нашли проход! — задыхаясь, сообщил Диего. — Пошли быстрей!

— Ли, беги к Самбо! — крикнула капитан, но в этом не было необходимости, потому что чернокожий матрос выскочил из-за кустов и несся к ним с перекошенным лицом. — Что случилось?

— Пуля попала, мушкет сломала! — заорал Самбо, на бегу размахивая бесполезным оружием.

— Так брось же его, морскую змею тебе за пазуху! Ли, возьми мушкет у Бартоломеу и дай Самбо, вы нас прикроете!

Поспешное отступление задерживал Старк, который не мог бежать, хотя и ковылял изо всех сил. От резких движений у англичанина открылось кровотечение, и повязка на плече стала красной. Поддерживавший его португалец, отдав мушкет, освободившейся рукой вытащил из-за пояса пистолет и недвусмысленно ткнул им под ребро Старка — подозрительный Бартоломеу относился к приказу капитана очень серьезно.

Но ситуация на поле боя менялась стремительно. Теперь матросы в черном вышли из леса

и рассыпались по полю. Пробежав несколько шагов, матрос падал и стрелял, а потом оставался лежа перезаряжать мушкет, пока его товарищи бежали вперед, чтобы тоже упасть и выпалить. Таким образом, Самбо и Ли оказались под градом пуль, а сами не успевали толком прицелиться. Минуту спустя Самбо был ранен в ногу, а китайцу сильно ободрало щеку осколком камня. Обоим пришлось отступить.

— Сюда! — кричала им Кристин, одновременно повязывая свой яркий шейный платок на ветку колючего куста, до которого они наконец добрались. — Сюда, рано вам еще загибаться: виселица в Гаване ждет! Фламель, чего вы ждете? Ступайте первым!

— Я прикрою! — Бартоломеу не мог остаться в стороне от боя. — Оставьте мне мушкет! Нет, два!

— Быстрей же! — Кристин силой впихнула в проход француза, который пытался галантно пропустить ее вперед. — Старк, вы следующий!

— Я раньше вас не пойду! — твердо заявил Диего. Он отдал свой мушкет Бартоломеу и достал пистолеты. — Я хорошо стреляю, поверьте мне.

Кристин пробормотала что-то грубое и пошла за Старком. Минуту спустя вслед отправились запыхавшиеся Ли и Самбо. Матросы с «Блэк стар» были уже недалеко, сжимая полукруг у прохода.

Пули густо застучали по скалам, но и Бартоломеу, и Алонсо прицельно выпустили все свои заряды.

— Я в два попал! — закричал португалец. — Полезай скорей!

— Да! — широко улыбаясь, согласился Диего, схватил невысокого Бартоломеу за шиворот и первым затолкал его в узкий проход.

Он чувствовал, что больше не может позволять собой командовать. Хватит, и так достаточно терпел! Еще в детстве арагонец не отличался покладистым характером, но жизнь научила его сдерживаться. И все же всякому терпению однажды настает конец.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

СЕРЕБРИСТАЯ ФИГУРКА И ДОВЕРИЕ КАПИТАНА

Разгоряченный и боем, и каким-то смутным предчувствием, Диего не спешил уходить по узкой трещине меж скал. Лучшего места для обороны и придумать было нельзя! В пистолетах не осталось зарядов, и черные камзолы матросов с «Блэк стар» мелькали совсем рядом, но у арагонца еще была сабля. Спрятавшись за выступом скалы, он дождался, пока первый из преследователей осторожно заглянет в трещину, и тут же нанес укол острием сабли ему в лицо. Матрос вскрикнул от боли и отшатнулся, выронив мушкет, который сразу схватил Диего. Переждав за выступом бессмысленный залп, он быстро выглянул и, словно оленя на охоте, подстрелил еще одного врага.

— Вот это по мне! — расхохотался Алонсо, чувствуя несказанное облегчение. Пора было развеяться,

стряхнуть скуку и обиды. — Эй вы, черныши! Кто из вас еще хочет отведать моей сабли?!

В ответ снова последовал мушкетный залп. Две или три пули срикошетили от камней и могли серьезно навредить Диего, но пока судьба щадила его. Это несколько охладило пыл арагонца, и он отступил на шаг. Почти сразу в узкий проход исхитрились втиснуться сразу два матроса с насмерть перепуганными лицами. Оба они выставили вперед пистолеты, и, если бы не зажмурились перед выстрелами, Диего вряд ли бы уцелел. Однако он успел пригнуться, а потом, когда тесное пространство заполнил дым, уколами сабли отогнал врагов прочь.

— Они перепуганы, но готовы идти вперед, черт бы их взял! — выругался он, вынужденно отступая еще дальше под новым залпом. — Что это за люди?

— Эти люди не мочь спорить, их так сделали! — Подкравшийся Бартоломеу ловко протиснулся мимо Алонсо и прицелился из мушкета. — Я стоять тут, я меньше, и в меня труднее попадать! Неси еще мушкет, помогай, там заряжают уже!

Все еще кашляя от дыма, Алонсо был вынужден уйти — не драться же с упрямым португальцем? Немного обиженный, он вышел из скал на другую сторону гряды и увидел Ли, Самбо и Фламеля, которые заряжали мушкеты и пистолеты. Дальше

начинался лес, очень похожий на тот, из которого беглецы недавно вышли. Местность шла под уклон к реке, причудливому руслу которой вздумалось сделать петлю. Кристин, о чем-то размышляя, стояла чуть в стороне.

— О чём задумались, мадмуазель капитан? — спросил Диего, отдавая Самбо свои пистолеты для зарядки.

— Не смейте меня так называть! — потребовала капитан. — Я вам не «мадмуазель». Ладно еще Фламель, он хотя бы француз и вообще малость не в себе.

Ли сунул в руки Диего два мушкета, и ему пришлось вернуться к Бартоломеу — отдать заряженное оружие и забрать мушкет. Опять выйдя из прохода, он уже не увидел Кристин. Не хватало кого-то еще, и Алонсо тут же сообразил: «Старк!» Бартоломеу, которому было приказано следить за англичанином, увлекся перестрелкой, и Старк воспользовался свободой, чтобы сбежать или...

Не обратив внимание на окрик Ли, который опять совал ему в руки мушкет, Диего бросился к лесу.

Он заметил их сразу: они катались в траве шагах в тридцати от него, сцепившись в смертельной схватке. Старк зажал рукой рот Кристин, не позволяя вскрикнуть, и пытался ударить кинжалом

в бок. Камзол капитана уже пропитался кровью, но девушка еще боролась, пытаясь дотянуться до своего ножа. Пистолет, видимо, выбитый из руки Кристин, валялся в стороне, и Диего схватил его.

— Старк!

Но англичанин сам уже заметил его. Перестав зажимать Кристин рот, наступил коленом ей на грудь и сорвал какой-то ремешок с ее шеи. Зарычав от ярости, она выхватила нож и успела полоснуть вскочившего противника по ноге. Не обращая внимания на рану, Старк кинулся бежать. Диего не успевал его настигнуть и, решив не рисковать возможностью упустить предателя, выстрелил. Из хорошего пистолета он, как всегда, не промахнулся.

— Не подходи к нему! — Кристин вскочила и тут же согнулась, прижав руку к боку. — Не подходи к нему, ради морского дьявола!

На шум выстрела бежали остальные члены отряда, но Диего не собирался никого слушать. Он видел, как что-то блеснуло на солнце, когда Старк сорвал с шеи капитана кожаный ремешок. Хватит! Алонсо собирался наконец-то узнать, ради чего оказался здесь. В несколько прыжков он добрался до англичанина и разжал ему кулак. Мгновение спустя он уже жадно рассматривал серебристую фигурку дельфина.

— Положи это! — К нему, тяжело дыша, шел Ли. — Просто положи, это тебе не принадлежит.

Ли не целился в Диего, но держал мушкет на готове, и арагонец понял: Ли выстрелит в любой момент. Он выпрямился, держа загадочный предмет — Диего не сомневался, что это именно «предмет»! — на раскрытой ладони.

— Старк мертв! — улыбаясь, сказал он. — Не волнуйся так, это же просто фигурка дельфина, которую Старк украл у капитана.

— Вот и отдай ее капитану немедленно! — воскликнула Кристин, над которой склонились Фламель и Самбо. — Отдай и отнеси Бартоломеу пару заряженных мушкетов, он же там один воюет!

Диего не стал спорить. Все с той же торжествующей улыбкой он прошел мимо напрягшегося Ли и передал фигурку Кристин, на секунду сжав ее прохладные пальцы. Ему показалось, что девушка взглянула на него с любопытством. Фламель уже обрабатывал рану, на вид неглубокую. Увидев, куда направлен взгляд мужчины, Кристин мгновенно разозлилась.

— Вы слышали, что я сказала, сеньор Алонсо?! — крикнула она, зажав серебристую фигурку в руке. — Помогите Бартоломеу!

«Уж лучше любопытство, чем подозрение! — довольно думал он, пока пробирался к португальцу

с мушкетами. — Наконец-то на меня посмотрели не как на возможного врага! И не как на лишнего человека!»

— Тебя зовет капитан! — заявил Алонсо Бартоломеу, как только добрался до него. — Там приключилась небольшая неприятность со Старком.

Португалец, сообразив, что упустил порученного ему англичанина из виду, яростно захрипел и попытался с ходу протиснуться мимо Диего, но тот придержал его за руку.

— Не забудь еще передать Кристин, что нам нельзя оставаться здесь долго. Люди с «Блэк стар» или найдут другой проход, или обойдут скалы и окружат нас. Скажи, что я задержу их еще на час, а потом догоню!

Отпустив Бартоломеу, Диего затеял перестрелку с матросами. «Черныши» теперь не лезли на рожон, и сразу было понятно почему: Алонсо насчитал шесть трупов перед входом. Бартоломеу потрудился на славу. Тем не менее залпы звучали регулярно, заставляя Диего вздрогивать от рикошетящих в проходе пуль и сыплющихся камней. Он, как мог, прикинул количество стрелков и решил, что большая часть десанта сейчас занята поисками другого пути.

«Если Кристин уведет отряд, а противник пройдет скалы, я окажусь в ловушке! — сообразил

Диего, и ему захотелось, чтобы Бартоломеу вернулся. — Да, сказав «час», я немного погорячился... Глупо получить пулю в лоб теперь, когда я наконец увидел «предмет». Знать бы еще, что он может!»

Но Алонсо волновался напрасно — не прошло и получаса, как рядом с ним появился Ли. Китаец выглядел сильно уставшим, он тащил с собой кучу хвороста.

— Хватит, сеньор Диего. Кристин придумала заложить проход хворостом и поджечь, это их немного задержит. Полезайте назад, а я займусь делом.

Не без удовольствия Алонсо покинул рубеж. Пробраться меж скал теперь оказалось непросто — хвороста успели принести немало. Пожалуй, огонь должен был остановить врагов больше, чем на час. Возле выхода дежурил с мушкетом Самбо, он разглядывал перевязанную ногу.

— Идем! — тут же сказал чернокожий пират, поднялся и без спроса оперся о плечо Диего. — Идем, Ли знает, в каком направлении двигаться дальше.

Самбо изо всех сил прыгал на здоровой ноге, и они быстро углубились в лес. Снова закричали птицы, указывая на присутствие чужаков. Беглецы переглянулись с неодобрением, но с попугаями-доносчиками ничего нельзя было сделать. Оставалось надеяться, что горячий проход между

скалами задержит противника. Спустя некоторое время им удалось догнать группу.

— Все в порядке, сеньор Алонсо? — Кристин едва перебирала ногами, держась одной рукой за Бартоломеу, другой — за раненый бок. Девушка была очень бледна. — Я забыла вас поблагодарить.

— Я мог бы сделать больше, но, к стыду своему, не успел, — галантно поклонился арагонец. — Но я хотел бы исправиться. Мсье Фламель несколько старше меня, а Бартоломеу разумнее прикрыть наше отступление. Почему бы мне вас не понести?

— Что за чушь?.. — начала было Кристин, но на помощь Диего неожиданно пришел Фламель.

— Мы слишком медленно двигаемся, мадмуазель Ван Дер Вельде! — сказал он и озабоченно поджал губы. — Если рыба-парус чувствует наше присутствие на расстоянии, то преследователи очень скоро догонят нас. Из рассказа мсье Алонсо я понял, что их капитан не станет замедлять ход отряда из-за раненых!

Бартоломеу, прежде чем позволить Диего прокоснуться к своему капитану, взглядом испросил ее согласия. Кристин кивнула с печальной гримасой. Алонсо поднял девушку, а Самбо оперся на плечо Фламеля. Теперь они пошли быстрее. Вскоре к отряду присоединился и Ли, сообщив, что проход в скалах дымит так, что находится там человеку

совершенно невозможно. После этого они с португальцем отстали, готовые встретить врага первыми.

Кристин оказалась гораздо легче, чем даже выглядела. Вероятно, напряжение трудного плавания и выпавшая на ее долю ответственность не прошли для девушки даром. Сперва Кристин молчала, явно смущенная непривычным положением, но потом ей стало скучно.

— Сеньор Алонсо, а что вы знаете о предметах и охотниках? Я же вижу, вы что-то знаете.

— И никогда от вас этого не скрывал! — с некоторым раздражением ответил Диего. — Но, в сущности, вы уже сами перечислили все мои знания. Я знаю, что существуют некие загадочные предметы, обладающие неизвестными мне свойствами. И еще знаю, что есть охотники за предметами, границы могущества которых мне неизвестны.

— Каков охотник, таковы и границы его могущества! — Девушка устроилась на его руках поудобнее и, достав пистолет, принялась его заряжать. — Вы тоже, в сущности, охотник. Только у вас нет предметов, а потому нет ни денег, ни власти.

— Предметы дают это?

— Смотря какие... — Она искоса поглядывала на него, будто решаясь на что-то. — Вы почувствовали что-нибудь, когда держали дельфина?

— Он был... Твердый. Теплый еще от руки Старка, — начал вспоминать Диего. — Довольно забавная фигурка.

— Что забавного в фигурке, ради которой собираются целые флотилии, а люди умирают десятками почти каждый день? Но дельфин не виноват... Он теплый не от руки Старка, все предметы чуточку обжигают при первом касании.

— И каково же его свойство? Что такого может дать человеку обладание дельфином, что капитан «Блэк стар» готов рисковать всем ради него?

— У капитана есть могущественные хозяева, — уверенно сказала Кристин. — Да и хозяин ли он сам себе хоть в чем-то? Некоторые предметы сильно изменяют человека, а он и не понимает этого. Иногда понимает, но сделать ничего не может.

— Я знаю много предметов, меняющих человека! — рассмеялся Алонсо. — Оружие делает человека наглее по сравнению с безоружными, а избыток пищи заставляет забыть, что на свете много голодных. Но хуже всего, конечно, золото.

— Вы имели с ним дело, господин аббат?

— Не нужно больше меня так называть. Я полагал, что этот сан придаст мне веса в глазах хозяев карибских вод, но... — Диего помолчал, пережидая смех Кристин. — Но ошибался. Что ж, значит, пора начать забывать об этом эпизоде моей жизни.

Я узнал о предметах, увлекся ими и — вот, оказался здесь с вами. Полагаю, золото не успело меня испортить, не так уж долго у меня его было в избытке.

— Вы не знаете, что такое «избыток золота». Как-то раз я приказала своим парням вышвыривать золото за борт, так перегружен был добычей «Ла Навидад»! Но поверьте, в трюмах моего внешне неказистого корабля от вас уплыло столько этого металла, что позавидовала бы и испанская казна!

— От меня? — Диего улыбнулся. — Нет, ваше золото меня никогда не интересовало. С тех пор как я узнал, что есть тайная игра охотников, которая способна рушить и создавать великие державы, я мало беспокоюсь о золоте. Так предметы, как вы говорите, бывают опасны, а бывают хороши? Чем хорош ваш дельфин?

— Он... — Кристин задумалась. — Дельфин приносит морскую удачу, но не все так просто. Мне говорили, что эти предметы созданы не людьми и не для людей. Может быть, мне лгали, потому что большая часть того, что мы слышали во время скитаний, была ложью! Вокруг предметов сплетена целая паутина лжи. Возможно, и я не знаю всех свойств дельфина. Он чувствует желания хозяина, и тогда корабль достигает цели, что бы ни случилось. Конечно, у его возможностей тоже есть

пределы, но и ветер, и море — все становятся союзниками судна, капитан которого владеет дельфином. Как вы думаете, сколько он стоит?

— Бесценен? — Алонсо просто не знал, как еще ответить. — Полагаю, любой капитан все отдал бы за него.

— Капитан... — Кристин вздохнула. — А если им владеет король, который может давать дельфина своим капитанам? Давать и отбирать. Отобрать непросто, но есть предметы, которые в этом помогут. Говорят, дельфин был у Колумба, есть такая старая сказка на островах. Слухи ходили, легенды, да все знают эти сказки... Но пока дельфин не окажется у тебя и ты не почувствуешь себя богиней волн и ветра — не поверишь. Вот только добра не приносят предметы. Даже дельфин.

— Я вижу. Так вы полагаете, капитана «Блэк стар» послал какой-то король?

— Может быть, и король. Но сначала он охотник за предметами, посвященный, а потом уже король. Только охотники обычно не любят быть на виду.

— Это я уже успел понять... — Алонсо вспомнил, как пытался хоть что-то выяснить в Испании и как это едва не привело к его гибели. — Но выходит, что и Фламелю дали посмотреть на древнюю карту именно охотники? Он вам что-то сказал наедине. Не поделитесь?

— Не важно, что он мне сказал! — капризно нахмурилась Кристин. — Да, наверное, он говорил с охотниками. Дело в том, что охотники еще и воюют друг с другом в своей вечной игре. Иногда охотник может быть другом — если это ему выгодно, если он пытается завладеть другими предметами. Но верить им нельзя никогда.

— Почему тогда вы доверяете Фламелю?

— Потому что он и правда привел нас к скалам, — начала девушка, сразу посеревшая. — Потому что он не пытался помочь людям с «Блэк стар», когда мог. И потому что очень расстроился, когда оказалось, что Старк не тот, за кого себя выдавал. Он и правда ему поверил, наш алхимик. Я — нет, слишком слезливой была история. Моей обязанностью было следить за Старком, но так уж получилось... Фламель не виноват. Уверена, он и правда выведет нас к реке. Хорошо бы успеть перебраться через нее, тогда можно снова задержать погоню и пристрелить еще нескольких «черных» на переправе. Не легион же их у капитана!

— Думаете, нам не удастся сбить их со следа?

— Рыба-парус! — проворчала Кристин. — Нам говорил о ней пленный, и Фламель сказал то же самое: рыба-парус, предмет, который ведет обладателя по нашему следу. Мы добыча, а эта рыба за добычей может плыть из океана в океан, пока

не настигнет. Она всегда укажет им, где дельфин. Поэтому «Блэк стар» всегда находил нас в океане. А учитывая, что корабль быстр так, будто специально создан для такой погони, в море нам от них не скрыться. Надеюсь, что рыба-парус потеряла часть силы на суше, потому что с дельфином происходит именно так. Вдали от воды он бессилен. Но при переправе он должен нам помочь, если, конечно, успеем добраться до реки.

И правда, почва под ногами становилась вязкой. Еще немного — и снова придется брести сперва по колено, а потом и по пояс в воде. «Вряд ли в грязной жиже фигурка дельфина наберет достаточно силы! — подумал Диего. — Мы почти наверняка не успеем, придется выдержать новый бой, который вполне может оказаться последним для всех. Рыба-парус идет за дельфином, и поэтому Кристин оставила корабль... Но если так — выход есть!»

— Мое предложение может оказаться неожиданным... — Диего остановился. — Что, если я возьму дельфина и уведу погоню в сторону? Один я пошел бы быстрее, а вы — спокойно добрались до реки. Там вы могли бы найти какие-то бревна и...

— Не учите моряков, как переправиться через пресноводный ручеек! — оборвала его Кристин. — И вообще не говорите глупостей! Опустите меня!

— Вы мне не доверяете? — Диего присел и посадил хмурую девушку на поваленное дерево. — Подумайте хорошо. Что я стану делать с дельфином, если украду? Капитан «Блэк стар» будет гнать меня, пока не настигнет. Мог бы пойти кто-то другой, но Самбо и Ли ранены, Фламель, несмотря на силу, немолод и не быстр, а Бартоломеу нужен, как преданный вам человек.

— Ага, преданного я оставлю рядом с собой, а дельфина отдам вам! — Кристин замолчала, потому что к ним подбежал обеспокоенный португалец. — Все в порядке. Мы просто немного отдохнем, сеньор Альонсо устал меня нести.

— Хорошо, — кивнул Бартоломеу. — Только тогда мой очередь. Я капитана нести, ты сзади с мушкет охраняй.

Кристин жестом остановила пирата, готового ее поднять. Глядя на Диего, она вспоминала слова Клода: научись доверять. Этот испанец ей нравился, да и О'Лири ничего плохого про него не сказал, а ирландец неплохо разбирался в людях. Но потеря дельфина — потеря шанса найти дорогу назад. Значит, она рискует всем, даже возможностью будущей встречи с Клодом. Но рискнуть было необходимо. Кристин поручила бы опасное задание Бартоломеу, да только португалец всегда слишком безрассуден.

— Диего, вы можете мне поклясться, что принесете дельфина в указанное место на рассвете?

— Клянусь и обещаю всем сердцем! — Если бы не грязь под ногами, он опустился бы на колени. — Поверьте мне, Кристин, прошу вас.

— Если бы я вам не верила, то пристрелила бы... — На глазах у пораженного португальца капитан сняла с шеи ремешок с предметом. — Приходится верить, как и Фламелю. Я ушла бы сама, но как? Старк все испортил. Это моя вина, Бартоломеу, не твоя! — остановила она готового повиниться пирата. — Берите дельфина, Диего. Я вам верю. Не обманите меня. Иначе погубите всех, и себя первым.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

КОРАБЛЬ, КОТОРЫЙ УМЕЛ ЖДАТЬ

Прежде чем уйти, Диего настоял, чтобы Фламель нарисовал еще одну карту, не глядя на первую. Его отношение к судьбе их маленького отряда в один миг изменилось — теперь он не думал о себе отдельно от остальных. И прежде всего, конечно, он думал о Кристин, из-за короткого разговора с которой все изменилось в его душе. Он еще не осознавал, что влюблен, гнал от себя такие мысли, но сердце уже застучало радостно, весело. Как бы ни были ценные предметы, как ни интересны были взаимоотношения таинственных охотников, все это было для Алонсо поисками приключений от скуки, удовлетворением потребностей взбудороженного ума. Настоящие же краски появились только теперь, когда ставкой стало нечто большее — жизнь Кристин.

— Они похожи, как близнецы! — с уважением сказала Кристин, рассматривая две карты. — У вас талант, мсье Фламель. Хотя рисуете очень плохо.

— В карте важна не красота и вычурность, а точное соответствие расстояний между всеми объектами! — уверенно заявил Фламель. Девушка поморщилась. — И я уверен, что такой взгляд на картографию возобладает. Вы не думаете, что нам надо спешить?

— Спешить надо мне! — Диего взял у Кристин одну из карт и бережно ее спрятал. — Итак, на рассвете я выйду к реке.

В качестве места встречи Кристин и Диего решили выбрать «город атлантов», как называл это место француз. Река там была неширокая, и поселение якобы располагалось когда-то на обоих берегах. Капитан Ван Дер Вельде надеялась переправиться еще засветло, а на рассвете помочь Алонсо и огнем удержать за рекой врагов. Остаток дня и всю ночь арагонцу предстояло петлять по лесам и болотам, не позволяя капитану черного корабля завладеть дельфином.

Коротко простившись и бросив пылкий взгляд на смутившуюся Кристин, Диего бегом направился в сторону от стоянки. Если он успеет уйти достаточно далеко, остальные члены отряда будут в полной безопасности: рыба-парус чувствует только дельфина, которого считает своей добычей. Но узнать о свойствах предмета — еще не значит полностью поверить в них. Уходя подальше от друзей,

Алонсо вовсе не чувствовал себя дичью, на которую вдобавок повесили яркий флагшток, чтобы охотникам было удобнее. Лес оставался безлюдным, все так же кричали попугаи, шумела листва. Постепенно арагонец замедлял шаг и вскоре уже не спеша повернулся к югу. Всего и-то: сделать большой крюк и вернуться к реке.

Но успокоился он напрасно. Капитан «Блэк стар» и правда чувствовал все его перемещения. Испуганный резкой сменой направления движения дельфина и желая покончить с утомительной погоней, он разделил своих моряков на два отряда. Один из них последовал прямо за Диего, а второй взял южнее, чтобы успеть отрезать ему путь. Матросы, хоть и понукаемые надсмотрщиками, двигались не слишком быстро, к тому же довольно шумно. Издалека услышав их, Алонсо перешел на легкий бег, решив оторваться на пару миль от преследователей и снова отдохнуть, двигаясь шагом. Ему было даже весело: слишком легко было уйти от усталых, не менее полутора суток не спавших моряков.

Так Диего и угодил в нехитрую засаду. На свое счастье, он успел заметить черные камзолы, тут и там пестревшие на фоне зеленой листвы, но только в самый последний момент. Он кинулся в сторону, когда команда «Огонь!» уже прозвучала.

Пули застучали по стволам деревьев, сверху на беглеца посыпались листья и обломки веток. Одна из пуль вспорола одежду, не пожалев и спины, другая оторвала от ствола большой кусок твердой коры, который угодил в колено. Хромая, Алонсо успел скрыться за деревьями от прицелов стрелков, но теперь был вынужден идти в низину, к болоту.

— А это будет тяжелая ночка! — воскликнул Диего, пытаясь ощупать рану на спине. — Хорошо бы, аллигаторы спали по ночам, да почему-то я в этом сомневаюсь...

Потеряв не только способность бежать, но и изрядную долю оптимизма, Алонсо побрел по воде. Уже через час на лес опустилась ночь. Время от времени останавливаясь и прислушиваясь, он слышал далеко позади тяжелое шлепанье сапог по грязной жиже и резкие крики командиров. В одну из таких остановок Диего показалось, что он различает какие-то звуки и с другой стороны. Боясь, что матросы снова разделились, и одновременно поражаясь их выносливости, он пошел осторожнее и действительно рассмотрел в свете убывающей луны три шатающиеся от усталости фигуры. Тот, что шел последним, волочил мушкет прямо по грязи.

— Может быть, с вами что-то сделали, — неслышно прошептал Диего. — Может быть, вы ни в чем

не виноваты. Но это лишь означает, что такова ваша злая судьба.

Он разрядил пистолеты в тех двоих, что выглядели чуть бодрее. Третий, самый усталый, упал сам. Не найдя в себе сил подойти и зарубить беспомощного человека, Алонсо пошел дальше. Он и сам уже пошатывался, но останавливаться было нельзя. На ходу перезарядив пистолеты, он попытался сделать петлю, чтобы все же уйти от реки. Это ему удалось благодаря темноте, Диего проскочил между двумя караулящими его группами. Один из преследователей, в котором по привыкшему командовать голосу арагонец узнал «надсмотрщика», даже выстрелил, но от изнеможения не смог достаточно высоко поднять мушкет. Диего с наслаждением всадил в него две пули и ушел обратно к лесу, слыша разочарованные крики позади. На злорадную усмешку сил уже не хватало.

Остаток ночи он, спотыкаясь и иногда падая, просто брел по лесу, стараясь не заблудиться. Как ни поразительно, преследователи шли и шли за ним, словно их гнала какая-то нечеловеческая, злая сила. Диего не раз слышал сиплый голос их капитана, который угрожал своим людям невероятными казнями, а один раз, как показалось беглецу, даже кого-то застрелил.

«Почему они подчиняются ему? — не мог понять он. — Их семьи держат в заложниках? Все

равно, есть предел любому терпению. Здесь, в лесу, они давно могли убить и капитана, и его помощников, никто бы об этом не узнал. Что сдерживает их?»

Дельфин вел себя тихо, с ним было как-то уютно. Диего не чувствовал себя одиноким, касаясь серебристой фигурки у себя за пазухой. Помогали ли он ему? Как знать, куда попали бы выпущенные в Алонсо пули, не виси у него на шее волшебный предмет. Он пробовал общаться с ним, мысленно делился своими желаниями, но то ли дельфин был слишком далеко от привычной водной стихии, то ли никак не мог ему помочь. Усталость не проходила, а ветви в темноте все так же нещадно хлестали по лицу.

Но что-то он все-таки чувствовал. На шнурке висела не безделушка, не пустяк, созданный для забавы. Кусочек серебристого металла в форме веселого дельфина завораживал. Казалось, он обладал чем-то вроде характера, в нем словно теплилось подобие жизни. Диего чувствовал это, а как — объяснить не смог бы. Когда ночь бесконечных блужданий оказалась близка к завершению, ему подумалось, что скоро он вернет дельфина хозяйке. От этой мысли стало тяжело. И без того не чувствовавший ног Алонсо споткнулся и упал в большую лужу, незаметную в темноте. Встать из ставшей за

ночь холодной воды оказалось непросто, и тут же сзади долетел звук сиплого голоса, гнавшего своих бойцов в погоню.

«Ты не хочешь от меня уходить или я не хочу с тобой расставаться? — Цепляясь за стволы деревьев, Диего начал длинный путь к реке, рассвет приближался. — А что бы я с тобой делал, если бы оставил? Стал бы самым знаменитым капитаном среди пиратов? Морская удача! Я мог бы собрать достаточное количество средств, чтобы стать... охотником?»

С трудом отогнав упрямые мысли, Алонсо снова вошел в воду — чтобы выйти к берегу, предстояло пройти отмеченную Фламелем заболоченную пойму. Слева раздался шумный всплеск, и Диего показалось, что он заметил зигзаг длинного хвоста. Но усталость притупила чувства, и он даже не испугался. Лениво вытянув саблю, он стал колотить ей по воде, одновременно вслуш советую хищнику найти себе добычу попроще. Спустя несколько минут позади раздался короткий сердитый рев, и больше Диего не чувствовал рядом опасности.

— Спасибо, дельфин, — само собой вырвалось у него. — Это ты мне помог.

Диего услышал себя будто со стороны, но решил сейчас об этом не думать. На востоке ночь стала постепенно сереть, и он из последних сил заспешил

к реке. Преследователи, если и шли за ним, сильно отстали. Да он и не думал о них. Алонсо то почти молился дельфину, то разговаривал с ним, а иногда слушал. Предмет не произносил слов, но арагонец словно ощущал то шум ветра, то плеск волн, то скрип мачт, а порой и звон сабель. Каким-то образом он понял, что дельфину так много лет, что человек не может даже понять, насколько это много, и знает он больше, чем все люди, вместе взятые.

Когда под ногами оказалась твердая земля, Диего едва не упал. Он похлопал себя по щекам и понял, что отчетливо видит свои руки. Быстро светало, но усталый путник вышел к реке как раз вовремя. Только увидев ожидавшего его Бартоломеу, Алонсо понял, что почти всю ночь не сверялся с картой. Его вывел в нужное место дельфин, услышав желание хозяина.

— Все в порядке? — сонно спросил португалец. — Садись.

Диего подошел ближе и на узкой полоске речного песка заметил маленькое, дырявое, но наскоро залатанное каноэ. Когда они столкнули его на воду и уселись, окончательно рассвело, и арагонец, умывшись из реки, осмотрелся. До противоположного берега было футов двести. Там, среди буйной зелени, он разглядел длинные, приземистые сооружения.

— Что это?

— Атлантида! — спокойно ответил Бартоломеу, взявшись за единственное весло. — Как сеньор Фламель обещать. Всю ночь копал как собак, свой орихалок искать. Ничего не находить, смешной человек. Мушкет бери, за спину мне смотри!

— Они, я думаю, еще далеко! — успокоил его Диего, зевая во весь рот. — Значит, город есть? А почему такой маленький? Они что — гномы были, эти атланты?

— Песок, земля... — Пирата мало интересовала археология. Он тоже зевал. — Все засыпано, все сломалось, рухнуло... Индейцы тотемы везде повесили. Ночью вокруг ходить, сердиться на нас. Фламель говорит: мы святое место заняли. Дикари!

— То есть — у нас новые враги? — Алонсо проверил порох в мушкете. — Только этого нам и не хватало!

— Старые враги, новые враги... Я уже привык. — Бартоломеу указал сидевшему лицом к нему Диего куда-то на противоположный берег. — Вон Фламель копает! Как собак роет! Потому что корабль нашел. Кристин сказала, Ли копать, и Самбо копать. Сама болеть.

— Капитан заболела? — встревожился Диего.

Он оглянулся и действительно увидел корабль. Маленький по сравнению с современными судами,

очертаниями он неуловимо напоминал рисунки египтян, которые аббату доводилось видеть в секретных отделах монастырских библиотек. Корабль за тысячелетия почти полностью ушел в ил, но мачты по-прежнему стояли ровно. Диего протер глаза. Что за глупости?! Ни один корабль не может сохраниться так долго, да еще с мачтами. Более того, он видел оснастку! Кристин, ссугулившись, сидела на палубе, обнимая мушкет, а откуда-то из-за борта корабля мерно вылетал песок.

— Как собак поет! — повторил, добродушно усмехаясь, Бартоломеу. — Дельфина сразу отдай, я Кристин вижу с голубые оба глаза — страшно мне.

Не успел Диего понять, что хотел сказать не имевший способностей к изучению иностранных языков португалец, как в борт каноэ что-то сильно стукнуло, оторвав большую щепку. С недавно оставленного берега донесся звук выстрела. Арагонец тут же ответил, целясь на облачко дыма, расцветшее среди деревьев. Оттуда выпалили еще несколько мушкетов, но все пули ударили в воду позади лодки.

— В каноэ стреляют! — сделал вывод Бартоломеу. — Зачем — не пойму. Если дельфин утонет, какой им разниц, живой ты или мертвый?

— Я не понимаю, как они еще мушкеты в руках держать могут!

— Ли говорить, кто-то так с ними поступить, что они сначала умирать, потом падать. Плохой охотник поступать так с ними. Факир.

Диего не стал уточнять детали. Они добрались до берега, и он, шатаясь, направился к кораблю. Стрельба с противоположного берега прекратилась. Кристин с трудом приподнялась ему навстречу, в ее голубых глазах был немой вопрос, который Алонсо сразу понял. Не без чувства расставания с чем-то близким, дорогим он снял с шеи ремешок и передал дельфина хозяйке.

— Спасибо, Диего! — Кристин сказала это так, что он сразу понял: дело не в дельфине, дело в нем. — Я тебе поверила, и не зря. Спасибо.

— Сожалею, что не мог сделать больше! — Он поклонился. — Для вас, капитан Кристин, я готов...

— Просто Кристин, — прервала она его. — И добро пожаловать на борт. Наш сумасшедший друг утверждает, что в днище ни одной дыры, но в то же время это корабль атлантов, и ему сколько-то там тысяч лет. А по-моему, это не дерево, а камень!

Она постучала по борту. Действительно, борт корабля только казался сделанным из просмоленных досок. Дотронувшись, Диего ощущил нечто твердое, но в то же время легкое.

— Я все понял. — Из-за борта показалась голова Фламеля. В волосах у него был песок, а в глазах

отчаяние. — Орихалка нет, и я знаю, куда они его дели.

— Атланты? — устало спросила Кристин, кутаясь в рваный камзол. Ее знобило.

— Кто же еще? Их родина погибла. И тогда они... — Прежде чем продолжить, мсье Никола сглотнул, и Алонсо испугался, что он сейчас заплачет. — Они пропитали орихалком свой корабль. Корпус, мачты, канаты, все... Там, в трюме, лежат паруса. Они не истлели за тысячи лет! Объяснение может быть только одно: они использовали орихалк. Одной капли его хватило бы, чтобы удлинить жизнь человека в десять раз. Есть, правда, и другие способы, но...

— Фламель! — Диего повысил голос, чтобы остановить ученого. — Ты хочешь сказать, что этот корабль и в самом деле простоял тут тысячи лет и совершенно не поврежден? Даже паруса есть?

— Именно так. И ответ может быть только один... Я раскопал весь трюм, но там только паруса и труха, оставшаяся от чего-то... Ну, чего-то, что они не пропитали орихалком. — Фламель выглядел безутешным. — Его было много, этого удивительного металла. Впрочем, некоторые полагают, что орихалк — сплав, или даже жидкость, или вообще газ. Они ошибаются, как те, кто не считает металлом ртуть! С течением лет пропитанное дерево все же

старело, оно постепенно переходило в другое, летучее состояние. Теперь его в корпусе намного меньше, чем когда они пропитали весь корабль. Весь! — Он мученически заломил руки. — И даже паруса! Наверное, надеялись уплыть, искать выживших земляков, если никто не появится здесь... Но не уплыли, что-то случилось. И тысячи лет индейцы молились уходящему в песок кораблю и вешали на него свои глупые тотемы!

Он пнул валявшуюся на песке ярко расписанную деревянную маску, увенчанную перьями. Только теперь Диего заметил, что их лежит вокруг корабля довольно много: и старых, обесцвеченных дождями, и совсем новых.

— Не хватало нам еще атаки индейцев... Я отправила Ли присмотреть за лесом. — Кристин покашляла в кулак. — Смотри, Диего! Наш неуго-манный капитан в капюшоне затеял строить плот, чтоб его сварили в роме... Скольких тебе удалось прикончить ночью?

— Точно не знаю. — Диего, хоть и повернулся голову и увидел, как моряки в черном вытаскивают на берег бревна, остался погружен в собственные мысли. — Мне кажется, достаточно убить капитана, чтобы все они просто упали и уснули от усталости... Кристин, если этот корабль цел, то он может плыть, разве нет?

Она устало посмотрела на него, а потом запустила руку за пазуху и о чем-то задумалась.

— Фламель! — позвала она несколько мгновений спустя. — Ты говоришь, в трюме нет щелей и пробоин? Корпус цел? Корабль выдержит небольшое плавание?

— Это орихалк! — почти прорычал ученый. — Да, со временем и он улетучивается, но он способен творить чудеса!

— Самбо! — позвала Кристин, и чернокожий матрос тоже показался из трюма. — Хватит копаться там. Ройте с мсье Никола и Диего канал от корабля к воде. Пусть неглубокий, но подведите к кораблю воду! И быстрее, скоро нам придется отстреливаться! Если получится, я, наверное, сойду с ума раньше, чем подохну от этой лихорадки!

Диего подобрал с песка обломок доски — такие использовали Фламель и Самбо вместо лопат — и пошел исполнять приказ. У него болело все тело, но Алонсо чувствовал: это их шанс, настоящий шанс все завершить. Уже начав копать, он покосился на противоположный берег. Там заканчивали связывать два плота, а на песке возле них стояла высокая фигура капитана «Блэк стар». О чем он думал, глядя на лихорадочные усилия Кристин и ее маленькой команды? Кому повиновался?

Кристин, постанывая, вытащила из трюма странно легкие, но удивительно прочные паруса. Помогать себе она запретила, приказав копать, копать как можно быстрее и по возможности глубже. Размахивая доской, не обращая внимания на боль, Диего почувствовал, как подул ветер, сильный ветер. Странным образом его порывы совсем не мешали, а скорее даже помогали Кристин поднимать паруса на невысокие мачты древнего кораблика. Бормоча что-то себе под нос, девушка разбиралась с оснасткой. Закончив с нехитрыми парусами, она еще раз все проверила. Все было в порядке: и корпус, и мачты, и реи, и руль. Когда первые капли речной воды лизнули нос корабля, из леса выбежал Ли.

— Индейцы идут! — крикнул он. — Кристин, их много! Садись в каноэ, кому места не хватит — поплывем так!

— Просто удержи их на расстоянии! — приказала Кристин. — Сядь здесь, бери мушкеты и отгоняй их, нам нужно еще немного времени.

Но они, кажется, не успевали. С плотов, уже плывущих через реку к ним, начали стрелять. Несколько пуль ударились о борта корабля и отлетели, не причинив никакого вреда, не оставив даже царапины.

— Орихалк! — восхитилась Кристин. — Поживешь с нами, Диего, поверишь во всякую чертовщину!

Ли, стреляй пока по плотам! Целься в капитана, а я буду заряжать! Копайте, грешные души, копайте, как будто из ада выкапываетесь, а черти вам пятки жгут!

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОРИХАЛК, СВИНЕЦ И ЗОЛОТО

Ли стрелял по плотам, шедшим через реку, с них отвечали все более плотно. Увидев, что преследуемые, кажется, не пытаются бежать, матросы в черном собрали последние силы. И все же плоты сносило течением, и высадиться рядом с руинами города атлантов у капитана «Блэк стар» не получалось. Оказавшись на мелководье, черные фигуры спрыгнули в воду и рассыпались по берегу. Время, счет которому шел теперь на минуты, истекало.

Им уже удалось прокопать канал глубиной фута в полтора. О том, чтобы корабль смог пройти по нему, и речи не шло, но все, даже Диего, верили в магическую силу дельфина. Пока еще ветер не дул в паруса в полную силу. Кристин приказала окопать судно атлантов по бортам, чтобы вода окружила его от носа до кормы. Едва они успели с этим закончить, как из леса полетели стрелы.

— Все на борт! — крикнула Кристин. — Больше ничего не сделать!

— Ты думаешь, этого будет достаточно? — Только отупление от усталости не позволяло Диего паниковать. Он забрался на корабль и присел рядом с капитаном, укрываясь за бортом от пуль и стрел. — Вода едва касается кораблика, а киль в песке!

— Мы сделали, что успели. — Кристин передала ему мушкет и села к рулю. — Теперь все зависит от дельфина.

Ветер начал усиливаться. Диего с мушкетом в руках высунулся из-за борта, пытаясь высмотреть капитана «Блэк стар», но о мачту тут же чиркнула выпущенная в него стрела. Атакуемые с двух сторон, пираты не могли как следует прицелиться, и нападающие шаг за шагом приближались. Впрочем, была и хорошая новость: не разобравшись в происходящем или просто воспринимая всех пришельцев как врагов, индейцы атаковали и матросов. На миг привстав, чтобы выстрелить, Алонсо увидел, что ниже по течению на берегу разыгралась нешуточная схватка и часть десанта вынуждена отвлечься, чтобы отбить нападение из леса.

А потом корабль качнуло, будто какой-то великан толкнул его что есть сил. Заскрипел о песок

киль, загудели от напряжения пропитанные удивительным металлом мачты, до предела надулись паруса. Самбо завопил от восторга, его поддержал Бартоломеу. С Диего сдуло шляпу, а тучи песка, поднятые ветром, ослепили всех, кто был на борту. Со стороны корабль совсем не стало видно, начавшись настоящая песчаная буря, и стрелять по ним временно перестали. Снова и снова дул ветер под разными углами, будто расшатывая застрявшее в песке древнее судно, и мало-помалу, сотрясаясь и дергаясь, корабль начал продвигаться к реке. Там пенелись волны, стремясь размыть песок, отделявший пленника от реки.

— Это невозможно! — в каком-то мистическом восторге закричал Алонсо. — Невозможно плыть по песку!

— Орихалк! — то ли с ужасом, то ли с отчаянием взвыл Фламель. — Все возможно!

Кристин сидела у руля зажмурившись, одной рукой она сжимала дельфина. Губы девушки шевелились, она разговаривала с предметом. Глядя на нее, такую маленькую и отважную, Диего в этот неподходящий для высоких чувств момент понял, что у руля сидит его судьба. Новый толчок бросил его к Кристин, и не зря — ухватившись за руль, который почти вывернуло из рук девушки, он помог ей его удержать.

— Не могу поверить! — Диего захохотал. — Мы идем по песку на корабле, да еще рулим!

— Штурвал привычнее, — щурясь от туч песка, прокричала капитан. — А морские дьяволы привычнее песчаных! Но я назову это судно «Песчаный дельфин»!

Индейцы, выбежавшие из леса, остановились. Они видели, что пришельцы не только осквернили их святыню, но и подчинили ее себе. Ответ мог быть только один: за кораблем пришли его хозяева, те, о ком предания хранили память тысячи лет. Вперед вышел вождь в красивом головном уборе из множества перьев, протянул к древним богам руки, но тут же упал с размозженной пулей головой. Стреляя в своих и чужих, бежал по берегу капитан «Блэк стар». Добыча снова ускользала, но никогда еще не была так близко, и капитан не мог позволить ей опять уйти.

— Как он быстр! — Выстрелив, Бартоломеу отбросил свой мушкет и вырвал заряженное оружие из рук Самбо. — Как змея!

Португалец выпрямился во весь рост, чтобы как следует прицелиться в зигзагами бегущую к кораблю черную фигуру. Увы, попасть в стремительную мишень он снова не сумел. Зато выстрел противника оказался точен — схватившись за живот, Бартоломеу упал на палубу, заливая пропитанные

оридалком доски кровью. Нос корабля вошел в реку, обдав брызгами всю команду. К раненому подполз Фламель.

— Не высовывайтесь, это приказ! — почти взмолилась Кристин. — Мне нужна команда, что я буду делать без вас, висельников?

Но Диего понимал, что приказ выполнить невозможно. Капитан «Блэк стар» приближался неотвратимо и нечеловечески быстро. Его черная фигура мелькала среди клубов песчаной бури, словно молния. Дважды арагонец выстрелил из пистолетов и оба раза промахнулся. «Песчаный дельфин» уже полностью оказался в воде, прорываясь сквозь мелководье на глубину, когда неудержимый противник оказался рядом с кормой и, невозможным движением ускользнув от сабли китайца, взобрался на палубу. Перепуганный Самбо швырнулся в него мушкетом, и черный силуэт, словно тень уклонился, пригнулся, почти лег на палубу, одновременно оказавшись рядом с Кристин. И тогда Диего ударил не в него, а в пространство, еще разделявшее двух капитанов. И его сабля нашла плоть.

Умирающий враг замер на миг, потом его голова откинулась назад, и черный капюшон сполз на спину. Возможно, капитан «Блэк стар» был альбиносом, но Диего показалось, что он полностью сед, несмотря на молодой еще возраст. У него было чуть

вытянутое лицо с мягкими, даже детскими чертами лица и светло-серые глаза. Он открыл рот, будто хотел что-то сказать, но из горла хлынула кровь.

— Предмет! — четко произнесла Кристин. — Бери его осторожно, Диего! Как паука!

Но этому не суждено было случиться. Последним усилием обладатель рыбы-паруса или, напротив, ее раб сорвал с шеи цепочку, на которой висела серебристая фигурка. Еще миг — и предмет полетел в воду.

— Последний приказ... — будто оправдываясь, просипел человек в черном плаще. С каждым словом из его рта выплескивалась кровь, но он улыбнулся. — Тот, кто все время стоял за моей спиной... Снился в кошмарах... Запрещал даже умереть... Последний его приказ я выполнил... Какое облегчение!..

Пытаясь устоять на ногах, он сделал неверный шаг назад, потом еще один и упал за борт. Только пятна густой, темной крови говорили теперь о том, что капитан «Блэк стар» побывал на борту «Песчаного дельфина». Диего посмотрел за корму.

— Боюсь, нам никогда не узнать уже, кто «стоял за спиной» и как это удалось проделать.

— Не спешите говорить «никогда», сеньор Альонсо! — посоветовал ему Фламель. — Возможно, тот же человек теперь «стоит за спиной» у кого-то другого, не менее опасного.

— Пусть! Зато фигурка рыбы-паруса потеряна навсегда, для всех.

— О нет! — усмехнулась Кристин. — Они умеют выбираться из любых мест. Предметы нельзя ни уничтожить, ни запереть, ни даже выбросить в океан — они всегда возвращаются. Но сейчас мы свободны. Дельфин, выводи нас из этих болот! Морской ветер прогонит мою лихорадку, да и Бартоломеу там будет легче. Что ты делаешь, Фламель?!

Алхимик набрал песка из трюма и теперь горстями запихивал его в рот обессиленного португальца. В другой руке француз держал флягу.

— Лучше было бы запить водой, но есть только ром, — пояснил он. — Надеюсь, песок, пропитанный испарениями орихалка, сумеет смягчить вредоносное действие спиртного.

Самбо, уяснив сказанное Фламелем, сорвал с ноги повязку и принял энергично натирать рану песком. Наблюдая за ним, Диего вдруг осознал, что вся усталость, накопившаяся в его теле, странным образом ушла. Было ли дело в парах улетучивавшегося орихалка? Остальные члены команды тоже чувствовали себя довольно бодро, это касалось и Кристин, которая перестала кашлять.

— Может быть, и тебе проглотить немного этого песка? — спросил капитана Алонсо. — Хуже не станет.

— Мне лучше от того, что дельфин висит на шее, а рыба-парус хоть какое-то время пролежит на дне! — уверенно сказала Кристин. — Теперь больше ветра, ветра! Я не очень доверяю таким старым судам. Надо поскорее убраться ближе к устью, к морю. Фламель, пуля осталась в Бартоломеу?

— Да, потребуется операция, и я смогу ее сделать, — пообещал француз. — Но не здесь. Нужно остановиться.

— Ближе к устью, — повторила капитан, глядя на порозовевшие щеки португальца. — Сдается мне, наш приятель протянет еще несколько часов с этим твоим орихалком!

Ветер по-прежнему наполнял маленькие паруса «Песчаного дельфина», и этого с лихвой хватало, чтобы быстро скользить вниз по течению. Совсем недавно они покинули берег, но уже прошли половину пути до места, где капитан простились с «Ла Навидад». Никакого участия матросов в плавании не требовалось, и все понемногу задремали. Только Диего, сидя вместе с Кристин на корме, у руля, не мог уснуть из-за переполнявших его чувств. Он даже робко попытался обнять девушку, но она остановила его.

— Сеньор Алонсо, ты многого не знаешь...

— Так расскажи!

Спать совсем не хотелось, погода стояла прекрасная, и древний корабль просто летел по волнам, управляемый самой прекрасной девушкой на свете. Диего был счастлив.

— Расскажи мне все!

— Я дочь пирата и всегда мечтала стать капитаном. — Кристин нахмурилась, собираясь с мыслями. — Да, Диего, ты заслуживаешь знать нашу историю. Все началось с очередной карибской сказки. Мы живем среди сказок и легенд, ты заметил? Вранье и преувеличения так перепутаны, что правда совсем теряется среди них. А ведь она может оказаться удивительнее любого вранья, и на островах это помнит каждый ребенок. В тавернах и на плантациях стали рассказывать об испанском галеоне, который пришел с севера с грузом золота. Якобы его потопил мой отец. Да, это было, он рассказывал мне: зашел в бухту, где была назначена встреча с буканьерами, увидел испанский флаг над каким-то суденышком, дал залп и потопил его. Обычное дело! Но сказка говорила, что на нем были конкистадоры, которые должны были быть мертвы уже сотни лет. А еще — золото. Индейское золото. Один человек... Один буканьер, Клод Дюпон, охотился на том острове с товарищами. Он успел поговорить с последним испанцем и узнал об острове Демона на севере, на котором спрятаны

сокровища. Он попытался разузнать об этом острове побольше, вот как ты, когда услышал о предметах и охотниках. Клод отправился в Европу и там наткнулся на дельфина. Он привез его на острова. Дельфин чувствует желание владельца и способен отвести корабль туда, где это желание исполнится. Отец, капитан Гомеш, я, команда — все мы поверили в легенду об острове Демона! Нужен был только Ключ, чтобы проникнуть в подземелье.

— Это похоже на восточную сказку, — сказал Диего. — Сокровища в пещере и джинн, который их охраняет.

— Я не разбираюсь в восточных сказках. Ключ оказался у Ле Вассера, губернатора Тортуги. Не важно, как именно, но мы смогли запустить руку в его кладовую. Ле Вассер не прощает таких выходок, и мы покидали родной дом всех пиратов Карибского моря под грохот пушек. Потом мы нашли остров с помощью дельфина и сумели проникнуть в подземелье. Золота там уже не было, зато Клод понял, с чем мы имеем дело. Ключ позволял запустить древнюю, почти разрушившуюся от дряхлости машину. Не знаю, кто и когда ее построил. Может быть, атланты?

— Машина, перемещающая людей во времени! — догадался Алонсо. — Я всегда верил, что это правда...

— Мы кое-что знали об истории славных плаваний, — продолжила Кристин, чуть нахмурившись. — Испанские галеоны с золотом, знаменитые капитаны, совершившие славные рейды... Начать было решено с Френсиса Дрейка. Наш «Ла Навидад» был больше и быстроходнее его судов, а пушки стреляли разрывными ядрами, которых у «Эль Драко» не было. Чем может грозить наше вторжение в прошлое, мы не думали. А про охотников — не знали. Мы не знали даже, что существуют другие предметы. Но пришлось очень скоро узнать — наше вторжение не понравилось тем, кто стоит за кулисами нашего мира. Мне сказали, что «Ла Навидад» не был в наших краях всего около семи месяцев. Но на самом деле мы успели обойти весь мир. Нас пытались прихлопнуть, как надоедливого комара, вместе с кораблем. Но дельфин, а потом и некоторые другие предметы помогли уцелеть. Но не всем... Там, в других временах, навсегда остался мой отец и большая часть команды. Но было и пополнение, всякое случалось. Ли служил Восточному клану охотников, но попал в безвыходное положение и ушел с нами. Самбо из Восточной Африки, он оказался слишком далеко от дома и не захотел возвращаться. А наш португальский друг вступил в команду, чтобы отомстить одному общему врагу. Все они из другого мира,

и здесь у них никого нет. Мы были в разных временах, Диего, видели разные корабли. И мы знаем, что за самыми громкими событиями, за войнами и всей мировой политикой стоит игра предметов. Охотники боятся за волшебные фигурки, которые дают своим обладателям удивительные свойства. Одна поможет стрелять без промаха, другая — заставит людей подчиняться тебе беспрекословно, третья умеет находить другие предметы... Сколько их? Я не знаю. Мы быстро поняли, в какое пекло угодили, но выбраться оказалось непросто. А еще мы нашли золото. Чужое золото... О, его было так много, что все сказки об Эльдорадо бледнеют перед тем, что мы видели! Сто таких судов, как «Ла Навидад», не смогли бы вывезти его все. Ты понимаешь, что принадлежали сокровища не простым людям. Мы запустили руку в их карман, но это — пустяк. Они отдали бы больше за то, чтобы получить дельфина. Но только он мог вернуть нас домой, и вот это случилось.

— Значит, вы знаете тайну? Вы знаете, как переместиться в другое время и... — Диего выбрал первое, что пришло в голову: — И перехватить корабль атлантов с орихалком!

— Возможно, это все изменило бы, и сегодня нам не удалось бы спастись. — Кристин безразлично пожала плечами. — Не знаю. Ключ можно было

использовать лишь ограниченное количество раз, а машина почти разрушилась. Я смогла переместить «Ла Навидад» в родные времена только с последней попытки. Теперь дорога в подземелья острова Оук закрыта. История могла бы закончиться, но охотники хотят вернуть предметы. Дельфин все еще со мной, но разве без него мы уцелели бы? А еще... Мы лишились Клода. Он затерялся в других временах, и дельфин, который может привести хозяина туда, где исполняются желания, моя последняя надежда.

— Значит, Клод? — проговорил Алонсо с тяжелым сердцем. — Но он... Потерялся? Ты должна рассказать мне больше.

— Не думаю! — вдруг резко сказала Кристин. — Эй, подонки морей! Просыпайтесь, до палача вам еще доплыть надо, а прямо по курсу «Блэк стар»! Вас, мсье Фламель, это тоже касается! К бою все!

Подгоняемый ветром, «Песчаный дельфин» шел по реке удивительно быстро. Обогнув скалистую возвышенность, кораблик достиг того места, где черный корабль остался сторожить беглецов. Теперь остатки команды готовы были исполнить приказ своего уже мертвого капитана. «Блэк стар» стремительно вышел на середину реки и развернулся бортом. С обеих сторон показались шлюпки, в них сидели матросы с баграми.

— Справа! — крикнул Ли. — Обойди их справа, мы как-нибудь прорвемся! Обрубим багры, а стрелять из пушек они не рискнут!

— Мне не нравится этот корабль, — пробормотала Кристин так, что услышал ее только Диего. — И моему дельфину этот корабль тоже не нравится. Я не хочу нового боя. Мсье Никола! Вы говорили, что орихалк сделал этот корабль необыкновенно прочным и долговечным?

— Да, — отозвался француз. — Только время все равно ведет свою работу, чудо-металл испаряется. Возможно, это последние пары орихалка в нашем мире. Дерево успело окаменеть в песке, но теперь, под воздействием воды и ветра... Я не думаю, что плыть на нем до Кубы — безопасно.

— А этого и не требуется, — решилась на что-то Кристин. — Пока наши борта тверды как камень. Вот этим и воспользуемся. В трюм все!

Ветер подул в паруса «Песчаного дельфина» с утроенной силой, мачты наклонились вперед. Перед носом кораблика заплясали пенные буруны, захлестывая бак. Выравнивая курс, капитан направила нос корабля прямо в центр корпуса «Блэк стар». Никто из пиратов не покинул палубу, они лишь спрятались за бортами и мачтами. Спорить с капитаном никто даже не попытался. Фламель впал в ступор, круглыми глазами глядя на Диего.

А тот, понимая, что делать что-либо поздно, просто обнял Кристин, стараясь заслонить собой девушку.

Удар был вовсе не таким страшным, как ожидал Алонсо. Их с Кристин бросило на палубу, с громким треском обломились верхушки обеих мачт, но «Песчаный дельфин» на удивление легко перенес испытание. Орихалк и правда оказался чудесным металлом! Корабль атлантов пробил гостеприимно подставленный черный борт и, вспарывая палубу остатками мачт, вышел через другой. «Блэк стар» не успел даже покачнуться от мощного тарана. Сидя на палубе, Диего, не веря своим глазам, смотрел на длинный черный корабль с огромной дырой посередине. Потом нос и корма его стали подниматься, «Блэк стар» словно переламывался пополам. Кричали матросы, стремясь успеть отгрести подальше от тонущего корабля.

— Вот как все просто, когда есть дельфин, но нет рыбы-паруса! — рассмеялась порозовевшая Кристин и подняла с палубы мешок с сухарями, выпавший из трюма «Блэк стар». — У нас гостинец! Ли, посмотри, что с нашим корпусом ниже ватерлинии. Мне показалось, снизу был какой-то звук.

Все еще не в силах поверить в новое чудо, Диего на дрожащих ногах добрался до кормы и сел к рулю. Кораблик все так же ходко разрезал носом речные воды, оставляя позади то, что еще

несколько часов назад казалось непобедимым, а теперь целиком уходило на дно. Китаец заглянул в трюм и вернулся с озабоченностью на лице. Удивляться он, видимо, просто не умел.

— Есть течи. Кажется, они расширяются, и если нам нечем их латать, то лучше править к берегу.

— Я хочу пройти к устью, сколько успеем! — сказала капитан, и ветер задул еще сильнее. — На берегу мы сможем сигнализировать дымом проходящим кораблям, а встречаться с индейцами и бегать по болотам я больше не желаю! Бартоломеу, как ты?

— Я доплыть до берега, — пообещал португалец, который пришел в себя после удара по «Блэк стар», хотя, кажется, пока ничего не понимал. — Только сапоги с меня снять, а я доплыть.

И «Песчаный дельфин» продолжил бег по реке. Кристин вернулась к рулю и села рядом с Диего, почти прижавшись к нему. Девушка улыбалась, и он понял, что ее забавляет его ошеломленный вид. Алонсо постарался придать лицу осмысленное выражение и даже зачем-то подкрутил мокрые усы.

— Думаю, пока корабль не затонул, мы можем спокойно продолжить разговор, как принято у бывалых моряков? — спросил он. — Ты не рассказала мне еще об очень многом. И прежде всего я хочу спросить...

— Я рассказала тебе достаточно, Диего. Теперь ты не спеша должен сам для себя решить: так ли ты умен, чтобы выкинуть все это из головы. Я тебе могу дать только один совет. Как только мы отсюда выберемся, забудь обо всем и живи, как прежде. Лучше всего — вернись в Европу и снова стань аббатом. У тебя получится, я знаю!

— Я хотел спросить о Клоде, — упрямо договарил Диего.

— Не нужно, — попросила Кристин. — Мы с ним, может быть, никогда больше не увидимся. А может быть, он этого и не хочет. Но я капитан и не бросаю членов своей команды. Не нужно об этом говорить, и не нужно об этом думать. Особенно сейчас, когда мы застряли на диком, необжитом полуострове, а единственное, на чем можно плыть, скоро пойдет ко дну.

— Орихалк... — печально сказал Фламель. — Я мечтал добраться до лаборатории и попробовать выделить хоть каплю... Но его уже не спасти. — Он держал руке обрывок каната, содержавший в себе драгоценную субстанцию. — Я просто чувствую, как он уходит, рассеивается в атмосфере и канат рассыпается в труху. Если бы мы оставили корабль в песке, разложение шло бы не так быстро... Тысяча морских дьяволов, как вы говорите! Я больше трехсот лет искал орихалк, а когда нашел, не смог удержать.

— Сколько-сколько лет? — удивился Ли.

— Сколько я сказал! — буркнул француз. — Но что вам до моей истории, у вас есть своя... Хотя, если нам суждено провести в этой дикой глуши долгое время, я могу кое-что поведать. Во Франции многие рассказывают сказки о Никола Фламеле, не хуже карибских!

— Корабль разваливается! — Кристин не дала алхимику договорить. — Простите, мсье Фламель, мы потом с удовольствием выслушаем вашу историю, но «Песчаный дельфин» оказался способен только на одно плавание.

Вода уже до половины наполнила трюм. Диего провел пальцем по скамье и увидел, как ноготь, словно рубанок, снял стружку. Орихалк покидал древесину, и корабль вспоминал, сколько ему на самом деле лет. Самбо, подскочив к Бартоломеу, стащил с португальца тяжелые сапоги.

— Шлюпка! По правому борту шлюпка! — тревожно крикнул Ли. — А я уже было испугался, что приключения на сегодня окончены. Кого Сатана послал по наши души теперь?

— Тощий Бен?.. — не веря глазам, спросила прищурившаяся Кристин. — Мне кажется или наш плотник машет мне рукой?

Но это действительно был он. Шлюпка, движимая двумя гребцами, пришвартовалась к борту

корабля. Разговаривать было некогда: команда покинула расплзающуюся под ногами палубу как раз вовремя — «Песчаный дельфин» стремительно уходил под воду. В шлюпке Бен и еще два матроса с «Ла Навидад» молча смотрели на новоприбывших, ожидая рассказа.

— Нет, — сказала капитан. — Сначала вы мне объясните, что произошло с моим кораблем.

— А мы пока не знаем! — расхохотался Тощий Бен. — По пути к морю О'Лири решил, что стоит облегчить судно и выгрузить половину золота. Моррисон было взялся спорить, но потом мы рассудили, что это правильно. Мало ли как обойдутся с нами Стивенс и тот голландец, а половина приза останется припрятана. Нас ирландец оставил сторожить клад и обещал обязательно вернуться.

— Это верно, золото припрятать! — крикнул повеселевший Самбо. — О, я вижу хижину! Нам будет где жить, пока мы его ждем!

— Это еще не все! — продолжал Бен. — Половину от того золота, что осталось на «Ла Навидад», этот выжига приказал спрятать в пушки — ядер-то у нас все равно нет. Не удивлюсь, если и это дельце у него выгорит. Золотишко в трюме еще предостаточно, чтобы наши друзья пираты остались в барышах. Думаю, он как-нибудь договорился и вывел корабль к островам! А раз так, будем ждать. Тут

много рыбы, а у вас, я вижу, целый мешок сухарей. Очень кстати, капитан! Добро пожаловать в хижину Бена!

Диего только улыбался. После полной скитаний и тревоги ночи он и мечтать не мог, что в следующую окажется под крышей, сытый и в безопасности. Кроме того, в той же хижине будет и Кристин. Его беспокоило одно французское мужское имя, но Алонсо старался не вспоминать его хотя бы до тех пор, пока не высится. Завтра должна была начаться новая, таящая множество и опасностей, и удивительных возможностей жизнь.

— Как ты думаешь, капитан О'Лири действительно за нами вернется?

— За нами? Конечно, нет! — воскликнула Кристин. — Зачем мы ему нужны? Но Джеймс — толковый пират и за золотом вернется обязательно. Вот только расскажет в тавернах новую морскую сказку и вернется. Я еще увижу на горизонте «Ла Навидад».

СКОРО В ПРОДАЖЕ

Вадим Чекунов

ТИРАНЫ СТРАХ

Автор идеи
Константин Рыков

ЭТНОГЕНЕЗ

Издательство «Этногенез»
Москва, 2013

«Аргументы и Факты»
Москва, 2013

СЕРЕБРО

Сильвестр застал царя за молитвами.

Улучив момент, когда тот его заметит, настоятель опустился рядом, держа под мышкой небольшую книгу.

— Сегодня с тобой не Святое Писание, иерей, — заметил царь. — Что за книга?

Протянул было руку, но Сильвестр дотронулся до его кисти, остановил.

— Не спеши, государь! — строго сказал он. — Сначала пора бы тебе узнать кое-что о рыцарях Храма. Ведь твой Медведь — из их сокровищницы. Той, что досталась землям новгородским и московским. И он — вовсе не один такой.

— Есть еще Медведи? — встрепенулся Иван. — Сколько? Где? У кого?!

Старик отрицательно покачал головой:

— Медведь только один, государь. Но есть и другие фигурки. Об их могущественной силе я тебе расскажу сегодня. Время пришло.

Иван поднялся, жестом приказал встать иерею. Подойдя к лавке, стоявшей вдоль стены с рядом узких окошек, пригласил сесть. Сильвестр повиновался. Положил между собой и царем принесенную

книгу, прикоснулся к ее темной обложке, без каких-либо рисунков и букв, и задумался.

— Мне известно совсем немного. Тайна серебристых фигурок крепка. Знаю лишь то, что передается в монастырях, — сдержанно начал рассказ седой иерей. — Существовали они испокон веков. Когда точно появились, об этом никому неведомо. Возможно, Господь сотворил их одновременно с Адамом и Евой. Вручил для того, чтобы смогли они выжить, изгнанные их рая.

— Значит, прав я в догадках своих — это дар Господний! — с жаром воскликнул набожный царь.

— Скорее, дозволение Божье, — поправил иерей.

Иван нахмурился и возразил:

— Если дозволил, значит, и даровал!

Сильвестр изумленно глянул из-под бровей на юного собеседника. Открыл было рот, но не нашелся с выражением.

— Человек не только дух, но и плоть! Для духа Господом дарована молитва. Для телесной же нужды человека Спаситель сотворил... — царь запнулся и озабочился. — Скажи, а как называются эти вещицы?

Иерей пожал плечами.

— В разные времена и у разных народов — по-разному, государь. Язычники, иудеи, христиане, магометане — у каждого для них свои слова. Но название — не главное. Важнее — суть предметов. Владеть ими доступно не каждому, но кто сумеет познать их могущество — становится среди людей первым.

— Ты что-то говорил о фряжских храмовниках и их сокровищнице, — нетерпеливо перебил царь. — Расскажи! Как Медведь оказался в московской земле у отца?

— Как все пребывает в движении, так и предметы путешествуют по миру. От одного владельца к другому, от самого сотворения человека и до скончания веков. Иные лежат в потайных местах многие тысячи лет, другие — меняют хозяев стремительней, чем по осени меняет краски кленовый лист. Удержать у себя такую вещицу непросто.

Иван понимающе кивнул.

Иерей продолжал:

— Некоторые вещицы были на Руси еще с языческих времен. Другие попали не так давно. Медведь и с ним еще пара фигурок — без малого две с половиной сотни лет назад, когда прибыли к нам беглые храмовники. От них и укрепилось одно из названий — серебро. Орден их был уничтожен. Ты же знаешь, государь, что церковь во все времена славилась стяжательством. Латинянские инквизиторы не исключение. А уж алчность короля Филиппа была вовсе безмерна.

— Что верно, то верно! — усмехнулся Иван. — Короли галльские да папы-латиняне до золота всегда охочи!

Неожиданно Сильвестр тепло и просто улыбнулся — так улыбается отец, наблюдая за малолетним сыном.

— Государь мой, — мягко сказал иерей. — Есть вещи в мире, цена которых неизмеримо выше золота.

— Знаю, — кивнул Иван.

Сильвестр вопросительно-иронично взглянул на юного царя.

— Власть, — просто пояснил тот.

Иерей подвигал бровями, обдумывая что-то.

— Возразить трудно, — наконец ответил Сильвестр. — Тебе, государю, виднее. Грех стяжательства погубил и храмовников, и короля, и главных палачей. По ложному обвинению казнили сотни людей. Спасаясь от гонений и смерти, храмовники разбрелись по свету. Но им удалось заранее вывезти из своего храма самое ценное. И вот в лето шесть тысяч семьсот девяносто седьмое на Русь, в Новгородщину, прибыли восемнадцать их кораблей. Да не простых — набойные мореходные насады, полные золотых монет и жемчуга. Среди несметных богатств, что они привезли, был небольшой кузовок. Но именно его храмовники оберегали пуще всего! В нем хранилось то самое серебро, что в свое время рыцари нашли в подземельях Храма Соломона. Часть этих находок они спрятали на тайном острове, а несколько штук привезли в наши земли. Русь православная надежно укрыла храмовников от латинянского папы. Встретил же корабли московский князь Юрий Данилович вместе с новгородским владыкой. Поклонились

им храмовники и поднесли привезенное. Рыцарей приняли радушно. Решено было переправить их подальше от рубежей, в московскую Даниловскую обитель. Вот с того года и начала возвышаться Москва над другими русскими городами. Разве что Новгород не отставал. Но то не соперничество было, а дружба.

— Как это? — удивился Иван. — Новгородцы москвичей никогда не жаловали...

— И опять возразить мне тебе, государь, затруднительно, — ответил Сильвестр. — Семье твоей новгородцы немало хлопот доставляли. Не любили они москвичей. Кроме, пожалуй, именно князя Юрия Даниловича — того принимали охотно. Да и сам московский князь спустя пятнадцать лет уступил Москву брату и отправился жить в Новгород.

— Сложил с себя титул? — нахмурился Иван.

— Нет, государь. Юрий остался великим князем. Защищал подданных от свейского короля и даже мир с ним заключил от имени Новгорода. Литву окаянную, что вечно набеги на земли его делала, прогонял успешно. Выстроил крепость Орешек, покорил своенравный Устюг. Много дел на благо новгородцам совершил.

— Удачлив был князь, — обронил Иван.

— Неспроста, государь. Ведь у него были помощники — верные, послушные, наделенные небывающими силами.

— Где же таких съскать... — хмыкнул царь. — Разве что ангелов призвать на помощь.

— А хоть бы и ангелов, — неожиданно согласился иерей и похлопал по принесенной им книге.

Иван озадаченно взглянул на него.

— Рассказывай. Вижу, что вещица старинная.

— Посмотри сам, — пододвинул ее Сильвестр.

Иван взял увесистый фолиант, с любопытством раскрыл. Вгляделся в незнакомые буквы, испещрившие тонкий пергамент первой страницы. Не латынь и не греческий. Точно не восточные письмена.

Царь вопросительно поднял глаза на Сильвестра.

Иерей пояснил:

— Книгу эту привезла твоему деду Ивану среди остального приданого Софья Фоминична. Приданое было поистине велико — но не золотом и украшениями, которых тоже имелось в избытке. Больше всего византийская твоя бабка дорожила привезенными в Москву книгами и рукописями. Убоявшись пожаров... — Сильвестр вздохнул, вспомнив последний, — великая княгиня повелела склонить их в подклети храма Рождества Богородицы. При отце твоем, Василии, латинские и греческие книги переводил Максим Грек, и иудейские на русский язык переклали многие. Но вот эту... — иерей развел руками. — Языка же этого никто не знает. Мы лишь допускаем, что это ни что иное, как енохианский язык.

— Вот как? — удивился Иван. — Ангельский язык...

Однако увиденное дальше слегка разочаровало его. Незатейливые рисунки невиданных цветов, с крупными сердцевинами и мелкими лепестками, странные ягоды и чудной формы листья, напоминавшие папоротник. Впрочем, попадались и знакомые растения — васильки и ромашки, но тоже изображенные так, что с первого взгляда узнать трудно.

— Знахарская вещь? — с усмешкой спросил царь, листая страницы. — Чтобы зелья варить ядовитые, приворотные, отворотные?

Сильвестр покачал головой.

— Ты слишком поспешен в суждениях, государь. Перелистнув пару страниц, Иван вздрогнул. Изумленно подняв брови, он посмотрел на иерея.

— Это... и есть — серебро?

Сильвестр кивнул.

— Так назвали эти вещицы латиняне. Хотя к серебру фигурки не имеют никакого отношения. Ты и сам, государь, знаешь — это нечто другое. Но ни монахи-рыцари, ни мы, православные, ни другие посвященные — никто не может сказать, что же это такое. Известна лишь чудодейственность предметов, но далеко не всех. Енохианские записи, возможно, сообщают многое... Но нет никого, кто смог бы прочесть их. Священники Византии и латиняне Рима часто платили за познание дорогую

цену — силу и свойства фигурок приходилось изучать, рискуя собой. То, что удалось им узнать, записали вот тут, под рисунками, на своих языках. Смотри, возле некоторых исчерканы все поля, и даже между енохианских строк втиснуты греческие и латинские буквы.

— Но кто же написал саму книгу? — Иван удивленно посмотрел на иерея.

Сильвестр пожал плечами.

— Кто бы он ни был, среди прочих загадок он поместил на страницах множество изображений предметов и явно о них знал многое. Православное духовенство продолжило изучение фигурок. Но тайну разгадать пока не удалось никому. Нет и единого мнения о природе этих вещиц. Стяжатели-иосифляне объявили их «игрушками сатаны», «бесовскими зверушками». Возможно, что-то по-прятали по своим монастырям и соборам, якобы заключили под стражу, на вечное хранение. Но преподобный Нил Сорский неустанно уличал их в лукавстве — не от соблазна уберечь людей они захотели, а сами пожелали тайно владеть. Фигурки же эти — подарок от Господа, через ангелов людям переданный. Человек может использовать Божий подарок как во благо себе и другим, так и во вред. Задача духовенства лишь в наставлении, помощи, направлении. Ты по юной вспыльчивости творил Медведем зло, а отец твой Василий обращал его на благо.

Внимательно слушая иерея, Иван перелистывал тонкие пергаментные страницы. И хотя он не был согласен со словами Сильвестра о зле — разве истребление бунтовщиков может считаться таким? — откровенность и смелость старика пришлись ему по нраву. Мало кто решался так общаться с царем.

Молодой царь пристально разглядывал нарисованные предметы.

— Их тут десятки! — восхищенно воскликнул он. — А вот и мой Медведь!

— «Обладающий им повелевает животными», — перевел иерей краткую подпись под рисунком, в который уперся палец Ивана. — Как видишь, государь, этот предмет не слишком интересовал изыскателей.

— А вот эти стрелки указывают на полезную совокупность, — продолжал Сильвестр, показывая на тонкие разноцветные линии, соединявшие разные изображения. — Твой Медведь не у дел вовсе, а вот эта бестия — отмечена как важная и объединена с другими.

Иван с любопытством посмотрел на рисунок неведомого ему животного — тонконогого, как лошадь, но с длинной змеиной шеей и головой оленя, где вместо ветвистых рогов торчали странные наросты.

Сильвестр пояснил:

— Это африканская тварь. У кого во владении такая фигурка, повелевает всем, что растет из земли. Может выращивать злаки — сколько ему будет потребно, за кратчайшие сроки.

— Пожалуй, не нужны станут холопы на полях, — засмеялся Иван. — Впрочем, их тогда в войско — прокормить-то хватит всех!

Царь прочертил пальцем к другой фигурке, соединенной с повелителем растений синей линией.

— Ну а эта? — поднял глаза на иерея.

— С Тигром в руке тебе откроются земные недра, и ты увидишь золотые самородки и нити на любой глубине.

— Петух? — провел Иван по другой синей линии

— Не ошибиться в выборе, угадать причину, почувствовать правильное решение. Эту фигурку цепят мастеровые и разного рода добытчики.

Царь задумался.

— Получается, имей кто-нибудь вот это чудище длинношеее, Петуха да Тигра к нему в придачу — будет жить себе припеваючи? Сыт да богат?

— Так, да не так, — покачал головой Сильвестр. — За каждое чудо приходится страдать. Чем чаще обращаешься к силе фигурок, тем больше изнуряешь себя. А возжелавший обладать несколькими вещицами разом, как правило, обречен на падучую и скорую смерть.

Иван перевернул страницу.
Сильвестр указал на фигурку раскрывшего хвост Павлина.

— Вот это уберегает от стрел. А хранится эта райская птичка не так уж далеко — в Кирилло-Белозерске. В том самом монастыре, куда твой отец ездил молиться о даровании ему наследника.

— Постой-ка, старик! — Иван отложил книгу и взволнованно прошелся вдоль лавки. — Выходит, не у одних новгородцев хранится это серебро?

— Конечно, нет. Ведь князь Юрий Данилович не одним золотом поднимал княжество Московское. Другое дело, что теперь следы многих предметов утеряны. Ведь за минувшие столетия вещицы где только не побывали. Монастыри открываются или приходят в запустение, настоятели меняются, случаются и войны, пожары. Иной раз достаточно человеческого искушения — бывали и хищение, и подлоги.

Предметы давно разошлись по разным землям. То, что хранилось новгородцами, теперь в Москве, и наоборот. А что-то спрятано в Европе, Новом Свете и Азии. По слухам, у казанцев в главной мечети что-то припрятано...

Глаза Ивана сузились, губы плотно сжались.

— Так вот я эти слухи и проверю! — решительно произнес он, снова хватая книгу. — Негоже без дела лежать серебру! Поеду в Кириллов, получу от чернецов райскую птицу. И тогда — на Казань!

Силясь унять накатившее возбуждение, обхватил себя руками за плечи.

Сильвестр помолчал, испытующе глядя на царя.

— Получить фигурки непросто. В Кириллове тебе не откажут — монастырь этот духовный оплот нестяжателей. Но помни об осторожности, государь! За вещицами ведется непрерывная охота. Войны, расколы измены, бунты — порой лишь следствия чьей-то игры, поиска или находки подобных вещиц.

— Думаешь, и вчерашний бунт не пожаром вызван?

Иерей кивнул:

— У того, кто подстрекал толпу, вполне могла быть цель — воспользоваться беспорядком, проникнуть во дворец и попытаться найти предмет.

— Здесь, в Воробьеве? — изумился царь. — Выходит, знают, что он всегда при мне? Был...

Сильвестр пожал плечами.

— В Москве, думаю, все соборы и кремлевские палаты уже обысканы. Но если науськивали толпу на твой дворец, значит, хотели и тут поискать. Могли Медведя твоего отнять.

— Что предлагаешь, старик?

Сильвестр поднялся и строго сказал:

— Молиться.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Многопользовательская онлайн
стратегия по мотивам литературного
сериала «Этногенез»

www.voina.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	7
Глава первая	
Таверна мадмуазель Монморанси	25
Глава вторая	
Корабль из ниоткуда	53
Глава третья	
Кое-что о сеньоре Алонсо-Галеано	67
Глава четвертая	
Дурачок Фламель	91
Глава пятая	
Ночной бой и рыба-парус	113
Глава шестая	
Морской бой и чужак	142
Глава седьмая	
Третья попытка «Блэк стар»	175

Глава восьмая Морская погода переменчива.....	190
Глава девятая Капкан, дичь и хищник	213
Глава десятая Вверх по реке, под парусом и пешком	235
Глава одиннадцатая Два капитана и хромой корабль.....	251
Глава двенадцатая Капитаны без кораблей	267
Глава тринадцатая Серебристая фигурка и доверие капитана.	283
Глава четырнадцатая Корабль, который умел ждать	299
Глава пятнадцатая Орихалк, свинец и золото	315

Литературно-художественное издание

Игорь Пронин

ПИРАТЫ
Охота на дельфина

Руководитель проекта Константин Рыков

Редакторы: Вадим Чекунов, Лариса Бортникова

Корректор Наталья Витько

Выпускающий редактор Дмитрий Гусев

Арт-директор, автор обложки Алексей Гонтов

Вёрстка Эрик Брегис

Аудиоверсия: Андрей Градобоев, Роман Галушкин

Хранители идеи: Елена Кондратьева, Александр Шмелев,

Сергей Пименов

Правовое сопровождение: Юлия Полянцева,

Алексей Наказной-Хоменко

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

Подписано в печать 15.04.13 г. Формат 84x108 1/32

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура CharterC 11 pt

Условных печатных листов — 11

По лицензии ООО Издательство «Этногенез»

ООО Издательство «Этногенез»

Россия, 127055, г. Москва, Угловой переулок, д. 4

тел. / факс: +7 (495) 660 04 67

www.etnogenez.ru

ЗАО «Аргументы и факты»

Россия, 101000, г. Москва, ул. Мясницкая д. 42

тел. / факс: +7 (495) 783 83 55

www.aif.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая образцовая типография», филиал
«УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова д. 14